

ВИКТОР РАССОХИН
СЕРГЕЙ РАССОХИН

ГЕРОЙ ВЕЧНОСТИ

Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

М.Ю. Лермонтов

Вид Эльбруса. 1837.

Кавказский вид. В окрестностях Цинандали.

Эльбрус. Лунная ночь. 1895.
Картина А.И. Куинджи (1842–1910).

Картины «Атака лейб-гвардии гусар
под Варшавой 26 августа 1831 года» и «Чеченец».
1837–1838.

Герб рода Лермонтовых

Юрий Петрович Лермонтов (1787-1831), отец поэта

Москва. Начало XIX века

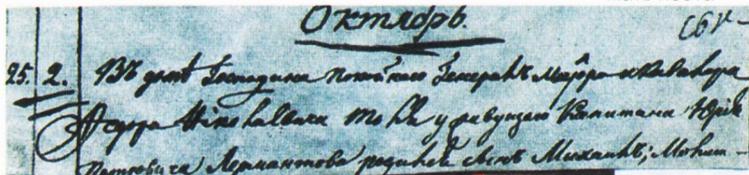
Мария Михайловна Лермонтова (1795-1817), мать поэта

Усадьба Тарханы

Елизавета Алексеевна Арсеньева (1773-1845), ангел-хранитель внука

Запись о рождении сына Михаила в семье Лермонтовых

Миша в возрасте 4 и 8 лет

Работа Ф.О. Будкина

Дорогой длинною

Через горную реку

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814-2014)

На балу

КОГДА ВОЛНУЕТСЯ ЖЕЛТЕЮЩАЯ НИВА...

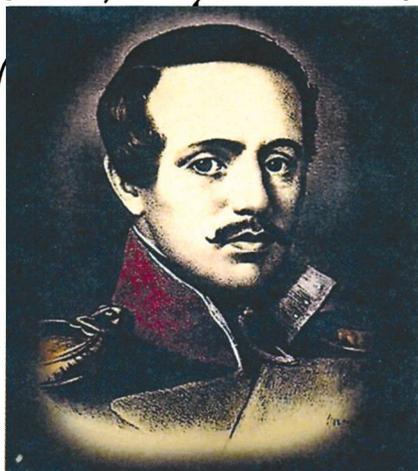
Рожь. 1881. А. К. Саврасов (1830-1897)

Читателям и сотрудникам Областной
 библиотеки им. Ч. А. Бунина —
 в честь 200-летия Виктора Рассохина
 м. ю. Леумонтова в честь 75-летия
 освобождения Орловщины от
 оккупантов **ГЕРОИ** в честь
 180-летнего юбилея Храма Знания,
ВЕЧНОСТИ

83.3(2=411.2)
 Р24

где когда-то отслужил молебем
 Иоанн
 Кронштадтский!

А 298306

БУКОО
 Орловская областная научная
 универсальная публичная
 библиотека им. М.А. Бунина

Певцу России и Кавказа

200 лет
 (1814-2014)

С наступающим Новым годом!
 Глубокий и могучий дух... О, это будет
 русский поэт с Ивана Великого! Чудная натура.

В.Г. Белинский
 (1811-1848)

Книга в библиотеке Президента
 РФ В. В. Путина, у Патриарха
 Кирилла и его Россия духовника Вяч.
 Союз российских писателей

В. Рассохин
 Орёл
 2014-2015
 18.12.2018

В. Рассохин
 БУКОО
 Орловская областная научная
 универсальная публичная
 библиотека им. М.А. Бунина

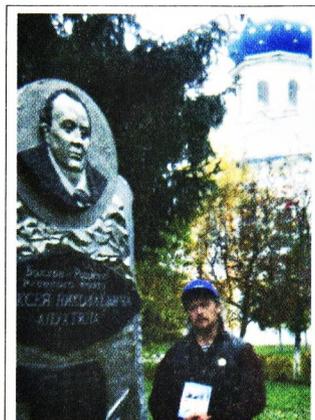
ББК 83.3.(2)

Р 24

Виктор Рассохин, Сергей Рассохин

Р-24 Герой вечности. (Посвящается 200-летию со дня рождения поэта и судьбам представителей литературы, искусства и культуры XIX–XX–XXI веков). Стихотворения, поэмы, рассказы, очерки, статьи, рецензии, письма. – Орёл, издательство «Новое время», 2015. – 272 с., илл.

ББК 83.3(2)

Виктор Рассохин готовит к изданию книгу «Век ИКС(х)» – о трагедиях на двух полушариях Земли во Второй мировой войне и о её кровавых сигналах в XXI веке.

Отец и сын Виктор и Сергей Рассохины – члены Союза российских писателей, авторы 40 книг, известных не только на Родине. Широкому читателю знакомы «Шапка Мономаха», «Последняя дуэль», «Ток», «Шамиль в Калуге», «Мы Вас любим, фронтовики!», «Небесные снайперы», «Победившие смерть», «Щедринарий», «Страна непуганых идиотов», «Посмертный обыск» об А.С. Пушкине, «Золотая кувшинка» об И.И. Левитане, труды о Н.Н. Поликарпове, В.П. Чкалове «Сердце над облаками», «Штурмующий небо», «Небoproходцы», о героях авиации.

Жестоким сражениям на Чёрном море, в Атлантике и на Тихом океане посвящены работы «Тихие Гавайи?», «На воде некуда бежать».

Новая книга «Герой вечности» – анализ творческой мысли и сложных судеб выдающихся сыновей и дочерей России на рубеже трёх столетий.

В Болхове помнят о своём земляке поэте Алексее Апухтине.

Романс на его слова «Пара гнедых» пели и поют на Родине и за рубежом.

Сергей Рассохин возложил книгу об А.С. Пушкине к памятнику поэту и в честь тех, кто не забыл его творчество.

Дизайн авторов

5. ПЕ-ВЕ-РА-15

© Рассохин В.В., 2015

© Рассохин С.В., 2015

НАШ ЛЕРМОНТОВ

Орловские писатели Виктор и Сергей Рассохины сочетают литературу с историческим исследованием. В своих произведениях они стремятся подвести читателя к размышлениям о нашем прошлом с позиций нравственности.

«Герой вечности» создавался не один год. Лермонтов – означает всероссийски любимый и почитаемый, бессмертный в своём резком или лирическом мировоззрении, наш – даже в переводах великих классиков поэзии. В книге о войне и ясновидце размещён редкий и объёмный материал: картины современников Михаила Юрьевича, репродукции поэта и его друзей, портреты, галерея картин о войне на Кавказе, иллюстрации живописцев к первым изданиям «гусара по духу и крови».

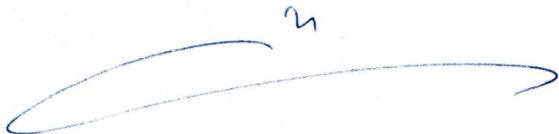
На страницах фолианта оживают счастье и трагедии предков, мощь их духа, сила характеров и оружия, верность земле, матери и присяге, видятся непокорённость и свободолюбие, живут милосердие, сострадание, противоречия разнополюсных сил, а также чёткое знание традиций культуры, искусства, созидательного просветительства.

Новая книга Виктора и Сергея Рассохиных продолжает многолетний труд авторов по исследованию малоизвестных страниц истории, отражаемых в произведениях о А.С. Пушкине, Н.Н. Поликарпове, И.И. Левитане, Д.И. Писареве, о Н.И. Конраде и Н.Г. Кузнецове, о земляках-героях, об узниках ГУЛАГа и Освенцима...

Такие книги всегда востребованы, пусть малой, но авторитетной частью населения, для всех тех, для кого Лермонтов остаётся нашим героем вечности, что будет доказано, когда очень выстрадавшая авторами книга наконец-то обретёт своего массового читателя в библиотеках, школах, ВУЗах, интернатах, в среде букинистов и хранителей богатства отечественной литературы!

(К 200-летию Гения)

**Председатель Горсовета народных депутатов,
Мэр г. Орла**

В.Ф. Новиков

К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

ГОД РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТВОРЧЕСКАЯ ВСТРЕЧА

С ОРЛОВСКИМИ ЛИТЕРАТОРАМИ,
АВТОРАМИ 32 КНИГ,
ЧЛЕНАМИ СОЮЗА РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
ВИКТОРОМ И СЕРГЕЕМ
РАССОХИНЫМИ

Тематика вечера:

- ★ Вторая Мировая война в лицах, фактах, документах и мемуарах
- ★ Значение военно-патриотического воспитания и литературы в сплочении общества России
- ★ Поэзия Героизма по заповедям поэтов-фронтовиков (чтение стихов поэтов и авторов)
- ★ Показ 16-минутного фильма об авиаинженкторе-земляке Н.И. Поликарпове
- ★ Ответы авторов на вопросы читателей, вручение разножировых книг с автографами

ПРИГЛАШАЮТСЯ ВСЕ ЖЕЛАЮЩИЕ.
ВХОД СВОБОДНЫЙ.

Начало в ____ ч. ____ мин.

Контактный телефон: _____

1566 К 450-ЛЕТИЮ ОРЛА 2016

ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР
АВТОРОВ 46 КНИГ
ЛИТЕРАТОРОВ ИЗ ОРЛА,
ЧЛЕНОВ СОЮЗА
РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ВИКТОРА и СЕРГЕЯ РАССОХИНЫХ

Темы встречи с читателями:

- Героизм народов СССР на фронтах и в тылу в 1941-1945 гг.
- Русская литература и коллективный автограф - многожанровый сборник по великой войне
- Открыли ли водородную атомную бомбу по приблизительным подсчетам?
- Показ видеороликов авторов и фильмов о "Героизме патриотизма" Н.И. Поликарпове
- Дарение книг и журналов "Орловские военные вестники" с автографами, патриотической литературы организации "Флоту Быть!"

Начало в ____ . Продолжительность встречи - 1,5-2 часа.
Вход свободный. Информподдержка - медиахолдинг "Истоки".
Контактный телефон _____

К 80-ЛЕТИЮ ОСНОВАНИЯ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

80

**ВЫСТУПЛЕНИЕ
АВТОРОВ 42-Х КНИГ,
ЧЛЕНОВ СОЮЗА РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
И ОРГАНИЗАЦИИ «ФЛОТУ БЫТЬ!»
ВИКТОРА И СЕРГЕЯ РАССОХИНЫХ**

ТЕМЫ ТВОРЧЕСКОГО ВЕЧЕРА:

- ✓ Вклад населения Орловщины в Великую Победу над Германией и Японией
- ✓ Краткий обзор по произведениям авторов: «Мы Вас любим, фронтовики!», «Победившие смерть», «Штурмующий небо», «Память крепче брони», «Меч возмездия», «Горе и Слава Второй Мировой», «Магические ритмы», «ТОК», «Небесные снайперы», «Наш Лермонтов», «Небeproходимы», «Щедрикарный», «Лишний гражданин», «Шалка Мономаха», «На воде некуда бежать», «Тихие Гаваяи?»...
- ✓ Презентация новых книг «Свастика под прицелом», «От истоков до устья» и журналов «Орловский военный вестник» (2015-2017 гг.)
- ✓ Обсуждение проблем экологии, рыболовства, АПК РФ, любительско-спортивного рыболовства, браконьерства, сохранения Природы.

ПРИГЛАШАЮТСЯ ВСЕ ЖЕЛАЮЩИЕ.
ВХОД СВОБОДНЫЙ

Начало в ____ ч. ____ мин.

Контактный телефон: _____

**К 75-ЛЕТИЮ КУРСКОЙ БИТВЫ
И В ЧЕСТЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОРЛОВЩИНЫ
И БЕЛГОРОДСЧИНЫ ОТ ЗАЛЧАКОВ**

**ВСТРЕЧА С ПИСАТЕЛЯМИ ИЗ ОРЛА
ВИКТОРОМ И СЕРГЕЕМ
РАССОХИНЫМИ**

Темы встречи с читателями:

- Боевое братство народов СССР
- Вклад писателей-фронтовиков в Победу в Европе и на Дальнем Востоке
- Орловцы-Герои - участники освобождения Родной Земли
- Партизанское движение на Орловщине в годы оккупации
- Презентация новых книг авторов, журналов «Орловский военный вестник», спецвыпусков организации «Флоту Быть!»
- Демонстрация документальных фильмов и видеосюжетов с участием членов Союза российских писателей отца и сына Рассохинных
- Общение с аудиторией на символическую тему дарение книг и буклетов с автографами

Начало в ____ . Продолжительность встречи - 1,5-2 часа.
Вход свободный. Информподдержка - медиахолдинг "Истоки".
Контактный телефон _____

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Образ великого поэта настолько глубоко вошёл в сердца поколений, что его стихи и проза действуют магически, иногда оглушают как электрический разряд грома...

Панорама Бородинского сражения удивительно проста, возвышенна и ужасна, что можно поставить многосерийный фильм по стихотворению. Не случайно Лев Толстой в «Войне и мире» не без влияния Михаила Лермонтова создал незабываемые страницы Отечественной войны 1812 года. Антивоенен «Валерик» (чеченское «Валеран хи» – в переводе «речка смерти»), где в жестоком бою 11 июля 1840 года принял участие опальный поэт...

И с грустью тайной и сердечной

Я думал: Жалкий человек.

Чего он хочет!.. небо ясно,

Под небом места хватит всем,

Но беспрестанно и напрасно

Один враждует он – зачем?

Силу подавления и убийства таланта редко кто передал, как 23-летний корнет лейб-гвардии Гусарского полка в трагической глубине «Смерть поэта»...

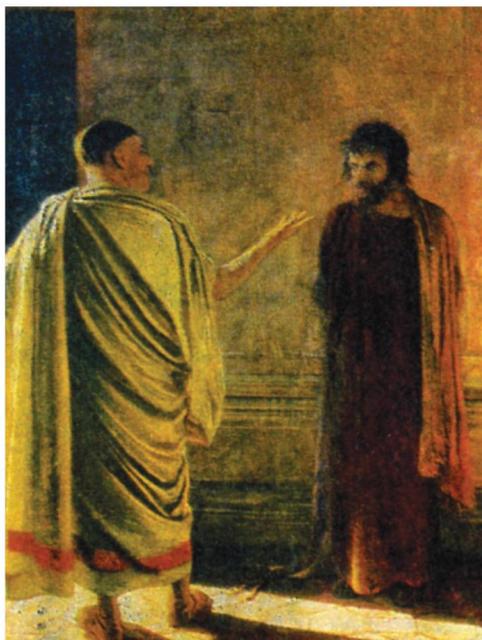
Один век сменялся другим и третьим. Под молох самодержавия и диктатуры попадали поэты, писатели, философы, художники, композиторы и певцы, которым было ненавистно насилие. Среди них – Александр Грибоедов и Александр Пушкин, Александр Полежаев и Александр Одоевский, Александр Герцен и Николай Огарёв, Фёдор Достоевский и Николай Чернышевский, Иван Тургенев и Дмитрий Писарев, Сергей Степняк-Кравчинский и Василий Перов, Фёдор Шаляпин и Пётр Лещенко, Изабелла Юрьева и Вадим Козин, Леонид Утёсов и Лидия Русланова, Дмитрий Шостакович и Эдди Рознер, Владимир Высоцкий и Игорь Тальков...

Лермонтовским духом были открылены многие деятели литературы и искусства XX и начала XXI века, боровшиеся против негатива и произвола в суровости бытия. Им посвящены стихи, рассказы и статьи, написанные в разные годы.

МЫСЛЬ

Блеснёт – и отдана в солдаты,
Бунтует – взята на учёт.
Пытливой мысли – казематы,
Острейшей мысли – эшафот.

Ежеминутно, ежечасно
Над нею кружит вороньё.
И потому она опасна
Всем, не имеющим её.

«Что есть истина?» Христос и Пилат. 1890.

Н.Н. Ге (1831–1894)

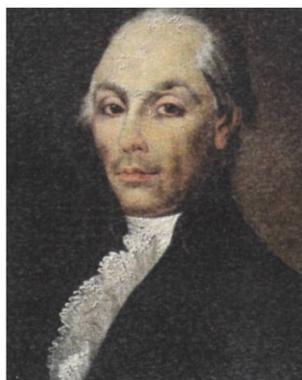
РАДИЩЕВ

Книга Александра Николаевича «Путешествие из Петербурга в Москву» с 1790 года по 1905 год распространялась в списках.

– Семь лет Сибири – вольтерьянцу!
Царица молвила, сама,
Кто шёл к крестьянину-страдальцу
Всей силой мощного ума.

Через века философ в силе,
Опровергаю его смерть:
Не отравился он – убили,
Чтоб в глубь властей не мог смотреть.

Молчит продажная наука,
Где памятник – пророку строк?
И о Радищеве – ни звука,
Да и о Разине – молчок.

А.Н. Радищев
(1749–1802)

Степан Разин.
В.И. Суриков (1848–1916)

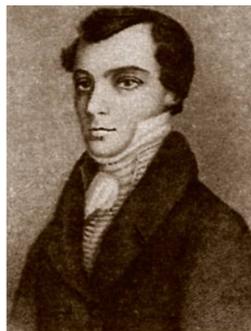
Автопортрет

РЫЛЕЕВ

Темнота – темнее стала,
Из-под ног ушла земля.
Сжала горло и разжала
Перегнившая петля.

Он упал лицом, неловко,
Снова в петлю завели...
Неужели та верёвка
Из орловской конопли?

Таял ропот: – Лучше пуля!
– Сердца нету у царя...
Петербург. Конец июля.
И предвестье Октября.

К.Ф. Рылев
(1795–1826)

Восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 года.

Акварель К.И. Кольмана

ЧЁРНЫЕ СИЛЫ

Александр Сергеевич Грибоедову
(1795–1829)

Портрет работы И.Н. Крамского
(1837–1887)

Его послали в Персию не с грустью,
Исподтишка злорадничая вслед:
– Ах, ты, каналья, не глумись над Русью.
Простили мы...
Безжалостен с о с е д*.

*Портрет любимой***

* «Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?» – спросил я их. «Из Тегерана». «Что вы везёте?» – «Грибоеда». – Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис.

А.С. Пушкин «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года»

** «Ты навсегда остался в памяти русских, но для чего пережила тебя любовь моя?».

Нина Чавчавадзе, вдова поэта и дипломата. (1812–1857)

В МИХАЙЛОВСКОМ

Не знал поэт, встречая Пущина,
Обрадованный бубенцом,
Что мало лет ему отпущено
До встречи с гибельным свинцом.

Не знал, что будет царь утешенным,
Обмолвясь свите золотой:
– Давно пора! К пяти повешенным
Теперь прибавился шестой.

Ну, а пока – снега до месяца,
Вино, беседы о Руси...
И беспрестанно няня крестится:
– Спаси их, Господи! Спаси!

А.С. Пушкин в селе Михайловском. 1875

Н.Н. Ге (1831–1894)

ГЕНИЙ

Не помолись ни дьяволу, ни богу,
В бешмете чёрном, как черкес-джигит,
Выходит он на лунную дорогу,
Когда звезда с звездой говорит.

Что надо офицеру?
Давит скука?
Мундир с весёлым блеском эполет?
Есть золото
У бабушки для внука,
Да выводил красавиц на паркет!

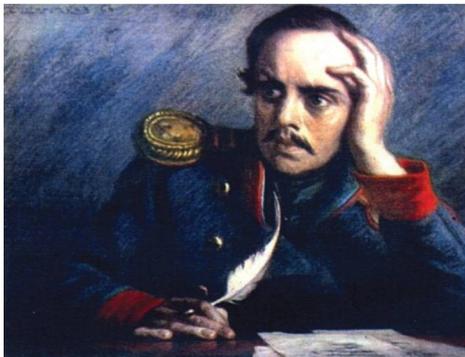
Холодный лоб.
А мысли грозные:
– Докуда монашится подлецу...
Он верит:
Время вымоет Россию,
Немытой быть ей просто не к лицу.

И, обречённый роком на бессмертье,
Дела и мысли зная наперёд,
Через Машук
В грядущие столетья
Мятежность неубитую несёт.

*Дарьяльское ущелье.
Лунная ночь.*

А.И. Куинджи (1842-1910)

*М.Ю. Лермонтов
(1814–1841)*

*Дуэль Пушкина с Дантесом
А.А. Наумов*

*Ж.Ш. Дантес
(1812–1895)*

*Николай I
(1795–1855)*

*А.Х. Бенкендорф
(1783–1844)*

*Н.Н. Пушкина (1812–1863)
Акварель А.П. Брюллова
(1798–1877), 1831*

*К.В. Нессельроде
(1780–1862)
Министр иностранных
дел, начальник
А.С. Пушкина.*

*Л.В. Дубельт
(1792–1862)*

*Голландский посланник
в Петербурге
Л. де Б. Геккерн, один
из виновников гибели
поэта. (1791–1884)*

БОРОДИНО ГЛАЗАМИ ХУДОЖНИКОВ

Ну ж, был денёк! Сквозь дым летучий
 Французы двинулись, как тучи,
 И все на наш редут.
 Уланы с пёстрыми значками,
 Драгуны с конскими хвостами,
 Все промелькнули перед нами,
 Все побывали тут.

*Перед Москвой в ожидании
 депутации бояр.*
 В.В. Верещагин (1842–1904).
 1891–1892.

М.И. Кутузов (1745–1813)
 А.М. Волков (1776–1831)

Луи-Франсуа Лежен. Битва за Москву. 7 сентября 1812 года. 1822.

Вам не видать таких сражений!..
 Носились знамена, как тени,
 В дыму огонь блестел,
 Звучал булат, картечь визжала,
 Рука бойцов колоть устала,
 И ядрам пролетать мешала
 Гора кровавых тел.

Живой мост. 1892.

Ф.А. Рубо (1856–1928)

В 1812 году. 1874. И.М. Прянишников (1840–1894)

Наполеон Бонапарт (1769–1821) – потери: 50 000 солдат и офицеров. (?)

Михаил Илларионович Кутузов (1745–1813) – потери: 44 000 солдат и офицеров. (?)

С НАРОДОМ ГРОМИЛИ ВРАГА

Военный Совет в Филях 1812 года.
А.Д. Кившенко (1851–1895)

Н.Н. Раевский
(1771–1829)

П.И. Багратион
(1765–1812)

И.М. Платов
(1751–1818)

И.С. Дорохов
(1762–1815)

Н.А. Тучков
(1761–1812)

Д.С. Дохтуров
(1756–1816)

СВ. ЕЛЕНА

Почтим приветом остров одинокий,
Где часто, в думу погружён,
На берегу о Франции великой
Воспоминал Наполеон!

Сын моря, средь морей твоя могила!
Вот мщение за муки стольких дней!
Порочная страна не заслужила,
Чтобы великий жизнь окончил в ней.

М.Б. Барклай
де Толли
(1761–1818)

П.П. Ковницын
(1764–1822)

Изгнанник мрачный, жертва вероломства
 И рока прихоти слепой,
 Погиб, как жил – без предков и потомства,
 Хоть побеждённый, но герой!

Родился он игрой судьбы случайной
 И пролетел, как буря, мимо нас;
 Он миру чужд был. Всё в нём было тайной,
 День возвышенья – и паденья час!*

*Вместо покорённого мира – о. Святой Елены – последнее пристанище всемогущего императора. Силы России и Европы сломали завоевателя.

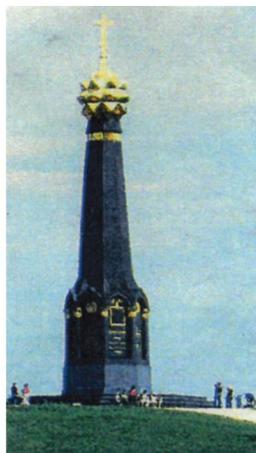
К анализу его судьбы не раз обращались Лермонтов и художники, среди них В.В. Верещагин, автор батальных полотен о Туркестане, Балканах и Отечественной войне 1812 года.

Наполеон на острове Св. Елены.
 1897. Фрагмент. И.К. Айвазовский
 (1817–1900)

Псково-Печорский монастырь. Храм в честь победы над Наполеоном.
 Этюд Виктора Рассохина.

Монумент на Бородинском поле о героизме артиллеристов.

БАТАЛИСТЫ – РЕАЛИСТЫ

Знаменитый
английский
живописец –
портретист
Д. Доу
(1781–1829)

Им сделан гигантский труд вместе с русскими художниками А.В. Поляковым и В.А. Голиковым по увековечиванию Героев Отечественной войны 1812 года.

Он запечатлел образ А.С. Пушкина. Где эта работа – пока неизвестно.

А.И. Кутайсов
(1784–1812)

К.Ф. Багговут
(1761–1812)

Д.В. Давыдов (1784–1839)
Поэт-партизан, друг
А.С. Пушкина
и М.Ю. Лермонтова.

Д.П. Неверовский
(1771–1813)

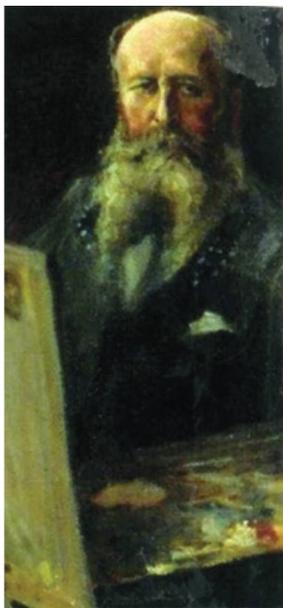
М.Е. Храповицкий
(1784–1837)

ДЖОРДЖ ДОУ

Он всё ж – российский патриот,
Хотя рождён в другой стихии.
Портретов более трёхсот
Он посвятил сынам России!

И в душу каждого входя,
Кто пал в бою, кто жив остался,
Их светлый образ возродя,
В наш век суровый достучался.

Мир снова в рваности знамён,
Грызутся лилипуты власти.
Гордись, туманный Альбион –
С мольбертом он стоял за счастье!

Василий Васильевич Верещагин, великий художник Земли, бывший кистью войну и завоевателей прошлого, настоящего и будущего...

«Не замай! Дай подойти!»
Фрагмент. (1887–1895)
Партизаны идут на врага.

Отечественные «критики» ополчились на мастера-реалиста сильнее, чем зарубежная печать. Где эти ядовитые журналисты и сатирики? А Верещагин – жил, живёт и будет жить в веках!

Смертельно раненный. 1873 г.

Апофеоз войны. 1871.

КОГДА ОГОНЬ КИПИТ В КРОВИ...

В.А. Лопухина
(1815–1851)

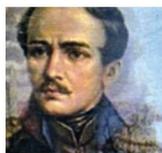

Юношеская любовь поэта Варенька Лопухина. Образ Варвары Александровны во многих его рисунках и акварелях, стихах и письмах...

ОЧИ ЧЁРНЫЕ И ГОЛУБЫЕ

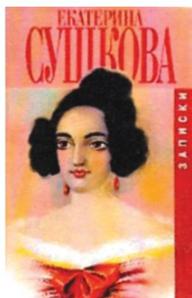
Е.А. Суикова
(1812–1868)

*И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви .*

М.Ю. Лермонтов. «Думы»

Они его острили острый ум,
И нежностью порой была награда.
Запомнил он великосветский шум
И наигрыш-коварство маскарада.

Он не был на Кавказе одинок,
Хотя судьба, как вихрь, его крутила.
И в Мишково – он девушку завлѣк,
Прекрасней, чем столичные светила.

Не получился в жизни семьянин,
Сражавшийся в долинах и отрогах.
Поэт в пути по-прежнему один
При бездорожье мира и в дорогах.

На морском
берегу

РАДУГА СЕРДЦА

Есть у любви свои секреты,
Они то жгут, то холодят.
О ней такие песни спеты,
Что сквозь века перелетят!

А.О. Смирнова-Россет
(1809–1882)

Н.Ф. Иванова
(1813–1875)

М.А. Щербатова
(1820–1879)

А.А. Оленина
(1808–1888)

Вид памятника Петру I на Сенатской площади в Петербурге.
В.И. Суриков (1848–1916)

P.S. Все не герои и герои нашего времени проезжали мимо него.

А.М. Верещагина
(1810–1873)

Е.Г. Быховец
(1820–1880)

Мусульманка
Рис. Г.Г. Гагарина.
Возможен образ
Бэлы из «Героя
нашего времени»

И В ЧАРАХ ТАИТСЯ ОБМАН

Исаакиевский Собор в Петербурге

Тяжёл петербургский туман,
Что можно в Неву оступиться.
И в чарах таится обман –
Коварно-красива столица.

Выходишь ли ты на кольцо,
Идёшь ли в тень Летнего сада,
Вдруг чьё-то засветит лицо,
Такое, что солнца не надо!

И сразу припомнится юг,
Гурзуф иль кавказские выси,
И милые взгляды подруг
В Крыму, в Пятигорске, в Тифлисе.

Аю-даг (Медведь-гора)
Этюд Виктора Рассохина

Военно-Грузинская дорога близ Мцхеты.
Картина М. Лермонтова. 1837

Графиня Е.П.
Ростопчина
(1811–1858),
поэтесса

М.А. Мусина–
Пушкина
(1801–1853)

Портрет
неизвестной

Э.А. Клингенберг

Сёстры Верзилины –
Надежда и Аграфена

ЖИВОПИСЦЫ

П.З. Захаров

П.Е. Заболотский
(1803–1866)

Г.Г. Гагарин
(1810–1893)

В.А. Тропинин
(1776–1857)

О.А. Кипренский
(1782–1836)

К.П. Брюллов
(1799–1852)

И.К. Айвазовский
(1817–1900)

Посвящается П.З.Захарову, П.Е. Заболотскому, А.И. Клюндеру, Д.П. Палену, Г.Г. Гагарину, К.А. Горбунову, Р.К. Шведе, В.А. Тропинину, К.П. Брюллову, О.А. Кипренскому, П.Ф. Соколову, И.Л. Линёву, И.К. Айвазовскому, Н.Н. Ге, В.Г. Перову, И.Н. Крамскому, И.Е. Репину, В.В. Верещагину, А.А. Наумову, К.Е. Маковскому, Г.Г. Мясоедову, М.А. Врубелью, В.А.Серову, А.К. Саврасову, И.И. Шишкину, И.И. Левитану... Они в портретах, рисунках, пейзажах донесли до нас образы великих поэтов и писателей, с любовью отнесясь к их светоносному и критическому творчеству.

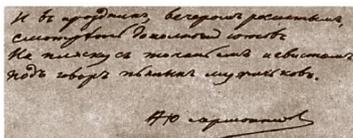
Художники знали дело,
Не славили держиморд.
И сердце у них болело
За Родину и народ.

Искали они ответы,
Что скажет уму строка.
**ПРИЖИЗНЕННЫЕ ПОРТРЕТЫ
НАМ ДОРОГИ НА ВЕКА!**

Спасибо за ваши кисти,
За карандаш и перо,
Что причастились к мысли,
Несущей при зле – ДОБРО!

* * *

И в праздник, вечером росистым,
смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
под говор пьяных мужичков.

Автограф строфы стихотворения «Отчизна», названное позднее «Родина». В.Г. Белинский назвал его «пушкинской вещью» по высокому мастерству.

Г.Г. Мясоедов
(1835–1911)

И.Е. Репин
(1844–1930)

И.Н. Крамской
(1837–1887)

Н.Н. Ге
(1831–1894)

И.И. Шишкин
(1832–1898)

НАПОМНИМ ЖИВОПИСЦУ И ПОЭТУ,
ЧТО В ЯСНЫЕ И ПАСМУРНЫЕ ДНИ:
ЗЕМЛЯ – ОНА НЕ ЧЁРНАЯ ПО ЦВЕТУ,
ЗЕМЛЯ ПО ЦВЕТУ – РАДУГЕ СРОДНИ.

ОСВЕЩЁННЫЙ СОЛНЦЕМ

Ивану Ивановичу Шишкину

Портрет
И.И. Шишкина.
Работа
И.Н. Крамского

Он лес боготворил,
Жил в нём зимой и летом.
Как в храм в него входил
И умер за мольбертом.

Не знаю, как бы он
Смотрел на мощь прогресса,
Коль жгут со всех сторон
При хищной казни леса.

На Севере диком.
1891

А.К. Саврасов
(1830–1897)

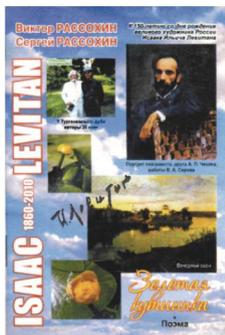
И.И. Шишкин. Рожь. 1878

К.Е. Маковский
(1839–1915)

Грачи прилетели.
1871

Золотая осень. 1895

Демон и Тамара.
1889

Княжна Мэри на прогулке.
Иллюстрация В.В.
Верещагина к роману
«Герой нашего времени».

«Золотая кувшинка», поэма
авторов о художнике к его
150-летию.

*Дети, бегущие от
грозы. 1872. Любимая
семьей картина.*

ПОСЛАНЕЦ ГЕНЕРАЛА

П.Х. Граббе (1789– 1875)

М.Ю. Лермонтов
(1814–1841)А.П. Ермолов
(1777–1861)

После настойчивых хлопот бабушки Елизаветы Алексеевны Арсеньевой отставка не удалась. Поэт получил лишь двухмесячный отпуск в Петербург. Командующий войсками Кавказской линии и Черномории генерал-адъютант Павел Христофорович Граббе тепло встретил отъезжающего в своём доме. Он передал ему личное письмо опальному генералу Алексею Петровичу Ермолову с просьбой сделать это неофициально. Герой Отечественной войны 1812 года жил тогда в белокаменной.

Историческая встреча состоялась и произвела на автора нашумевших произведений неизгладимое впечатление. Да и не мог создатель «Бородино» воочию не убедиться в силе и мощи духа знаменитого москвича, имя которого стояло рядом с именами Николая Раевского, Петра Багратиона, Матвея Платова...

Может быть, во время беседы в памяти сверкнули Пушкинские строки: «Смирись, Кавказ, идёт Ермолов!». После этого патриотично-философского общения молодой всепроникающий ум подарил Отчизне и миру крылатые и молниеносные стихи: «Утёс», «Спор», «Сон», «Тамара», «Свидание», «Листок», «Выхожу один я на дорогу»...

Пейзаж с мельницей и скачущей тройкой.
Акварель поэта. 1835.

МИМОЛЁТНОЕ СЧАСТЬЕ

*Спорить с женщиной, учить глупца математике –
всё равно, что черпать воду решетом.*

М.Ю. Лермонтов

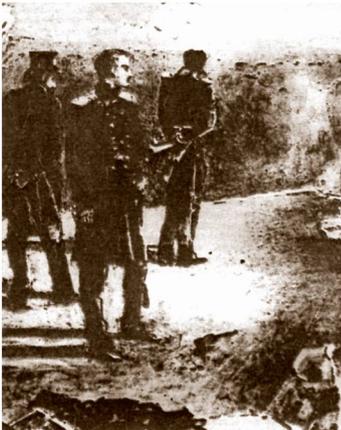

*Поэт на маскарадном балу в ночь
под 1 января 1840 года.
Оборт Т.А. Мавриной (1902 – 1996)*

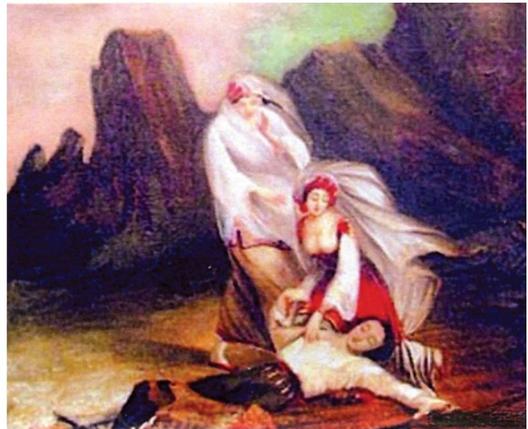
Ты молод был и влюбчив был,
Порою лица так прекрасны,
Но как Печорин нас учил –
Всегда красавицы опасны.

Тыходишь в княжеский ли дом,
Где есть девичество и дамы.
Черпать ли воду решетом,
Коль за спиной – отцы и мамы?!

И, чтоб в тенёта не попасть,
Интрижный мир – треножит счастье.
Прелестницы – ведут во власть ,
Мстят от себя или от власти.

*Рисунок М.А. Врубеля (1856–1910)
«Finita la commedia!» к роману
«Герой нашего времени». 1891*

*В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я...
«Сон», май-июль 1841 года.*

В.Ф. Одоевский
(1803–1869)

Князь, писатель, музыкальный критик, философ.

В записной книге, более чем 500 страниц, он сделал напутствие отъезжающему на Кавказ: «Поэту Лермонтову даётся сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне её сам и всю исписанную»

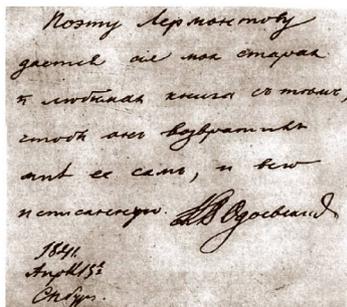
А.И. Одоевский (1802–1839)

Поэт-декабрист, каторжанин, рядовой на Кавказе. Он автор ответа на послание А.С. Пушкина «В Сибирь».

Его крылатые строки: Наш скорбный труд не пропадёт: Из искры возгорится пламя, – помнят поколения. Краткой, но яркой была дружба двух поэтов. Михаил Юрьевич посвятил ему стихи:

Мир сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землёй чужих полей,
Пусть тихо спит оно, как дружба наша
В немом кладбище памяти моей!

ДАР МЫСЛИТЕЛЯ

Шедевры мировой поэзии
вписаны в книгу: «Пророк»,
«Выхожу один я на дорогу...»,
«Утёс» и другие.

1840

Последние прижизненные
портреты автора «Героя
нашего времени».

Работы художников
А.И. Клюндера (1839),
Д.П. Палена (1840),
К.А. Горбунова (1841).

1839

1839

1841

ПОД ПЯТИГОРСКОМ

Вот здесь в расцвете знойного июля,
Вновь всколыхнув российские сердца,
Оборвала сатраповская пуля
Дыхание кавказского певца.

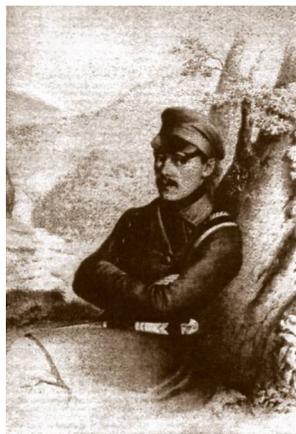
Погиб поэт. Но песнь не оборвётся.
Ей в тупость бить,
Стрелять в глухую тьму...
Стоит Машук,
Весь бронзовый от солнца –
Нерукотворный
Памятник ему.

*Редкий портрет Н.С. Мартынова
в «Моей исповеди» от 15 июля
1871 года убийца так и не
признался, как всё произошло*

*Вид Пятигорска
Акварель
М.Ю. Лермонтова*

*Неизвестный портрет
М.Ю. Лермонтова
Рис. Р.К. Шведе (1806-1871)
литография Л.А. Белоусова
(1806-1854) Орловский музей
изобразительных искусств*

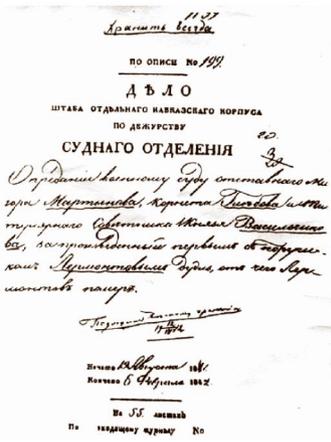
*Декабрист, орловец
С.И. Кривцов
(1802-1864),
друживший с
поэтом*

На привале. Лермонтов в центре. 1840.

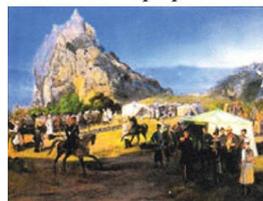
Пятигорск. Вид с балкона дома, где жил поэт. Отсюда он ушёл в бессмертие.

Дело о дуэли.
Хранится в Москве.

Друг поэта, художник Г.Г. Гагарин (1810-1893). Автопортрет

Кавхетия. Карагач. Главная стоянка Нижегородского драгунского полка. Картина Г.Г. Гагарина

Один из современников, потрясённый гибелью молодого таланта, А.Я. Булгаков, напишет в своём дневнике: «Странную имеют судьбу знаменитейшие наши поэты, большая часть из них умирает насильственной смертью. Таков конец Пушкина, Грибоедова, Марлинского (Бестужева). ...Теперь получено известие о смерти Лермонтова. Он был прекрасный офицер и отличнейший поэт, иные сравнивают его даже с самим Пушкиным. Не стало Лермонтова!

Сегодня (26 июля) получено известие, что он был убит 15 июля в Пятигорске на водах; он был убит, убит не на войне, не рукою черкеса или чеченца, увы, Лермонтов был убит на дуэли – русским!..

Армия закавказская оплакивает потерю храброго своего офицера, а Россия – одного из лучших своих поэтов».

Служить бы рад, прислуживаться тошно.
А.С. Грибоедов (1795-1829)

Нет, весь я не умру...
А.С. Пушкин (1799-1837)

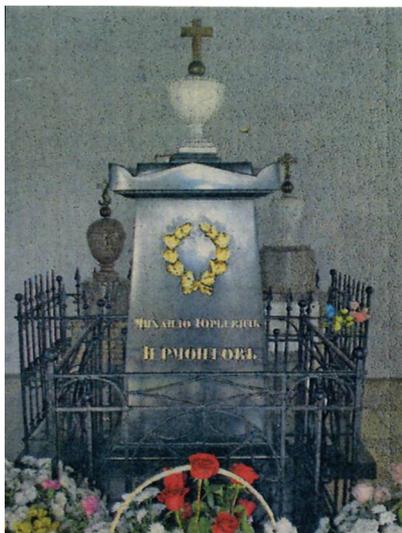
Природа помещает всегда противоядие вблизи яда.
А.А. Бестужев (Марлинский) (1797-1837)

Прощай, немая Россия, Страна рабов, страна господ...
М.Ю. Лермонтов (1814-1841)

В ТАРХАНАХ

Гляжу на будущность с боязнью.

М.Ю. Лермонтов

Я у святой стою могилы,
Пришёл с мольбой к тебе, прости:
Какие ДЕМОНЫВЫ силы
Нужны, чтоб РОДИНУ спасти?

*Не только Россия – мир склоняется
перед поэтом-пророком...*

ОТ ЛЮБВИ ДО ДУЭЛИ

Вид на Таврический дворец

ЧЕРЕЗ ВРЕМЯ

Новейший вид Прекрасной Дамы
В Санкт-Петербурге иль в Москве,
Вновь на сердца наносит шрамы,
Мысль о дуэли в голове.

А ей-то что? «Она поплачет,
Ей это ничего не значит» –
Сказал пророчески поэт,
Покинув вскоре белый свет.

Неизвестная. 1883.

И.Н. Крамской (1837–1887)

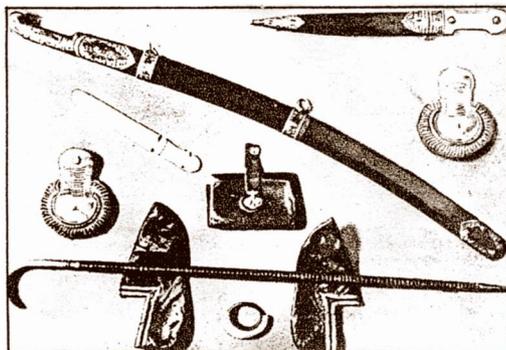
В Третьяковской галерее – всегда
столпотворение: офицеры, солдаты,
матросы, гости столицы. Каждый
понимает образ по-своему. Магия
красавицы очевидна!

*Не многие художники обращались к трагической теме, среди них
И.Е. Репин, А.А. Наумов, М. А. Врубель, П.П. Соколов-Скаля...*

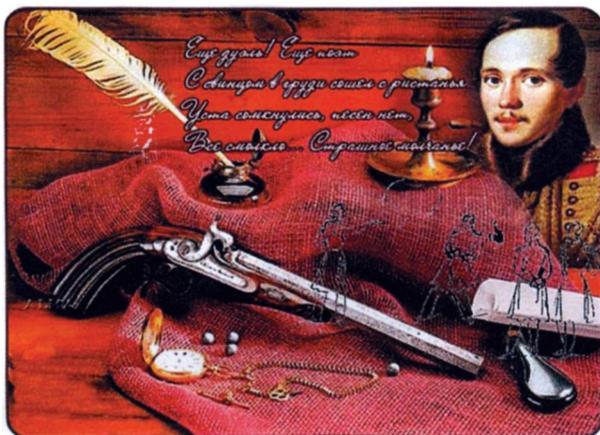
*Личные вещи М.Ю. Лермонтова хранятся
в Пушкинском Доме РАН(ИРЛИ) в Санкт-Петербурге*

СОПРИЧАСТНОСТЬ

Я видел эти вещи – и трясло
Меня как будто в жуткой лихорадке.
Я чуял рук и холод, и тепло
Той сабли, что не раз сверкала в схватке.

В закат ли, в полдень, может, поутру,
Иль в краткий миг стремительной разведки.
Оружие – не всякий раз к добру.
Но за добро, когда взывают предки.

В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

Нервы мои на пределе,
А под стеклом – не мираж:
Вынутый после дуэли
Лермонтовский карандаш.

Встань, испишись до остатка,
Мир потряси до основ,
Чтоб получилась тетрадка
Последуэльных стихов.

ЕГО ОРУЖИЕ

Поэт был в схватке боевой,
За ним ходила слава.
Не дали сабли золотой,
Святого Станислава.

Не только он был оскорблѣн,
Мрачнели генералы,
Свидетели вражды сторон –
И Валерик, и скалы.

*С.А. Раевский
(1806–1876)
Литератор и этнограф, друг поэта.
Был арестован за распространение его стихов.*

Понятен царский беспредел,
Да мщенье – бестолково.
Поручик саблею владел,
Но власть сажал на СЛОВО.

*В.Н. Лихарев
(? – 1840)
Декабрист. Был рядом с Лермонтовым в бою и погиб*

*Тяжела была участь
А.И. Полежаева
(1804–1838), уроженца
Пензенской губернии*

*Петербург. Кабинет императора в Зимнем дворце.
Николай I с великим князем Александром Николаевичем.*

Душитель декабристов, прочитав роман «Герой нашего времени» в июне 1840 года в письме императрице ядовито сказал: «...это жалкое дарование, оно указывает на извращѣнный ум автора». Толпа, стоящая у трона, и платные поборники мрака и зла усердно изошрялись в травле истинных поэтов России.

В ГОСТЯХ

Н.Н. Пушкина-Ланская (1812–1863).
Художник И.К. Макаров (1822–1897)

ВСТРЕЧА С Н.Н. ПУШКИНОЙ-ЛАНСКОЙ 12 АПРЕЛЯ 1841 ГОДА

Не на шумящем карнавале,
Она приехала к друзьям.
Какие искры пролетали
По настрадавшимся сердцам?

Их муки прошлого сближали,
Пора, где было не до снов.
Стояли рядом две печали,
Глаза в глаза – почти без слов.

Потом – оттаяли немного,
Поэт запомнил вдовий взор...
Перед кавказскою дорогой
Никто не слышал разговор.

Имам Дагестана
и Чечни Шамиль
(1799–1871)

В одном из писем
М.Ю. Лермонтов
заметил, что "будет
братъ пророка Шамиля".

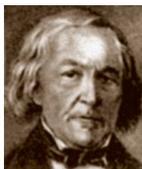

Вид Москвы

Петербург. Сенная площадь

ИЗ ХЛАДА В ПЛАМЯ

С.Е. Раич
(Амфитеатров)
(1792-1855)

Уроженец с. Высокое, Кромского уезда Орловской губернии. Поэт, переводчик, издатель. Наставник Ф. Тютчева и М. Лермонтова

Н.В. Гоголь
(1809-1852)

С.Т. Аксаков
(1791-1859)

Н.А. Некрасов и И.И. Панаев у постели Белинского.
Картина А.А. Наумова.

Между Москвой и Петербургом
Жизнь напряжённая текла,
Как между недругом и другом
На фоне истины и зла.

Пусть очень кратки были встречи,
Когда не выскажешься враз,
Кто рядом был, а кто далече
С клеймом властей: «Сибирь-Кавказ».

В печати – радостные сдвиги,
Но в радость – вкраплена тоска,
Хотя одни хвалили книги,
Другие – с пальцем у виска.

Ну, а толпу он обозначил,
Она – завистливая рать.
У ней – особые задачи:
Безмерно мстить и предавать.

В.А. Жуковский
(1783-1852)

А.К. Воронцова-Дашкова
(1818-1856)

С.Н. Карамзина
(1802-1856)

Неистовый Виссарион с первых шагов возвестил о явлении лучезарного таланта Михаила Лермонтова. Журнальная подёница и нищета укоротили его жизнь, но сила духа перешла в века.

РЕАКЦИЯ ЗАКЛЕЙМЕНА

Ф.В. Булгарин
(1789-1859)

Писатель, издатель газеты «Северная пчела», агент III отделения, его платный доносчик.

То не беда, Авдей Флюгарин,
Что родом ты не русский барин,
Что на Парнасе ты цыган,
Что в свете ты Видок Фиглярин:
Беда, что скучен твой роман.

Александр Пушкин

Коль ты к Смирдину* войдёшь,
Ничего там не найдёшь,
Ничего ты там не купишь,
Лишь Сенковского толкнёшь
Иль в Булгарина наступишь**.

Классики чёрных сил не боялись. Это видно по эпиграммам.
Картина Г.Г. Чернецова

Н.И. Греч
(1787-1867)

Издатель журнала «Сын Отечества». Н.А. Добролюбов назвал его «поборником лжи и мрака».

Я знал, что пошлый он писатель
Что усыпляет он с двух строк,
Что он доносчик и предатель
И мелкотравчатый Видок,
Что на все мерзости он падок,
Что совесть в нём – истёртый знак,
Что он душой и рожей гадок;
Но я не знал, что он дурак.

Пётр Вяземский

Пётр
Вяземский
(1792-1878)

Петропавловская крепость. Вид с дворцовой набережной.

* А.Ф. Смирдин (1795-1857) – просвещённый книгоиздатель. О нём благодарно отзывались А.С. Пушкин и В.Г. Белинский. Он приветствовал творчество К.Н. Батюшкова, В.А. Жуковского, И.А. Крылова, Н.В. Гоголя, Е.А. Баратынского, М.Ю. Лермонтова. Финансово не был поддержан. Умер в бедности.

** Писатель В.А. Соллогуб (1813-1882); граф, заметил, что четыре строки эпиграммы принадлежат ему, а последняя – Пушкину.

РЕАКЦИЯ ЗАКЛЕЙМЕНА

Клеветник без дарованья,
Палок ищет он чутьём,
А дневного пропитанья,
Ежемесячным враньём*.

Александр Пушкин

ДВЕ ЭПИГРАММЫ НА Ф. БУЛГАРИНА

1

Россию продаёт Фадей,
Не первый раз, как вам известно,
Пожалуй он продаст жену, детей,
И мир земной, и рай небесный,
Он совесть продал бы за сходную цену,
Да жаль, заложена в казну.

2

Россию продаёт Фадей
И уж не первый раз, злодей.

Михаил Лермонтов

Петербург. Петропавловская площадь.

Гравюра Б. Петерсона

* Эпиграмма посвящена М.Т. Каченовскому (1775-1842), издателю журнала «Вестник Европы», на страницах которого подвергались нападкам друзья и единомышленники поэта.

СЛУЖАКАМ III ОТДЕЛЕНИЙ

Поэт, писатель ли придворный,
Вы торопили спуск курка.
Но, доставляя список чёрный, –
В него попали на века.

Куш будет съеден, рухнут виллы,
Наследники счета сожрут.
И в прошлом пышные могилы
Бурьяном жёстким зарастут.

Как высока ни будь награда –
Ей в преисподней не светить.
Ужели вы и в чреве ада
На жертвы будете строчить???

Авторы, 3 октября 2014 года

Булгарин, Греч, Сенковский идут громить русскую литературу.

Карикатура Н.А. Степанова

ТЯНУТСЯ ИХ ТЕНИ В СОВРЕМЕННОСТЬ

Н.В. Кукольник
(1809–1868)

М.Т. Каченовский
(1775–1842)

Ф.В. Булгарин
(1789–1859)

Литераторы правого толка

НА ПРИВЯЗИ

О них бы не было и речи,
 Через век-другой – душа болит:
 Мешают кукольники, гречи
 И весь булгаринский синклит.

Возьмёшь столичную газету,
 Журнал иль пёстрый альманах.
 В них наяву призывы к свету,
 Но свет ущербен – держит страх.

А вроде время бесцензурно
 Для вольнодумцев и цитат.
 Но чтиво так макулатурно,
 Что в урны выбросить спешат.

И не сказать, что слеп читатель,
 И не сказать, что очень глух.
 Он знает: любит цепь издатель,
 Хотя и ест, и пьёт за двух.

*Петербург.
 Публичная
 библиотека*

Н.В. Гоголь
(1809–1852)

М.Ю. Лермонтов
(1814–1841)

В.Г. Белинский
(1811–1848)

М.Н. Лермонтов
(17?–1866), дядя
поэта

И.А. Вревский
(1814–?)

А.А. Столыпин
(Монго) (1816–1858)

П.П. Шан-Гирей
(1795–1864)

Г.Г. Гагарин
(1810–1893).
Автопортрет.

Л.С. Пушкин
(1805–1852)

А.А. Краевский
(1810–1889)

Н.И. Лорер
(1795–1873)

А.И. Васильчиков
(1818–1881)

М.А. Назимов
(1801–1888)

В КРУГУ ОБЩЕНЬЯ

Друзей так много и так мало,
Досталось мастеру остро,
Что с бала – в бой его мотало
Или совсем наоборот.

Помимо воинской отваги
И разговоров по душам,
Как доверялся он бумаге
И краской пахнувшим холстам?!

Над головою тучи висли,
Порой – в себе искал врага,
Но побеждали цвет и мысли,
И зрела – вольтова дуга!

Картина поэта «Засада».

Э.К. Мусина-Пушкина
(1810–1840) красавица
столицы,
«Но сердце Эмили
Подобно Бастилии».

М.П. Глебов
(1818–1847)

С.В. Трубецкой
(? – ?)

ВЕЧНАЯ БОЛЬ

Что ж молчали вы, стены Кавказа?
Отблеск молний на мокром лице...
Жизнь поэта – крылатая фраза,
А свинцовая точка в конце.

В доме В.И. Чилаева художник Р.К. Шведе (1806–1871) 16 июля 1841 года запечатлел погибшего поэта – гордость русской и мировой литературы.

Пятигорск. Памятник на месте дуэли.
Скульптор В.М. Микешин. 1915 г.

Свой замысел пускай я не свершу,
Но он велик – и этого довольно.

СЛОВО СПОДВИЖНИКА ФЕЛЬДМАРШАЛА КУТУЗОВА

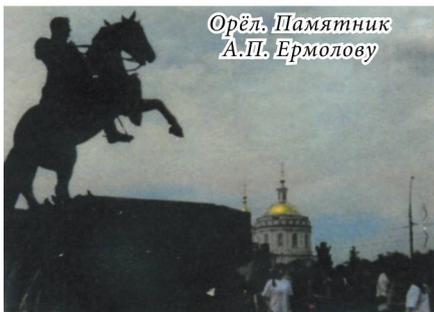
Н.С. Мартынов
(1815–1875)

Получив сообщение о гибели автора «Героя нашего времени», Алексей Петрович Ермолов с глубоким сожалением сказал: «Уж я бы не спустил этому Мартынову. Если бы я был на Кавказе, я бы спровадил его; там есть такие дела, что можно послать да, вынувши часы, считать, через сколько времени посланного не будет в живых.

И было бы законным порядком. Уж у меня бы он не отделался. Можно убить всякого другого человека, будь он вельможа и знатный; таких завтра будет много, а этих людей не скоро дождёшься.».

А.П. Ермолов
(1777–1861)

Орёл. Памятник
А.П. Ермолову

Мы счастливы, что поэт был
на Орловщине.

В д. Ступишино будет открыт музей
легендарного полководца.

Крестный ход в честь Героя Бородино.

Журналисты не приехали. После сильного дождя Сергею Рассохину пришлось отмыть памятный знак. Он гласит: "Во имя отца и Сына и Святого Духа. Сей камень заложен в честь Иоанна Воина при Патриархе Всея Руси Кирилле при Высокопреосвященнейшем Архиепископе Орловском и Ливенском Антонии."

Орёл. Троицкое кладбище. Молебен роду Ермоловых.

В год две тысячи двенадцатый месяц сентябрь пятница седьмого дня."

Беда стране, где раб и лжец
Одни приближены к престолу.
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

А.С. Пушкин

Портрет А.С. Пушкина. 1827 г.
О.А. Кипренский (1782–1836)

* * *

Вражду твою пусть тот рассудит,
Кто слышит пролитую кровь...
Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..

Ф.И. Тютчев (1803–1873)

* * *

Острота взгляда Лермонтова на мир и действительность озарила А.И. Герцена (1812–1870), сказавшего: «Люди лицемерные, слабые никогда не прощают такой смелости».

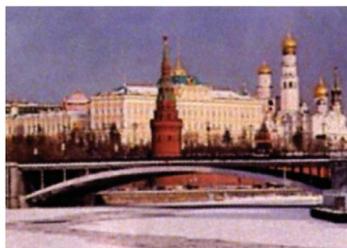
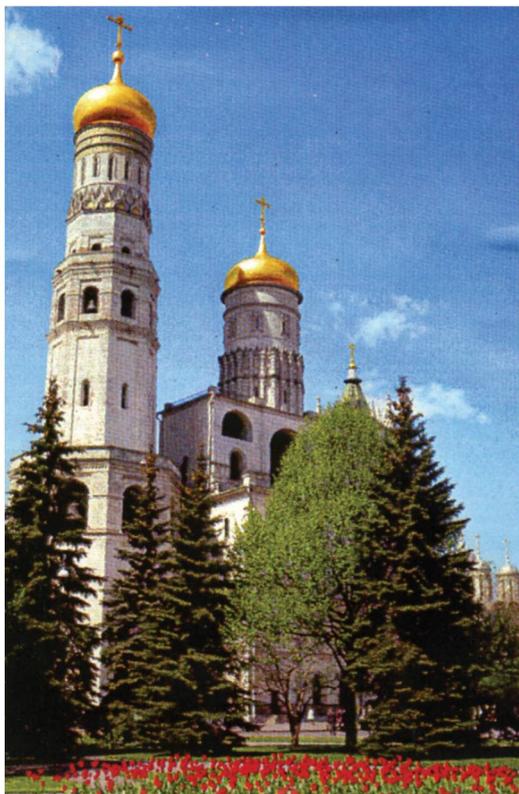
* * *

Весной 1840 года после посещения Михаила Юрьевича Лермонтова на гауптвахте Виссарион Григорьевич Белинский заметил: «Глубокий и могучий дух... О, это будет русский поэт с Ивана Великого! Чудная натура».

У критика была всепроникающая зоркость на общество, в котором он жил, смело заглянув в будущее: «Только в одной литературе, несмотря на татарскую цензуру, есть ещё жизнь и движение вперёд».

В.Г. Белинский
(1811–1848)

Зимний вид

В центре Кремля – колокольня Ивана Великого. Она построена в 1505–1508 годах.

Высота – 60 метров. В XVI веке сделали пристройку до 81 метра. В 1812 году французы взорвали архитектурный ансамбль. Позже колокольня была отремонтирована и... так она выглядит сегодня.

НЕЧИСТЬ

Сильны пристрастия дуэли,
Но страшно! Где клубится зло?
В стране – два гения сгорели –
Четыре года не прошло.

Интрижно-подленькие силы,
Живущие у бонз взаимы,
Умеют сталкивать в могилы
Свет-лучезарные умы.

Автопортрет.
1965 г.

Всегда боль М. Лермонтову

Что не могли вы,
Степи Кавказа?!
Ой свей любимей
На мокром лице...
Или в котле —
Крылатая дриада,
А свинцовая точка в конце.

* * *

Надо мной — звезда зелёной шоткой,
Мелкая, едкая, одна.
И думай, как ищешь некое сироткой,
Ты в звезду озарена.

Не входишь рядом, мериады,
Стоишь за мигалой, мига...
Ты в голову моего надо?
Милая,
Едкая,
Одна.

* * *

Ты же кувшин — не видна деревня;
Серая, сильная полоса.
Ты вёско славно, как скрипят деревья,
Сквозь завесу — плач и голоса.

И откуда выкатилась дуря?
Ведь никто не дуется про неё...
Ты не тух,
Водили мирно куря,
И на солнце
Нежилось белё.

Гроза пронеслась.
Этюд Виктора Рассохина.

ЛЕРМОНТОВЕД

И.Л. Андроников
(1908–1990)

Конечно, истина сурова,
Но он в себя влюбил людей.
С неповторимым магом слова
Была трагедия светлей.

...И через всю жизнь
проносим мы в душе образ

этого чело-
века – груст-

ного, строгого, нежного, властного, скромного,
смелого, благородного, язвительного, мечтатель-
ного, насмешливого, застенчивого, наделённого
могучими страстями и волей, и пронизательным
беспощадным умом*.

Лермонтовская
осень

* Картины поэта «Тифлис» и «Крестовая гора».

ЛУЧ В КИНЕМАТОГРАФЕ

Николаю Петровичу Бурляеву

В России пальмовой и снежной,
Чей мир пороками цветист,
Нашёлся всё-таки мятежный,
Ошеломляющий артист.

Среди ничтожеств полусвета,
Шипящих в мареве интриг,
Он бил энергией поэта
Врагов, оставшихся в живых.

На пресс-конференции.

Н.С. Бондарчук

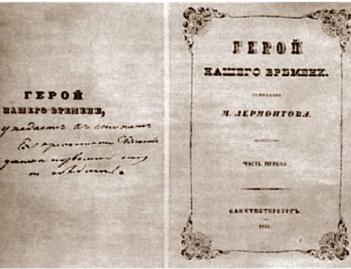
Кадры из кинофильма «Лермонтов».

Работа Л.О. Пастернака
(1862–1945), отца
Б.Л. Пастернака (1890–1960)

М.А. Врубель (1856–1910)
Автопортрет. 1905.

Произведения, которые взволновали
общество снизу доверху

Прижизненное
издание

Зарубежное издание

Демон сидящий. 1890.
Художник – один из сильных
иллюстраторов произведений
М.Ю. Лермонтова

СЛИШКОМ «УМНЫЕ»

Убрали и Эзопа, и Плутарха.
Где Цицерон, Макиавелли, Кант?
А в чём причина? Видимо, от страха,
А вдруг пробьётся дерзостный талант,
Который скажет просто по-земному,
Не трогая в поддержку небеса:
– Вы человеку кланяйтесь ЖИВОМУ,
В его руках – все в мире чудеса!

Старый Пятигорск. Памятник поэту открыт в 1889 году.

Александр Михайлович Опекушин (1838–1923), знаменитый ваятель, автор памятников А.С. Пушкину и М.Ю. Лермонтову.

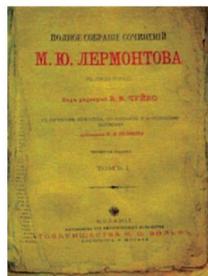
Взгляд сквозь века...

В Орловской губернии во Мценском уезде в селе Мишково (усадьба Юрасовских) в 1910 году был поставлен памятник М.Ю. Лермонтову.

Имя поэта навечно в Москве, где родился...

Первый том полного собрания сочинений

Белеет парус одинокий...

Уникальное издание

СОЛНЕЧНОЕ СЛОВО

Грот Лермонтова

Какие б не были интриги,
Какая бы не мстила «речь»,
Святое дело – ВЫХОД КНИГИ!
В народе знают – ЧТО БЕРЕЧЬ!

Работа скульптора А.С. Голубкиной (1864–1927)

Портрет Н.Н. Ге
(1831–1894). 1888. Работа
И.Е. Репина (1844–1930)

Николай Николаевич Ге – исторический живописец, автор картин на евангельские сюжеты.

Страстный поборник справедливости вёл борьбу со злом. Ему принадлежат знаменитые работы «Тайная вечеря», «В Гефсиманском саду», «А.С. Пушкин в Михайловском», «Пётр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе», «Что есть истина?», «Христос и Пилат».

Художник создал портреты А.И. Герцена, Н.И. Костомарова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого...

Н.Н. Ге. Голгофа. 1893

ВТОРАЯ ГОЛГОФА

О первой – сказано навеки,
Пилатом был Христос казнён...
...За правду – мысль о человеке
Погибли тысячи имён.

Будь проклят, кто лишил их жизни,
Пусть мразь скрежещет: – Не кричи!
Но почему в моей отчизне
Так кровожадны палачи???

МОЛЬБА

Люблю отчизну я, но странною любовью!

М. Лермонтов

Прав Лермонтов! Есть странная любовь:
Россия индустрийно-деревенская
Бананы ест, а всюду льётся кровь –
Абхазская, таджикская, чеченская.

И недоросли сели за рули,
Перегрузив дороги иномарками,
Как будто бы они пупы земли –
С валютою и теннисками яркими.

А где-то внучка бабку – топором,
А пьяный хлюст загнал комбайн в болотину.
Премьера бы иного сечь кнутом,
Что в банк швейцарский заложил бы родину.

Скажите мне, кто пойман на аркан,
Куда ведёт экстаз эротосмелости,
Когда девичья грудь во весь экран,
А вместе с тем и все девичьи прелести.

О Господи! О Родина моя,
Где дедушку не знают, как по отчеству,
Где на шашлык зажарят соловья,
А храм взорвут, когда кому захочется.

Прав Лермонтов: Жандармы чтут мундир,
И голубые заменив пятнистыми,
Под видом мира людям шлют не мир,
А горы горя в их края гористые.

О Господи! Спаси и помоги!
Не допусти глумленья над заветами.
А может, сами мы себе враги,
Когда разбой скрепляется ракетами?

31 мая 1995

ТАК БЫЛО...

Вздروгнули от гнева снеговые выси,
 В трауре планета – не один Кавказ,
 Как несовместимы «танки» и «Тбилиси»,
 «Тициан Табидзе» и «токсичный газ».

Люди в день прощанья стали, как родные,
 Засветили свечи с раннего утра,
 Чтоб не омрачались тенью тирании
 Веточки мимозы, вольная Кура.

Гусеницам танков не урезать солнца,
 Всех цветов не сможет срезать автомат.
 Грузия, как прежде, для меня, орловца,
 Пчёлами гудящий, благовонный сад.

АГРЕССИЯ

Куда ни глянь – она всегда такая:
 Сначала – рык, потом в ходу –

клыки...

Как хочется, в новейший век вступая,
 От дикости спасти материки!

КАВКАЗСКАЯ ТРАГЕДИЯ

ЧТО ты натворил, Саакашвили?
Кто тебе дал право убивать?
На кого стволы вы наводили —
Тысячи погибших не поднять...

Старики и дети под пальбою,
Матери в обломках и в пыли...
Как могли решиться на такое
Урожденцы здравницы-земли?!

Кайся же, ООН, лакей от НАТО,
«Ястребам» и слёзы — как роса.
За убийства — следует расплата,
Кровный грех не смоят небеса.

Мечь придёт за муки и страданья,
Если вновь обрушится гроза...
ГЕНОЦИДУ — нету оправданья —
Кто б не лгал сегодня нам в глаза!

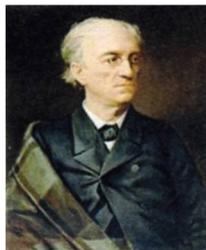
9–10 августа 2008 года,
г. Орёл

НАСТАВНИК ТЮТЧЕВА И ЛЕРМОНТОВА

С.Е. Раич
(1792–1855)

Ф.И. Тютчев
(1803–1873)

М.Ю. Лермонтов
(1814–1841)

25 августа 1823 года Александр Сергеевич Пушкин в письме брату Льву спрашивал: «... Здесь ещё Раич. Знаешь ли ты его?».

Я и сын Сергей неоднократно бывали в родных местах видного представителя Российского просвещения, педагога, поэта и переводчика древних классиков. Он донёс до русского читателя поэму Вергилия «Георгики», Т. Тассо «Освобождённый Иерусалим», Л. Ариосто «Неистовый Роланд»...

Семён Егорович Раич (Амфитеатров), предки которого были сербы, родился в 1792 году в селе Рай-Высокое Кромского уезда Орловской губернии в семье священника.

В 1812 году он окончил Орловскую духовную семинарию, а затем Московский университет. Его воспитанником был будущий поэт Фёдор Тютчев. Напутствие в литературу от издателя и знатока словесности получил Михаил Лермонтов. В альманахах «Новые Аониды», «Северная лира», в журнале «Галатее» печатались стихи А.С. Пушкина, А.И. Полежаева и других поэтов. Благодарный автор стихотворения «Умом Россию не понять» Ф.И. Тютчев заметил о своём учителе:

Ум скор и сметлив, верен глаз,
Воображенье быстро...
А спорил в жизни только раз
На диспуте магистра.

Добавим, что в «Галатее» была опубликована поэма А.С. Пушкина «Кавказский пленник», а сам поэт читал Раичу «Песнь о вещем Олеге» и другие работы с листа. Умер просветитель 23 октября

1855 года. Похоронен в Москве на Пятницком кладбище...

На Орловщине – деятеля высокой культуры не забыли. По инициативе Орловско-Ливенской епархии, писателей Виктора и Сергея Рассохиных и Троснянской районной администрации поставлен памятный камень в селе Высокое и бюст наставнику Тютчева и Лермонтова в Тросне. Его дети – В.С. Раич, художник и дочь С.С. Раич в своё время передали архивные материалы об отце в Пушкинский дом при Академии наук.

Поскольку род Амфитеатровых известен в религиозном, философском и художественном мире, в селе Высоком, граничащем с Курской областью, должен быть восстановлен храм, который пострадал в годы богоборчества и немецкой оккупации.

Дело за духовными и светскими властями Орловской области и спонсорами-подвижниками во имя исторического наследия Родины.

P.S. К нашему сожалению, памятная табличка была расстреляна пьяными охотниками или людьми, рядящимися под охотников. О вандализме мы сказали главе района и памятка была восстановлена в другом виде.

*Виктор Рассохин
у бюста С.Е. Раича
в Тросне.*

*Галина Васильевна
Жукова, ранее возглавляла
«Сельские зори»,
опубликовала ряд острых
наших материалов,
на что не решились
редактора-мужчины.*

*Сергей Рассохин с редактором
районной газеты Михаилом
Юрвичем Тапилиным.*

ЗАБУТРИЛИСЬ

Теперь в стране иные маски,
Их не было в Бородино...
Как молния, сверкают каски,
Когда их жмут борцы и дно.

Не назовёшь Россию грязной.
Она отмылась, только как?
Спокойна в ванне буржуазной
И в сауне – где пьют коньяк.

*В родных местах просветителя.
Теперь здесь Железногорское озеро, куда
впадают реки его детства – Свапа,
Красавка, Белый Немёд...*

Счастливым властью не до пива,
И, в миллиарды наряжаясь,
С трибун смеются горделиво:
– Для нас мелки – и царь, и князь.

У нас коттеджи в океане,
В чужие банки вложен вклад...
А служат Родине крестьяне
И бедный пролетариат.

СИРОТА

Да, все о гении писали,
 Кто при кресте, кто без креста,
 Но только слова не назвали
 Пронзительного – СИРОТА.

Благи и бабушка, и дяди,
 И двоюродная родня.
 Они старались, Бога, ради,
 Помочь ему день ото дня.

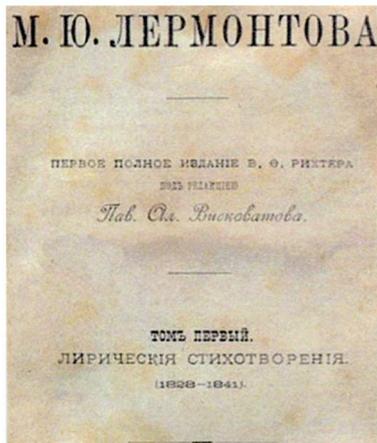
Пусть было всюду обожанье
 И сверхприветливы сердца.
 ...Ранимо детское сознание,
 Что нету мамы и отца.

И, может, ранние утраты
 В душевных муках так слились,
 Что ум затмили супостаты
 И он сказал им: – Берегись!

Громил царя, толпу придворных
 И лицемерный журнализм,
 Что утопали в дебрях чёрных,
 Кому был вреден оптимизм.

О, как вся знать пророку мстила,
 Взахлёб безудержно лгала.
 ...Так жаль, что ранняя могила
 Его навеки приняла.

Но мысль, она жива вне праха,
 В борьбу не каждого зовёт
 И выбивает страх из страха,
 Кто вроде жив, а не живёт.

Первый том лирических стихотворений поэта (1828–1841). Проницательный читатель (по Н.Г. Чернышевскому) – что стихи мятежного звучания никак не попадали под лирику. У Лермонтова о соловьях почти нет ничего.

ИМ БЛАГОДАРНА РОССИЯ И МИР
(Они на полотнах, в скульптурах, гравюрах, в значках)

О НОВОМ ВРЕМЕНИ

О Великая Русская
Муза!
Потерял остроту
карандаш.
В одиночку идут
из Союза:
Этот – «гений», а этот –
алкаш.

И у многих – умища
палата,
Могут выплавить
правду в слова.
Но ловчайшими
монстрами злата
Притупила их мысли
Москва.

ДОРОГИЕ ИМЕНА

Они пером боролись против зла.
Великие прозаики, поэты...
Нам подарили мысли и крыла,
Чтоб мы яснее знали жизнь Планеты.

М.Е. Салтыков-Щедрин

Россия любила
и любит
Всевиденье
поэта.
Как счастливы
были люди,
получавшие
первый том его
произведений!

Многие художники
образ гения видели
по-своему.

КОНТРАСТ

Когда летит метеорит,
Он ослепительно горит.
Пусть это миг или полмига,
Но явь из космоса – не фига.

Так человек, в сей мир входя,
Свой путь по жизни намечает.
Один – за Родину сгорает,
Другой – сгорает для себя.

Дубовый листок
оторвался от ветки
родимой...

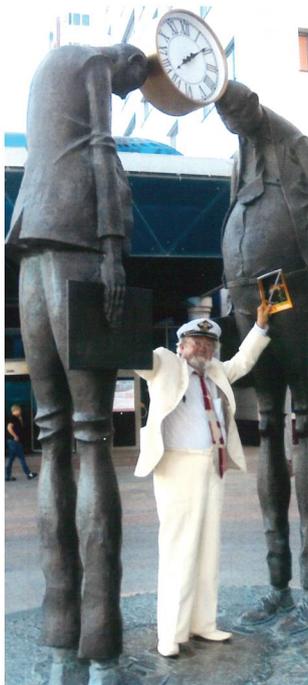

Почтовые марки, выпущенные к юбилею поэта.
Ждём новые!

Юрий Алексеевич Гагарин и Степан Петрович Шипачёв, давший мне рекомендацию в Союз писателей СССР в 1974 году. Фото 1961 г.

*Не отнимайте время
у других!
Орёл. Скульптура
Ю.А. Киреева*

ВРЕМЕНЩИКАМ

(По поводу книги «Наш Лермонтов» –
к 200-летию поэта)

К властям мы обращались не однажды,
Но все твердили: – Скуден наш бюджет...
Не убивайте Лермонтова дважды,
Ведь косность – это тоже пистолет.

«Бородино» вы знали, «Смерть поэта»,
Их в школе вы учили наизусть.
Вы из низов пришли к ларцам бюджета,
Так не поняв, что не продажна Русь.

А том придёт – его поддержат люди,
Чьё счастье и несчастье меж берёз.
Там равнодушья к памяти не будет,
Они плач знают, только вы – без слёз!

У вас банкноты, красные дипломы,
Коттеджи чуть пониже пирамид.
Вы всё, как Плюшкин, тащите в хоромы,
Вам всё равно, что гений был убит.

Нет, вам не та отпущена награда,
Создавшим нам ущербность бытия.
И, как предвидел автор «Маскарада»,
Есть на Планете – БОЖИЙ СУДИЯ!

P.S. Парадоксальный факт: отношение к пророку не изменяется годами, не смотря на десятки обращений авторов к ряду чиновников лично и письменно, хотя лидер державы Владимир Владимирович Путин постоянно цитирует бессмертные строки выдающегося соотечественника.

Сергей Есенин.
1925 г.
Собирался
издавать журнал.

Ленинград. Гостиница «Англетер». 28 декабря
1925 г. «Исследователи причин смерти Сергея Есенина давно
пришли к выводу о прямой причастности к гибели поэта
ОГПУ. И документы об этом есть в КГБ, да вот уже семь
десятилетий не дают читать их».
(Известия», 25.09.97 г.). Теперь в ФСБ. Прошло 12 лет... ?
Гостиница «Англетер» снесена. Молчание длится ... 90 лет.

Прощание с великим рязанцем.
Москва. 31 декабря 1925 года.

Слова не дали. За правду – пуля.
14 апреля 1930 года.

Владимир
Маяковский хотел
сказать во весь
голос...

Грандиозные похороны поэта-трибуна.
Москва. 17 апреля 1930 года.
У всех ли – паспорт?

РОДИНА. ТВОРЧЕСТВО. ВРЕМЯ

III Всесоюзный Есенинский праздник поэзии. Рязань, 1987 г.

На снимке: Николай Старшинов, Пётр Сальников, Юрий Прокушев, Виктор Рассохин, Валерий Ходулин, племянница С. Есенина Татьяна Ильина-Флор.

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Нет, не до свиданья – а до встречи,
Пред тобой – распахнутая даль.
Пусть звучит на множестве наречий
Боль твоя и радость, и печаль.

Никуда от истины не деться,
Там, где ты – там несказанный свет.
Глубочайшей искренностью сердца
Каждый освещён и обогрет.

Солнечна энергия рязанца,
Ты прижал униженных к груди.
Хорошо, что жарких слов боятся
Негодяи, изверги, вожди...

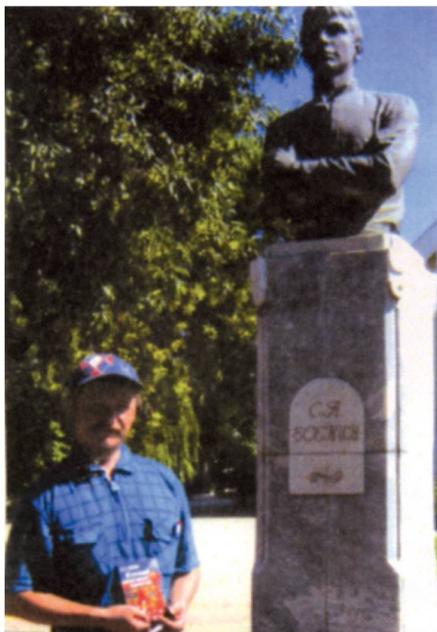
Идолов свергая с пьедесталов,
В души внёс лирический запал.
Для тебя одной планеты мало –
Нам Гагарин это доказал*!

Заря окликает другую...

*Рязань – Константиново – Скопин – Новомичуринск,
10 октября 1987 года*

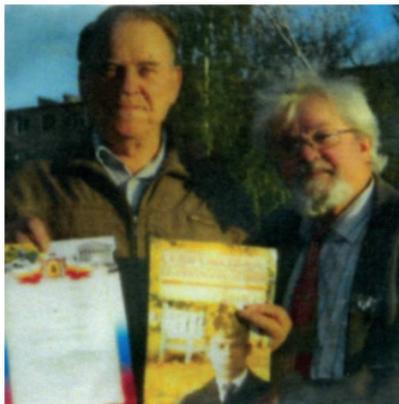
* Первый космонавт взял с собой томик стихов поэта.

*У памятника великому рязанцу,
приезжавшему в Орёл.*

*С.А. Есенин
(1895–1925)*

*С орловским есениноведом
Г.А. Агарковым.*

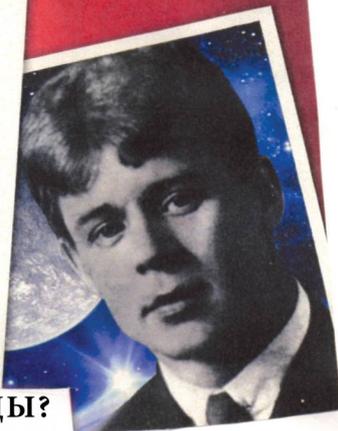

*Село Константиново – родина поэта.
К нему идут люди всегда...*

НАЙДЕНА ИСТИНА!*

«**В**сем известно, что Сергей Есенин покончил с собой двадцать восьмого декабря 1925 года, но гороскоп его смерти показывает, что она наступила днем ранее и поэт был убит. Кто мог совершить это убийство? К 1925 году в партии большевиков сложились две смертельно ненавидящие друг друга группировки: Сталина и Троцкого. Их вражда неминуемо должна была закончиться победой одного и тотальным уничтожением другого. Известно, что Троцкий увлекался оккультными науками и масонскими ритуалами. Существует конспирологическая версия, что в критическое для себя время он вполне мог приказать доверенному лицу организовать чуть ли не ритуальное убийство «жертвенного агнца», на чью роль избрали Сергея Есенина, связанного глубинными родовыми корнями с Древней Русью...»

**КАК НА САМОМ ДЕЛЕ ПОГИБ СЕРГЕЙ ЕСЕНИН?
АСТРОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ
ПАВЛА ГЛОБЫ**

ЧТО ИЗМЕНИЛОСЬ ЧЕРЕЗ ГОДЫ?

*Павлу Васильеву,
Борису Корнилову,
Николаю Клюеву*

Не на рассвете – в темноте,
Где одиночка в слизь одета,
Из воронёного «ТТ»
Скосили цвет земли – поэта.

Он возвратится к людям вновь
Прекрасно изданный в столице.
Но всё равно сочилась кровь
Сквозь отбелённые страницы.

*Мать поэта Татьяна
Фёдоровна (1875–1955) и её
внук Юрий (Георгий) Есенин
(Изряднов) – (1914–1937)
Расстрелян.*

* Журнал «Семь Дней ТВ – программа», № 38 2014.
Тираж 890 300 экз.

СТРАДАЛЬЦЫ

Зинаида Николаевна Райх в письме от 29 апреля 1937 г. И.В. Сталину осмелилась сказать вождю: «...Я не хочу, чтоб могила Есенина была не «могилкой с паломничеством, чтоб на ней не стоял крест, поставленный его матерью, а стоял хороший советский памятник, и чтоб дурацкая ошибка Бухарина со «злыми заметками» была исправлена, а «сожаление» Троцкого о «незащищённом дитяти» было разгримировано, не как «истинная человечность», а «человечность политическая.»

Ответ последовал жуткий: 13 августа 1937 г. по ложным материалам, как «активный участник антисоветской террористической организации» был расстрелян сын поэта Юрий (Георгий) Сергеевич Есенин (Изряднов). В октябре 1938 г. заключена в Бутырскую тюрьму сестра – Екатерина Александровна Есенина.

В июне 1939 г. арестовали В.Э. Мейерхольда, мужа актрисы, а в ночь с 14 на 15 июля 1939 г. З.Н. Райх была зверски убита в своей квартире... Матери «кулацкого» поэта не давали лошадь вспахать огород...

**Владимир
ВЫСОЦКИЙ**

С чьего мановенья центрального,
В глаза сверхзаботой пыля,
Певца и поэта опального
Свели к индустрии рубля?

Тюльпаны теперь над останками
Кладёт фарисейская рать.
Вчера его исповедь — танками
Она же хотела распать.

О, как его душенька мается,
Смотря на торги с высоты!
И глина уже возмущается,
И краски марают холсты.

Как молния, шёл он, зигзагами,
Оборваны тысячи струн...
А кони по-прежнему загнаны —
Над пропастью сбились в табун.

Кадр из кинофильма
«Служили два товарища»

ЖЁСТКОЕ ВРЕМЯ

Ох, Страдалица-Земля!
 Предали нас вместе
 АКАДЕМИКИ ВРАНЬЯ,
 КАНДИДАТЫ ЛЕСТИ.

Ну, а Пахарь и Кузнец
 В темноте инстинктов
 Вместо хлеба – ест свинец
 Мировых конфликтов.

Фильм Анастасии Бутузовой «Штрихи к портрету короля» о Н.Н. Поликарпове с участием писателей Рассохиных прошёл на телеканале «Истоки» при поддержке Вячеслава Ерохина.

ЗЕМЛЯНЕ – ЗЕМЛЮ НЕ ГУБИТЕ!

Всё понятно и всё не понятно,
 С двух сторон хоть луну огляди.
 И на солнце – трагичные пятна,
 ЧТО нам скажут они впереди?

Не дождемся, другие дождутся,
 То ли рая, быть может, конца...
 Во Вселенной не разминуться –
 Величайшая мудрость Творца.

УЧЁНЫМ

Тайны лабораторий,
как мне до вас добраться?
Тайны военных игрещ,
как мне взглянуть на вас?
Знаю, вас охраняют
кнопки сигнализаций,
Роботы и охрана,
мощная без прикрас.

Но и за той охраной
зорко следит охрана.
Власти к охране лучшей
пока ещё не пришли,
Чтобы никто из клана
не рассекретил плана,
Плана шитья и кройки
космоса и Земли.

Сильный захватит солнце,
Друг по захвату – лучик,
Слабому остаётся
в страхе от войн дрожать...
В недрах лабораторий
столько учёных лучших:
Думайте о Вселенной,
Как о ребёнке мать!

Не спите спокойно, это может повториться!

Ne dormez pas tranquillement, cela peut se répéter.

Keep your eyes wide open, this way happen again.

Schlaft nicht ruhig, das kann sich wiederholen.

不要乱动, 安静, 这些可以重复.

すかたに おないで"下さい"口ホ(ホ モーゾ)くりかえすのは
ためです。

Искажение вечности

Рафаэль Санти
(1483–1520)

Сикстинская Мадонна. 1513–1514.

НЕЛЮБИМАЯ ПРАВДА

*И.А. Бунин
(1870–1953) Первый
Нобелевский лауреат
многострадальной
России.*

*Один из портретов
классика*

Окаянные дни...

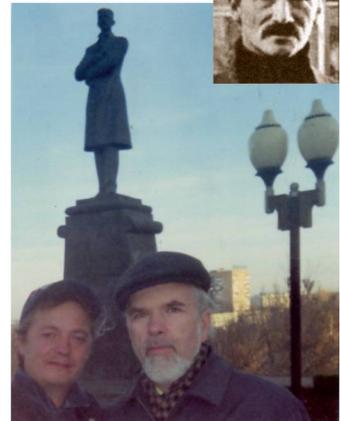
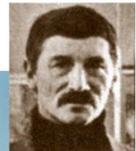
Иван Бунин

В окаянных веках
Человек бесприютен.
С детства тянется к солнцу –
При планетном: АГУ!
А как вырастет он –
Он в тенётах иудин,
Что предали Христа,
Как предатель
Не служит врагу.

Они есть в ислаимизме,
В буддийских одеждах.
И в католиках тоже
Сидит Сатана.
Помоги нам, Господь,
В жизнь – направить надежды!
ЖИТЬ НАДЕЖДОЙ УСТАЛИ –
ЛЮДЯМ – ПРАВДА НУЖНА.

Пусть она навсегда
Воцарится на троне,
И всем страждущим мира
Выльет солнечный свет.
Пусть планетное зло
Без торжеств похоронят
В тех местах, где идут
Испытанья ракет!

*У памятника автору «Листопада», «Деревни»,
«Окаянных дней», «Жизни Арсеньева», г. Орёл.
Скульптор В.М. Клыков.*

*Г.Г. Гагарин
(1810–1893)*

*Картина художника
«Свидание генерала
Клюкке фон Клюгенау с
Шамилём». 1849.*

*А.И. Бяратинский
(1815–1879),
генерал-
фельдмаршал,
взявший в плен
Шамиля в 1859 году.
Бывший
одноклассник
Лермонтова
недолюбливал
поэта за смелость.*

ШАМИЛЬ В КАЛУГЕ

(Цикл стихотворений)

*В жёлтом домике направо жил
известный имам Шамиль.
(Из рассказа экскурсовода)*

*Каково горцу в снежных равнинах?
(Удивление слушателя)*

*Нет большего горя, как вспоминать
о счастливом времени в несчастье.*

Данте

* * *

В окошко виден над луною нимб,
Кресты церковей поблескивают справа...
А в памяти вставал аул Гуниб —
Его позор, владычество и слава.

Но не о том тревожился имам,
И даже нет, не ожидал он чуда.
Потоком, что несётся по камням
Ему хотелось вырваться отсюда.

Гортанную опять услышать речь
Собрать под месяц воинство Аллаха.
И впредь на шашке каждого насечь:
«Коварен страх, но плен — коварней страха».

И снова он на белом скакуне,
Среди наибов нет лихой измены,
Что ни мюрид, то камень из камней,
И брызжет кровь на крепостные стены...

Прирос к окну взволнованный Шамиль,
В душе — Кавказ, а тело здесь — в Калуге.
И серебрится на морозе пыль
Январской зарождающейся вьюги.

* * *

Мечеть закрыта... Служит ли мечеть?
Не в ней ли обращались мы к Пророку,
Чтоб никогда горячему Востоку
Никто не мог уздечку бы надеть.

Наибы, где вы? Прячетесь в грозу?
Стреляете, должно быть, в одиночку.
Зачем ты к офицеру тащишь дочку?!
Зачем пьёшь водку хлеще, чем бузу?

Зачем ты чистокровного коня
Сменял на золотую табакерку,
А пиалу — на мелкую тарелку?..
Бойтесь, что под пушками Чечня?!

Прости, Аллах! Я заперт и бескрыл,
Но мысленно я говорю с орлами...
Мне больно, если холмики могил
Моих наибов будут под крестами.

* * *

Я с детских лет в дорогу верил,
Сейчас бы в отчие края.
Что говорить, Ока — не Терек,
В Оке — ленивая струя.

Войти в аул седым от пыли,
Определиться на ночлег,
Где старики не позабыли,
Чем каждый славился набег.

Послушать их простые речи,
Кого ругают, кто в чести,
И, горькой правде не переча,
С рассветом к кладбищу пройти.

Моя нога там не ступала,
В лицо не знали, боль деля...
О, как то воинство кричало:
— За Шамиля! За Шамиля!

А был ли толк в бою великом?
Кавказ поймали за узду!
И, ошарашенный тем криком,
В мечеть на исповедь пойду.

Простит ли, нет меня Всевышний
За то, что месть будил в крови.
И у Аллаха кто-то лишний
Бывает в гневе и в любви.

* * *

Дым кизячный, зачем ты волнуешь меня?
Через стены тянусь к тебе и через годы.
Я давно приутих, спешен в битве с коня,
И Аргун просветлил непокорные воды.

Дым кизячный, тобой с колыбели пропах,
Даже пахнет булат дорогого кинжала.
Голубым ты приходишь ко мне в моих снах,
Согреваешь меня, если сбил одеяло.

Дым кизячный, ты мне словно мать и отец,
Хоть я сам уже дед с бородою почтенной.
Об одном лишь жалею, что близок конец,
Я бы славил тебя с минаретов Вселенной.

* * *

...Лежит мюрид, ружьё отбросив,
Сорвался с кручи аргмак.
И от виска отходит просинь
Там, где пробоина в кулак...

Встаёт Шамиль, так одинок он,
Тяжёлый сон тревожит вновь:
Застыла, кажется, под боком
Того юнца густая кровь.

— Его я нянчил... О великий!
Как был он телом чист и смугл,
Глаза — темнее ежевики,
Красавцу кланялся аул.

Но не окончена атака,
Нелепа гибель седока.
За горца и за аргамака
Аллах отнимет жизнь полка.

И то ружьё, что не успело
Спустить курок за Дагестан,
Ещё отделит дух от тела
У тех, кого ведёт шайтан...

Рассвет. Полозья заскрипели.
Мороз до рам сковал окно.
И смятой простыней постели
Начало дня освещено.

* * *

В аул Хунзах пришёл переполох,
Все прячутся, от старика до чада.
Лишь на хвосте висит собачий брѣх
У головного русского отряда.

Аж под копыта рвутся кобели,
Ни свиста, ни приклада не боятся.
Они ретиво сакли стерегли,
Своих хозяев зная со щенячества.

*Переход князя
Аргутинского через
Кавказский хребет.
Ф.А. Рубо (1856–1928)*

Кипит, белея, пена у клыков,
Горячий камень впитывает хлопья.
Их стервенит одежда чужаков
И под мундиром преданность холопья.

А в саклях тишь. Лишь бегают глаза,
Сердца стучат во всю грудную клетку.
Всем ясно, что в аул пришла гроза.
Он, как фазан, что угодил под сетку.

Не трепещи, угодливым не будь,
Ещё сверкнём мы шашками в округе...
Имам Шамиль хватается за грудь:
Аул Хунзах аукнулся в Калуге.

* * *

— Ну, как татарин чувствует себя?
— Коранию читает. Дело свято.
— Поди, забыл, как наискось рубя,
Топтал конём расейского солдата?

Несчётно душ антихрист погубил,
Верёвку супостату бы на шею.
— Старались люди. Не хватило сил:
Сам за Кавказ Георгиев имею.

— Богомоленный, значит? Аж смешно.
Убивец, а ласкаться лезет к богу.
— А помнишь, ты аул спалил? Грешно?
Давай-ка лучше выпьем на дорогу.

* * *

Дали шашку — рука не владеет,
Я в мечети, а голоса нет.
Почему белый конь мой чернеет,
Где мониста у жён из монет?

Прохожу мимо скользких ухмылок,
Вместо чёток с Кораном — сума.
Кто-то целит мне в бритый затылок,
По которому плачет чалма.

И ловлю я затылочной частью
Жар свинцовый и холод стыда.
Попади в меня, пуля, на счастье,
Осчастливь Шамиля навсегда.

* * *

Давно окончен утренний намаз,
Свалилась с плеч имама тяжесть ночи:
— Зачем тому извозчику Кавказ,
Что с бочками у проруби хлопочет?

И сына в горы он не провожал,
В мундире сын, оторванный от сердца.
И прост приказ: «В бою добудь кинжал.
Чеченец — враг». А видел он чеченца?

Ему до смерти хватит шашлыка,
Ему до смерти хватит винограда,
И палец не коснулся бы курка
Не будь стрельбы дозорного отряда.

А там стена подобных калужан
С улыбкою подкидывает ядра.
И в дымном эхе тонет Дагестан,
Как в Чёрном море битая эскадра.

Но пуля не обходит смельчака,
И шашка режет воздух не напрасно...
Извозчик мой, не торопи конька,
Тулуп твой красен, и под сыном — красно.

Кинжал не взял. Ударом выбит глаз,
И грудь с крестом раздавлена копытом...
Зачем тебе, зачем ему Кавказ?
Давай папахи снимем над убитым.

* * *

Налился соком барбарис,
И ягоды, как капли крови,
По зелени стекают вниз
На скорбный камень изголовий.

Мюриды спят. Джигиты спят.
Кто пал в бою, не имеет сраму.
И в мире том они летят,
Не изменившие имаму.

И под землёй звенят клинки,
Лезгины, лакцы и даргинцы...
И лязг о русские штыки
Коробит чуткий слух столицы.

А что о тех, кто пьёт зарю,
Что за убитых — в поединке?
Султану, шаху и царю
Не отдадут родной пылинки...

Генерал А.В. Галафеев вёл
жёсткие бои на Кавказе.

* * *

Алыча цветёт, алыча.
Заглянуть бы сейчас в отроги.
Отрубился Шамиль сплеча,
К стремянам не стремятся ноги.

Проседь светится в бороде,
Притупляется зоркость глаза.
Руки вяло ползут к звезде
Даже в благостный час намаза.

Одинок Шамиль, одинок,
Вместо гор — городская келья.
И похож я на тот клинок,
Что ржавеет на дне ущелья.

Кто поднимет его, Бог весть,
Сталь и зрячая, и слепая...
Алыча начинает цвести,
Горы в сумерках освещая.

Но за то, чтоб она цвела,
Чтобы свет исходил от сада,
Не держи коня без седла,
Не носи кинжал для парада.

* * *

Мне говорила ночью Аминет,
Горячая до жгучести в постели,
Что холоден для тех сердечный свет,
Кто и в постели думает о цели.

Она права — ей тысяча похвал!
Когда нас убаюкивала нега,
Я всё-таки придерживал кинжал,
Боясь в ночи внезапного набега.

Когда шайтаны жгли подлунный край,
И жаром обдавала обстановка,
Она спросила, как бы невзначай:
— Зачем с тобою рядышком винтовка?

А ласки были вправду хороши,
Душе, как алыче, цвести б от песен,
Но раздвоенный мир моей души
Жене был до подробности известен.

Прости меня — прости через года,
Но ты простишь за истину едва ли:
Две женщины — молитва и гурда —
Меня в ту пору лучше согревали.

Но шашка изменила мне в бою,
Молитва лишь сопутствует доньне.
Пусть я в плену, то тех не признаю,
Кто судьбы мира делит на перине.

* * *

Ведено, мой аул Ведено —
Как живётся тебе под штыками?
Ты в калужское виден окно:
Не закрыть мою память лесами.

Разбираю свой каждый набег,
Где удача была, где осечка.
Разве бунт остановит уздечка,
Или странника — сытый ночлег?!

Высекают копыта в горах
Боль и гнев оскорблённого сердца.
Кто там держит винтовки в чехлах?
Пуля видеть должна иноверца!

От луны над аулом светло,
В ком ещё затаилась обида?
За рекой остывает седло
Моего боевого мюрида.

Всё продал за погон золотой,
За высокую радугу власти.
Горца нет... только отзвук пустой,
Да и тот раскололся на части.

И Коран для таких не Коран,
Не прощают потомки измены.
Не рожай подлецов, Дагестан,
Разве мало у Терека пены?

Вижу тех, кто могилы предал,
Кто на Родине числился гостем.
Верьте мне: самый тощий шакал
Стороной обойдёт ваши кости.

Ведено, мой аул Ведено —
Как живётся при новом имаме?
Неужели на нет сведено
То, что прадеды брали клинками?!

* * *

Эй, шайтаны-гяуры,
Хватит горцам огня!
Как барашек без шкуры
Дымится Чечня.

Там и старый, и малый
 Погребли хазават.
 Остриями кинжалы
 Тупо в землю глядят.

Офицерские пьянки,
 Солдатня на часах.
 Молодые горянки
 Днём и ночью в слезах.

Воцарилась свободка:
 Минареты пусты,
 Деньги, карты и водка,
 По аулам — посты.

И помимо желанья
 В нашу чистую речь
 Лезет слово шайтанье,
 За которое б — сечь.

Всюду виден упадок —
 От одежды до крыш.
 Да и горец стал гладок,
 Как на речке голыш.

Чем тебе, христианин,
 Помешал муэдзин?!
 Весь Кавказ заарканен
 От ручья до вершин.

* * *

Вот Ермол-паши уже не стало.
 Отличался лютостью своей...
 Что в Чечне Россия отыскала?
 Мало, что ль, Сибири и степей?

Фрагмент картины
 «Штурм аула Гуниб».
 Т. Горшельт.

Гордый нрав у горского народа,
Трудно окрестить его в горах.
Русская, турецкая свобода —
Всё равно приходит на штыках.

Так горька ты, сладкая приманка,
Как покрытый плесенью чурек.
Каждый горец, каждая горянка
Пробуют тебя который век!

Вот Ермол-паши уже не стало.
Чья же будет очередь за ним?
До сих пор ещё клубится ало
Над страной его кровавый дым.

— Покорись!!! Огонь в словах приказа,
В светлых саклях — темень от смертей.
Долго будут женщины Кавказа
Именем его пугать детей.

А медали, что ему вручали,
Орденские ленты — мишура.
Это для фанатиков печали,
Как бы их цари не поощряли,
Что в могилу — горстка серебра.

* * *

Спи, сынок, сгорел фитиль.
В нашем городе Шамиль.

Востроглазый, с бородой
Там, за каменной стеной.

Говорят, к хвостам коней
Он привязывал людей.

Саблей головы рубил,
Беды чёрные творил.

Спи, сынок, сгорел фитиль.
Не придёт сюда Шамиль.

Каждый вздох его глухой
Охраняет часовой.

* * *

Просыпается в испуге,
Сон из тела выжал силу:
Роят пленнику в Калуге
Одинокую могилу.

Роят яму у обрыва
Молчаливые солдаты.
И сверкают торопливо
Две зеркальные лопаты...

Наважденье не проходит,
Рвётся жалоба из жалоб:
— Лучше б я погиб в походе,
Пусть ядро бы раскромсало.

Или в пропасть с иноходцем,
Как подстреленная птица.
Если я родился горцем,
В горы должен возвратиться.

Засыпай меня, Россия,
Только дух засыплешь вряд ли,
Всё равно он тлен осилит —
Доползёт до отчей сакли.

* * *

Шакалий вой, шакалий вой
Сегодня был всю ночь со мной,
Хотя откуда он в Калуге,
Где и на лай собачий туги.

Шакалий вой, шакалий вой,
Шамиль пока ещё живой.
Ужели вы того не съели,
Что спрятать в землю не успели?!

И с той, и с этой стороны
При жёлтом отсвете луны.

Шакалий вой, шакалий вой,
Не приходи сюда за мной.
Я за поруганную честь
Успел себя и сгрызть, и съесть.

Но всё равно ты дорог мне —
Звук Родины в чужой стране,
Где не заплакать, не завывать,
Где могут полночью зарыть.

* * *

Намаз в Калуге — так, полунамаз:
И пол чужой, и небо вполконца,
Слеза не облегчает сухость глаз,
Шамиль не слаб — слеза не навернётся.

Ладони к первой тянутся звезде,
Потом к щёкам молитвенно-горячим,
Неспешно подползают к бороде —
Служитель культа кажется незрячим.

Но островато-жгучие глаза,
 На лезвие похожие в прищуре,
 Дают понять: кипит ещё гроза
 В его непокорившейся натуре.

Надолго ли? Но узник — не юнец,
 На раны память — тело потеряло.
 Где у молитвы видится конец,
 У мести зарождается начало.

Её не срежут пуля и ядро,
 Ни с Родиной щемящая разлука.
 Хоть жги её, хоть вешай за ребро –
 Как ни пытай, мучителю — ни звука.

И если говорят, что месть слепа,
 Не верьте им, душа её прозрела.
 Она, как разъярённая толпа,
 Где каждый — был истерзан до предела.

* * *

Как тянет утопающего камень,
 Как сытый манит нищего рублём,
 Зовут Гимры, где пахнет облаками,
 Где гром пропах цветущим миндалём.

Я там качался в мягкой колыбели,
 Впервые стёр о камни чувяки.
 И, как того родители хотели,
 Читал Коран под мерные кивки.

Впервые там почуял власть железа,
 Впервые обхватил девичий стан,
 Впервые там противника зарезал
 И побелел от страха, как туман.

Штурм аула Гимры
 Ф.А. Рубо
 (1856–1928)

Потом — набеги низом и с уступов,
Не раз жёг порох плечи и бока.
И горы поглощали горы трупов
От пули, от ядра и от клинка.

Вся жизнь моя из темени и света,
Чего в ней больше — пепла иль огня?
Но я хочу последнего привета,
Где кости тех, кто вынянчил меня.

* * *

Аллах, Аллах! Куда не глянешь — крах!
В родном ауле — русские солдаты...
Не верится, что в каждой сакле — страх,
Хотя все сакли пушками прижаты.

Не скрыться от калёного ядра,
Оно не внемлет голосу пощады.
Металл не свалит, выстрелит гора,
Оглохшая от частой канонады.

К ущельям перехвачены пути.
Эх, горец мой, превозмоги опалу:
Возьми кинжал, мне горло отхвати —
И голову кинь в ноги генералу.

Потом свою винтовку зачехли,
Займись вином, выделявай овчину,
А мысли, что кусают, как шмели,
Пускай уйдут в подушку и в перину.

По праздникам — целуй трёхцветный флаг,
Зубами пробуй царские монеты.
Но трусость ненавидит даже враг,
Для труса сокращаются рассветы.

И прах его покоя не найдёт,
Его земля не примет по-земному.
И всё за то: когда страдал народ,
Он изменил Отечеству святому.

* * *

В Дагестан теперь не возвратиться,
Провалюсь сквозь землю от стыда...
Так, обвалом вспугнутая, птица
Не находит тёплого гнезда.

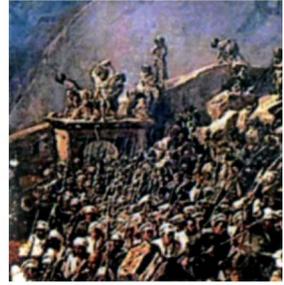
Пленник — он уже полуизменник,
Обрастает ложью и хулой.
Время серебро затаяет чернью,
Золото — не тронет чернотой.

Белый конь мой, мир твоим останкам.
Это ты, не чувствуя копыт,
Нёс меня к возлюбленным горянкам,
К славе, где был недругами сбит.

Блеск кинжальный глаз не согревает,
Я и сам в ножнах по рукоять.
Боль ранений силу отнимает —
Чётки устаю перебирать.

Смолоду Коран был мной изучен,
До кончины пленнику свети!
Мне б теперь через моря и кручи
Остов свой до Мекки донести.

Чтобы там — пред ликом Магомета,
В очереди странников седых —
Отделял я резко тень от света,
Павших вспоминая и живых.

*Последний штурм аула
Гуниб.
П.И. Грузинский
(1837–1892)*

В Дагестан теперь не возвратиться,
 Провалюсь сквозь землю от стыда...
 Так, обвалом вспугнутая, птица
 Места не находит для гнезда.

* * *

Чёрный камень Каабы,
 Жизнь моя коротка.
 Я иду к тебе, слабый,
 Без семьи и клинка.

За кровавые реки,
 Что впитала земля,
 И сейчас, и вовеки
 Ты прости Шамиля.

Я не думал о битве,
 Злу ответила злость:
 Мне Кавказ на молитве
 Удержать не пришлось.

И владельцы кинжала
 Не хотели войны.
 В саклях, сбросив усталость,
 Ели с маслом блины.

Козий сыр — не патроны,
 Виноград — не шрапнель.
 Царь привёл батальоны,
 Метил порохом цель.

Но и мы не из слабых —
 Багровела земля...
 Чёрный камень Каабы,
 Ты прости Шамиля.

*Шашка предводителя
горцев*

Коврик имама.

* * *

Шашка сломана — я не жду добра.
 Горе выпало, как Эльбрус-гора.
 Не обнять мне жён, ни молитвы спеть,
 Опустел аул, сирота — мечеть.

Взматерел в горах орудийный рык.
 Неужель, Аллах, ты к нему привык?

Сбереги детей, сохрани очаг,
 Развали Эльбрус на моих плечах.

* * *

Всё-таки дошёл Шамиль до Мекки,
 На пути ударила беда.
 Всё, что накопело в человеке,
 Стены поглотили и года.

Меченый то шашкою, то пулей,
 Проклятый, низвергнутый, святой,
 Жил в Калуге, дух витал в ауле,
 Где родился, где скликал на бой.

Побывав в смирительной рубашке,
 Щупая пустые газыри,
 Месяцу молился, словно шашке,
 Что висел с заката до зари.

Родина поруганной вставала —
 Становилось холодно в груди.
 Русские... Они — народ бывалый:
 За Христа, а пушки впереди.

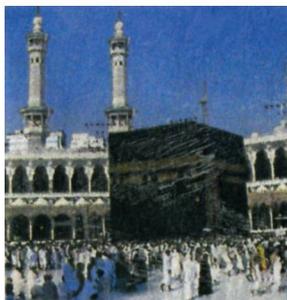
Избирай потом любого бога,
В рабской жизни верь или не верь.
Но когда захвачена дорога —
Бездорожьем ходит только зверь.

Потому клыкасто и свирепо,
Вырезая в спешке лагеря,
Горцы нападали прямо с неба,
Зная алчность белого царя.

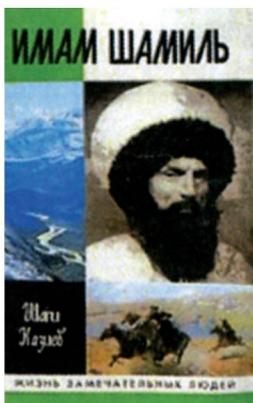

Потому отчаянно до боли,
На дыбы привстав последний раз,
Удила романовской неволи
Изо рта выталкивал Кавказ.

Всё-таки дошёл Шамиль до Мекки,
Помогла она ему — как знать...
Но сказал он, закрывая веки:
Коль бунтует воля в человеке,
С шашкой — можно пушку оседлать.

Мусульманская святыня
Кааба в Мекке.

Книга вышла в серии
ЖЗЛ. Москва. Из-во
«Молодая гвардия».

Шамиль (1799–1871) –
имам Дагестана и Чечни.

Цикл стихотворений
из книги
«Шапка Мономаха»,
1989-1992 гг.,
Орёл - Северный Кавказ.
Одноимённое иллюстративное
издание вышло в Орле в 2009 г.

*Тайный увоз тела Пушкина из Петербурга.
Картина А.А. Наумова (1840–1895)*

ПОСМЕРТНЫЙ ОБЫСК

**Драматическая
поэма
об
А. С. Пушкине**

*В.И. Даль (1801 – 1872)
Великую трагедию культуры
автор Толкового словаря
отобразит в будущем.*

*Василию Андреевичу
Жуковскому – спасшему и
сохранившему для потомства
архив Александра
Сергеевича Пушкина*

*И.А. Крылов, А.С. Пушкин,
В.А. Жуковский
и Н.И. Гнедич.
Этюд Г.Г. Чернецова
(1802–1865) к картине
«Парад на Марсовом поле».
1832.*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дубельт Леонтий Васильевич — генерал,
начальник штаба корпуса жандармов.

Жандармский офицер.

Николай I — царь.

Адъютант царя.

Бенкендорф Александр Христофорович —
граф, шеф корпуса жандармов.

Жуковский Василий Андреевич — поэт.

Вяземская Вера Фёдоровна — княгиня,
жена поэта Вяземского.

Пушкина Наталья Николаевна — вдова поэта.

Гончарова Александра Николаевна — её сестра.

Жена Дубельта.

Булгарин Фаддей Венедиктович —
писатель и журналист, агент Третьего отделения.

Действие в Петербурге.

СЦЕНА I

Кабинет канцелярии.

Дубельт

Ну, что там камер-юнкер?

Ж а н д а р м с к и й о ф и ц е р

Не жилец.

Д у б е л ь т

Я не о том. Об этом пуля знала.
Обидно, что толпу привлёк свинец.
А где толпа — там станови капрала.

Ж а н д а р м с к и й о ф и ц е р

Дежурят-с.

Д у б е л ь т

Проследить!
Мороз пока не лезет под шинели?
Мальчишки... Пистолетов разрядить
При ненависти дикой не сумели.

Офицер удаляется. Генерал, бросив чьё-то «Дело» на стол, подходит к окну.

Допрыгался: то с севера на юг,
То Грецию воспел, то Пугачева...
Насмешек не прощает Петербург,
Тем более — кощунственного слова.

Казалось бы, довольно декабря:
Не тронули ни пыткой, ни острогом.
Но где там? Обезличивал царя.
И Фотия позорил перед богом.

Редчайшая расхристанность души
При кошельке без шороха и звона.
Резвился на журнальные гроши
И оные... выклянчивал у трона.

Не понимают люди, что к чему,
Виня других, в свои же лезут сети.
А крест один и дури, и уму,
К тому же — каждый смертный на бюджете.

СЦЕНА 2

Зимний дворец. Николай I после известия. Прохаживается в раздумье.

Горяч... Горяч... По нашим-то снегам!!!
Летят с копыт фельдъегерские кони.
Легко курить свободе фимиам,
Как будто ей препятствуют на троне.
Не думал, что придётся мне писать
Прискорбную, но важную бумагу.
Ах, да... Печать. На кабинет — печать.
Чернь любопытна. Обелит беднягу.

Певец был с бунтарями заодно.
Их дух делил... И знаю не по слухам.
Но... будет о покойнике... грешно.
Январская земля не станет пухом.

Вызывает адъютанта, держа пакет.

А д ъ ю т а н т

Слушаю, Ваше Величество!

Н и к о л а й I

Для Бенкендорфа.

Адъютант вытягивается в струнку.
Щёлкает каблуками.

СЦЕНА 3

Приёмная зала. Бенкендорф читает сначала про себя, потом вслух:

«Пушкин умер. Я приказал Жуковскому приложить свою печать к его кабинету и предлагаю Вам послать Дубельта к Жуковскому, чтобы он приложил жандармскую печать для большей сохранности. По истечении восьми дней эти два лица могут снимать печати, и Жуковский разберёт бумаги».

Понятно. Но Жуковский-то зачем?
Наследника учил... А это ж ДЕЛО!
И Отделенью жарко от поэм.
Воспоминаям время, что ль, приспело?

Певец «Светланы» может под конец
Секреты вскрыть в порыве откровенья.
Не от него ль талантливый юнец
Принял портрет, как знак благословенья.

Но воля божья! Учит — седина,
Научит и последняя квартира.
Тут выбитая лира не слышна,
А что его расстроенная лира?!

У Дубельта к тому ж собачий нюх,
Изучит всё от запятой до точки.
Работает и действует за двух.
Ох, шельма! Увильнул от одиночки!

Поголубел, царёв паёк ценя,
И, хищную повадку соблюдая,
Случись ведь что — допросит и меня,
Блеснёт улыбкой: служба, мол, такая...

СЦЕНА 4

Квартира Пушкина.

Д у б е л ь т

Василь Андреич! Как вам тяжело!
Да и меня до слёз волнуют строки:
Отечество нам Царское Село...
Хотя я там не бегал на уроки.

У траура — пощады не проси,
Приходит он, сердца и лица старя,
Но, чтоб сияло солнце на Руси,
И нам пришёл совет от государя.

Пока от кривотолков пользы нет,
Клянут Дантеса за пристрастие к юбке.
...Приложим-ка печать на кабинет.
И заварил же кашу камер-юнкер!

Ж у к о в с к и й

Да, утонул в житейских мелочах:
Долги, балы и письма безымянны...

Д у б е л ь т

Мне говорят, что беллетристы странны:
Не пишут утром, больше — при свечах.

Ж у к о в с к и й

Причуды есть. Кто в мире без причуд?
Душа пуста — преуспевает тело.
По-моему, не затерялся б труд,
А как писался — в этом, что ли, дело?!

Не боязно вам заходить сюда?

Д у б е л ь т

Чего бояться? Тишина — безрука.
Осмотр вещей — интимная наука.
И тишина при ней, как никогда.
Не затеряем праведных трудов,
Какие бы ни выпали мытарства,
Когда так о сохранности стихов
Болеет и печётся государство.

СЦЕНА 5

Н а т а л ь я Н и к о л а е в н а (*сестре*)

Нашатыря мне. В комнате — чужие.
Ужель нет переписки поважней?
Прошла вся просвещённая Россия,
А в доме и темней, и холодней.

И, право, негде сердцу отогреться,
Слёз больше нет, учусь теперь молчать.
И, кажется, печать стоит на сердце,
Как глыба льда, ВЕРХОВНАЯ ПЕЧАТЬ.

В бумаги погрузились... джентльмены.
Где этикет? Невежества предел!
Простила б, если б Саша был военный
Иль бунтовщик безумно-дерзновенный,
А то ж ведь защититься не сумел.

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а
(*вытирая слёзы*)

Где там умел? Да он лягушек
Вёрст за пятнадцать обходил.
И всю росу лесных опушек
В усадьбу утром приносил.

Светился... Слушаешь, как сказку,
Его взволнованную речь.
Но где для нас искал он ласку —
Туда и тройки не запречь!

И вместо солнца — век затмения,
Тревожно, жутко и темно.
Сидим с тобою без движенья —
А ведь кому-то всё равно.

Н а т а л ь я Н и к о л а е в н а

И декабрём двенадцать пролетело,
И был допрошен в оные года.
Живому — дело, мёртвому шьют дело,
Не ворошите память, господа!

Да, посланы... да, вы не виноваты.
Куда ни глянь — и тот, и этот прав.
Жуковский... Дубельт — верные солдаты,
А раз на службе — соблюдай устав.

Кто дал вам право, недруги и други,
Глубины душ мундиром оскорблять?
Вы сами шлёте пули и недуги,
Пуская вслед жандармскую печать.

Вскипает страсть к оставленным бумагам,
У конвоиров творчества — вдвойне.
Так варвары не рвались к саркофагам,
Сквозь стены, чуя золото на дне!

Скорее бы закончили всё это.
Нет больше сил — почти что не живёшь.
При жизни — жизнь отняли у поэта,
И после смерти — вежливый грабёж.

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а

Не надо. Успокойся, ради бога!
И всё-таки при зоркости орла
В Михайловское... новая дорога
Со всех концов России пролегла.

Н а т а л ь я Н и к о л а е в н а

Дорога! А со мною — ребятишки.
Все четверо! В хозяйстве сколько дыр?!

А л е к с а н д р а Н и к о л а е в н а

Я посижу, покуда им — за книжки.
Ребёнок с книгой, значит, вышел в мир.

Н а т а л ь я Н и к о л а е в н а

Голубушка!

(подходит и обнимает сестру)

СЦЕНА 6

У Вяземских.

Ж у к о в с к и й

Я так устал... Теперь бы на год — сна!

В я з е м с к а я

Возьми флакон. Виски натри духами.
Как Натали?

Ж у к о в с к и й

Бледна и холодна.
И не к кому на исповедь с грехами.

В я з е м с к а я

Ты раздражён. Зачем такой укор?
Не сам вчера ли в качестве примера
Читал: СУДЬ-БЫ СВЕРШИЛСЯ
ПРИ-ГО-ВОР..

И похвалил за смелость офицера.

Да, кстати, кто он?

Ж у к о в с к и й

Истинный гусар!

В я з е м с к а я

Но до чего ж язвителен, Василий!

Ж у к о в с к и й

Боюсь я, Вера, как бы этот дар
Заране царедворцы не зарыли.
Его стихи — гроза среди зимы,
Они сразили многих, кроме франта.
И, если в Лету не сорвёмся мы,
Почуем сердцем магию таланта.

В я з е м с к а я

Храни, господь! Чужой, а стал-то наш,
Хотя его не видела ни разу.

Ж у к о в с к и й

Ты — лекарь... А возьмусь за карандаш,
Пейзажем одарю за эту фразу.

Ну, мне пора! Не спать сегодня мне.
А это... познакомься в тишине.

(Подает ей свёрнутый в трубочку лист со стихами Лермонтова)

СЦЕНА 7

Жуковский у себя дома. Поспешно разрывает конверт, подписанный Бенкендорфом.

Весть любопытна. Я б сказал, весьма!
Она страшней внезапного удара.
Анчарный вид у этого письма
И логика дворцовского анчара.

Но я противоядие принял:
Пока спасает царская ливрея.
И я не новобранец, генерал!
Вытягиваться в струнку не умею.

Ведь каково?! (*перечитывает вслух*)

«...бумаги, могущие повредить памяти Пушкина, должны быть доставлены ко мне для моего прочтения. Мера сия применяется отнюдь не в намерении вредить покойному в каком бы то ни было случае, но единственно по весьма справедливой необходимости, чтобы ничего не было скрыто от наблюдения правительства, бдительность коего должна быть обращена на всевозможные предметы. По прочтении таковых бумаг, ежели таковые найдутся, они будут преданы огню в Вашем присутствии».

Огня! — кричат: — Огня! Идут с огнём.
Какая государственная смелость.
Стихи четвертовали при живом,
Теперь от них вам пепла захотелось?!

О памяти вам тут ли говорить?
Неслыханная лживость откровенья.
Вы, торопясь в глуши его зарыть,
Ещё при жизни жаждали забвенья.
То посылали в степь на саранчу,
То объявляли мерзким дуэлянтом...
Что многое прощаешь палачу,
Того я не прощаю аксельбантам!

А рукописи — будете читать,
В любой строке — вынюхивать крамолу.
На гения — не выставить печать,
И описи он чужд, и протоколу.

Неиссякаем свет его души,
Прорвётся он сквозь тернии цензуры.
Живёт литература на гроши,
Где золото — там нет литературы.

(Гасит свечи. Долго лежит в постели, не засыпая)

СЦЕНА 8

В кабинете.

Жуковск и й

Мне тяжело бумаги разбирать.

Не то чтоб страх — волнение одолело.

Дубельт

Василь Андреич! Можете... в кровать,
А мне, как радость, начатое дело.

О сколько манускриптов! Боже мой!
Есть что читать Романовым зимой.
А то, признаться, наши донесенья
У сфинкса могут вызвать озлобленье.

Ж у к о в с к и й

Вы правы, повсеместно нужен глаз,
Чтоб дух зловредный выбить в человеке:
То Польша, то Сибирь, теперь Кавказ —
Пронумеруй-ка судьбы в картотеке!

Не как-нибудь, чтоб лучший каллиграф
Трудился над заданьем, замирая,
Поскольку то досье представит граф
Пред очи венценосца Николая.

Д у б е л ь т

Представьте, так... Быть может, ваш архив.
Когда лет сто, к примеру, проживёте,
Не будет так печально-сиротлив:
Царя... в душеприказчики возьмёте.

Мундирам голубым хвала и честь,
Не подведут ни слух, ни зоркость глаза,
Чтоб греческо-французская зараза
В Россию не сумела бы пролезть.

Ж у к о в с к и й

Куда теперь от света? Видит бог!
Вопросами замучают до смерти:
Подай ненапечатанный стишок,
Любовное послание в конверте,

Записку, эпиграмму, мадригал,
Где он страдал иль мучился, печалась,
Такие, чтоб лишь автор их читал,
И те, кому они предназначались.

Д у б е л ь т

Секрет, Василь Андреевич, секрет!
У нас — наиважнейшая задача.
У сплетников и сплетниц чести нет:
Свет-правду дай — во тьму переиначат.

Я с публикою всяческой знаком:
Лжецы молчат, витийствуют пророки,
Когда мы в Отделении берём
У их же откровенности уроки.

Позвольте, а у вас что за пакет?
Обложка интересного издания.
Пером рисунки... Женский силуэт...
Знать, копия предмета обожанья.

В ней что-то от графини есть НН,
Прекрасен стан и бюст не без изъяна.
Винил Дантеса, сам был у колен,
Большой знаток любовного романа.

Василь Андреич! Письма отложить!
Собратьям по перу о них ни слова.
Так мило, что разбор ведут мужи,
А то бы побледнела Гончарова!

К чему ей правда в пустоватый след,
И так отбилась, бедная, от света.
И, на Парнасе счастья не нашед,
Забудет телом бойкого поэта.

Жуковский

Жизнь человека — дьявольски сложна,
И путь его то в солнце, то в тумане...
Конечно, будет чья-нибудь жена,
Детей поднимет и сама воспрянет.

Но на душе останется пятно,
Не смыть его горячими слезами.
Погиб поэт. Он в будущем давно,
А мы над словом мучаемся с вами.

Дубельт

Мечтаете... А молодость строптива.
Кто ей откроет двери госархива?
Да и зачем в гробах будить века —
Пусть здесь умрёт крамольная строка!

СЦЕНА 9

Квартира Дубельта. Генерал за столом без мундира. Просматривает газету.

Жена

Леон! Опять за истиной спешишь?
Ты ближе к ней, она ещё далече...

Дубельт

Что делать? Петербург стал, как Париж,
И якобинцы... требуют картечи.

Но мы при гуманизме при своём
Надеемся на благостное что-то:

Такие, мон ами, верёвки вьём,
Что рвутся иногда у эшафота.

Позор! И всё от слабости руки.
А вот мужик не только знает межи.
Да он в лесу петлёю из пеньки
Под корень дуб столетний перережет.

Не то что наши шеи.

Ж е н а

Бог, избавь!

Д у б е л ь т

Избавит при системе арестантской.
Бунтовщиков на подвиг лишь возглавь —
Учинят суд, как в «Дочке капитанской».

А надо бы силёнкой поиграть
После того... декабрьского взрыва.
Когда в дому и тишь, и благодать —
Что правда? Даже ИСТИНА сонлива.

Сибирь для духа — превеликий рай,
Кавказ для духа — вижу, пользы мало.
Стреляешь в дух — так сразу выпускай!
Как говорят, чтоб духу не бывало.

Под крыльями двуглавого орла
Вольготно поживает «Современник».
Что для него Фаддеева «Пчела»?
Хотя «Пчела» нектар берёт из денег

Огромной государевой казны...
Жужжит, как трутень, золото съедая.
Усопшему укусы не страшны,
Но братия, пожалуй, там такая.

Масонствуют, слетаются в кружки,
В своих стихах клеймят тиранов мира.
А разглядеть их ближе: Босяки!
Без совести, без чести, без мундира.

Ж е н а

Да, ты устал. Излишне говорлив.
Что приказать подать тебе на ужин?
Надеюсь, надоел тебе архив?

Д у б е л ь т

Наоборот. До запятой мне нужен!
До ЗА-ПЯ-ТОЙ...

Ж е н а

ДО ЗАПЯТОЙ? А разве ты лингвист?
Что толку рыться в письмах африканца.
Уже тебя не вдохновляет вист,
Лицо давно отвыкло от румянца.

А, может, развлечёмся? Погостим?

Д у б е л ь т

И не проси! Ещё прочту страницу.
Ты помнишь, как спасали гуси Рим?
А мне спасать приходится столицу.

Что Петербург? Весь набожный народ
Мы отлучим от пишущего брата.
Романовы за мною и Синод,
Лжепатриотам — сырость каземата.

Рыдает по изменникам петля,
И топорю, пожалуй, снятся шеи.
С их смертью очищается земля,
А ты про вист... когда вокруг злодеи.

СЦЕНА 10

Жуковский у себя дома. Один.

Эх, святогорец... Знал ты или нет,
Что трудно трон раскачивать стихами,
Когда один Дантесов пистолет
Свет поменял на мрак перед глазами.

Не знал ты, что холодная рука
Листать начнёт горячие страницы,
Холодная, как сталь того курка
Морозная, как зимний вид столицы.

И даже я, хоть близкий, но чужой,
Приставленный к бумагам для знакомства,
Был в этот день буквально как больной
При виде рукописного сиротства.

Располовинят бесы, разнесут
Стихи, наброски... Знаем этих хватов.
Да мало ли какой вельможный плут
Добавит дёгтя в чувства адресатов.

В.А. Жуковский (1783-1852)
Работа К.П. Брюллова
(1799-1852)

Спи, святогорец. Тень монастыря
Не вечна над останками твоими.
Уже встаёт прекрасная заря,
Что призывал ты вместе с пятерыми.

Но что тебе мой запоздалый бред,
Когда при жизни я склонил колени...
А сыщикам лишь укажи на след —
Они его разнюхают у тени.

СЦЕНА 11

Кабинет канцелярии. Булгарин — весь внимание.

Д у б е л ь т

Как поживает «Северная пчёлка»?
До медосбора — целая зима.
Люблю «Пчелу», не веря кривотолкам,
Не орган, а сияние ума.

Давно у нас окрепли узы дружбы,
И вы, и Греч наладили печать.
Домой придёшь, забудешь тяжесть службы.
И — весь в неё! А что ещё читать?

Набили нам оскомину Вольтеры,
И «общества» утратили престиж.
Мне хочется, чтоб наши офицеры
Поглядывали меньше на Париж.

Б у л г а р и н (громко)

Старается!

Б у л г а р и н *(про себя)*

И врёт же, изверг, тонко и толково,
В уздечке держит голубую рать.
Что человек? На дыбу вздёрнет СЛОВО!
И гласные заставит закричать.

Д у б е л ь т

Не правда ли, печать милей и тише
Без прожектёрских бредней пятерых?
Но что-то ваша братия... не пишет
О доблести мундиров голубых.

Пора! О нашем воинстве пошире,
Желательны — рассказ или роман.
Хоть штатский вы, но всё-таки в мундире:
Поручик — нынче, завтра — капитан.

Б у л г а р и н

(про себя, перебирая экземпляры свежей газеты)

Послушаем. Редактор есть редактор.
И «Пчёлка» не «Пчела» ему, а «Тля».
Палач души... Но промолчим для такта,
Во имя государева рубля.

И ем, и пью, и есть на развлечение,
Зван на обеда, выставлен в кортеж.
Живи! А колесница Отделенья
Мятежных давит. Мне зачем мятеж?

Д у б е л ь т

Задумались?

Б у л г а р и н

Я... понимаю. Слугами престола
Займётся непременно персонал.
В моих руках писательская школа,
Где каждого — я правде обучал.

Научены! Увидите воочью,
Ну, как своих собратьев не беречь,
Когда они глухой, безлунной ночью
Найдут слова, не зажигая свеч!

Сдадут в набор торжественные оды,
Сердечный жар положат на алтарь.
И подлинным защитникам свободы
Не раз окажет милость государь.

Д у б е л ь т

Работайте. Хорош ваш «Самозванец».
Высокий штиль. Серьёзность. Глубина.
Зря пыжился покойный африканец:
По-разному прочли Карамзина.

Юродливость повсюду в «Годунове»,
Прямая пугачёвщина в статьях.
И, господи, грозил первооснове —
И был в долгах, как старый пёс в репьях.

Булгарин

Бессребреник-с.
У них лихая зависть...
Нас учат и потомство — норовят.
И памятники просят, не стесняясь,
Так-с... Наглецы — от головы до пят.

Дубельт *(про себя)*

Вот гуманист — и говорлив, и весел.
С такими не сыграешь в поддавки.
Они уж как повесят — так повесят,
И жертву вниз потянут за носки.

Врозь разведут — для большего эстетства,
Окинут оком — ровно или нет.
И — нет литературного наследства,
А если есть — один его макет.

Дубельт *(вслух)*

Да кто поставит памятник? В уме ли?
В России нет финансовых глупцов.
Ну, разве что одесские мамзели,
Но все шкатулки запер Воронцов.

Мы были у глашатая народа,
Все чаянья держал в своём столе.
Ах, сколько там лирического мёда!
Его бы в зиму — «Северной пчеле»!

Булгарин

Читатель был бы очень благодарен,
И вам бы... отписали гонорар.

Д у б е л ь т

Неплохо бы-с... Но послан государем.
Не мёд его волнует, а нектар.

Б у л г а р и н

Счастливец вы! Архивец — прямо в руки!
Над каждым — исчезает ореол.
Служитель муз, иль деятель науки
Для многих — тайна, перед вами — гол.

Д у б е л ь т *(улыбаясь)*

НАГОЙ, свет Венедиктович! НА-ГОЙ!

СЦЕНА 12

В Зимнем дворце.

Н и к о л а й I

Не всё читать положено потомству.
Итак, бумаги вымарал с лихвой.
И знать не надо нашему холопству,
Что есть ещё Сальери и Скупой.

Пётр у него не Пётр, а Медный Всадник,
Шаржирован державный властелин.
Холеру смяли. Есть ещё рассадник...
Но, слава богу, клином выбит клин.

Я просмотрю бумаги на досуге.
С «наследством» там работали вдвоём.
Благодарю вас, сударь, за услуги.
Его архив с супругой перечтём.

И вот ещё... На службе вы исправны,
Но, чтоб узлом не завязалась нить,
Нельзя ли у Натальи Николаовны
На МОЁ ИМЯ что-то испросить?

Я знаю женщин... Это не догадки.
Я вижу их деяния насквозь.
Представьте, что она до опечатки
Изъяла то, что Н А М не удалось.

Но только тонко, тонко, элегично.
Ранимо сердце в трауре в стократ.

Б е н к е н д о р ф

Судьба её, действительно, трагична.
Мы снимем грусть. У нас надёжный штат.

Н и к о л а й I

Не вздумайте послать туда мужланов!
Над «i» нам точку выставить пора.

Б е н к е н д о р ф

Я понял вас... Пошлю певца туманов,
Она ему по чувствам, как сестра.

Воспоминанья — без конца и края.
Из юности, из творчества пример...
И за десертом, плача и вздыхая,
Вдова ему откроет секретер.

Н и к о л а й I

Вы — дипломат. Неплохо бы, ей-богу!
Троянского коня пускаем в ход?
Как жаль, что не увижу недотрогу
В ближайший бал... Печальный нынче год.

СЦЕНА 13

В кабинете. Окончание осмотра.

Д у б е л ь т

Подходит наша миссия к концу.
В бумагах всё — и распри, и раздоры.
Но отчего-то, видел по лицу,
Взволнован Александр Христофорыч....

Ж у к о в с к и й

Быть может, граф от зоркости ослаб,
Ведь под охраной — только ли Россия...

Д у б е л ь т

Хворь не берёт! Живуч, как баобаб.
В Санкт-Петербурге — корни золотые.

...По-моему, мы с вами не учли,
Придерживаясь буквы предписанья,
Что есть еще ЖИВАЯ Натали —
И не одни ж при ней воспоминанья.

Ж у к о в с к и й

Вы думаете: рукописи есть?
Да, что вы? Море слёз, долги и дети.
Великое убийство перенести
Не пожелаю недругу на свете.

Д у б е л ь т

А кто желает? Сам тому не рад:
Всю жизнь за маскарадом — маскарад.
Вы — сочинитель, я вот... генерал.
Нам чай бы пить. Да царь сюда послал!

ПОСЛАЛ-С!

Жуковск и й

Не трогайте вдову. Я вас молю!
Весь Пушкин здесь — от смерти до Лицея.
Я сам её за что-то не люблю.
Эх, красота... Да полно, ангел с нею.

Погиб поэт. Велик он или мал —
История подскажет нам под старость.
И тот, кто часть трудов его забрал,
Возможно, для других готовит радость.

Киргиз ли это будет, эскимос,
Или араб под знаком Зодиака...
Поэт всегда исследовал ВОПРОС,
Чураясь восклицательного знака.

К мундиру... звёзд не раздобыл поэт,
Не дорожил сановного любовью.
Печаль — беззвёздна, правда — сеет свет,
За них пришлось расплачиваться кровью.

И в этом я навеки поражён,
Я, воинство воспевший и парады.
А он почти с младенческих времён
Уже смотрел сквозь пальцы на награды.

Дубельт

Василь Андреич! Вас не узнаю.
На днях вы в кабинет войти робели.

Жуковск и й

Робел... Робел... Я чувства не таю...

Дубельт

Ну, полноте. Вон щёки заблестели.

Жуковский

Я... у его... бессмертия стою.
И счастлив я, что был у колыбели.

Расширится его псковской уют.
Весь мир ему откроется со взгорья.
И улыбнётся кот у лукоморья,
Когда певца из бронзы отольют.

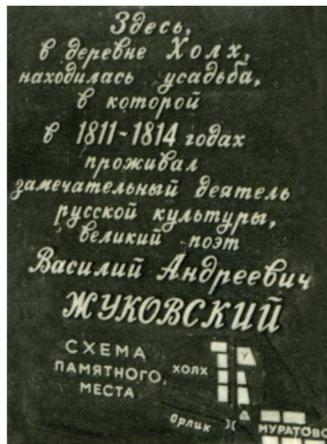
Вот видите... На сердце отлегло.
Но я вас не оставлю без ответа:
Отечество нам... Царское Село,
А у него Отечество — ПЛАНЕТА.

И не в Дантеса он стрелял.
Не жгла так больно честь мундира.
Самодержавье наповал
Хотел сразить романтик мира.

За тот декабрь, за тот июль,
За петлю ту, что дух сжимала,
Чтоб Русь
Без виселиц и пуль
ГЛАГОЛОМ нации сближала.

Выступление Виктора Рассохина
в кинотеатре «Победа». Орёл.

Орловщина помнит
заступника гения!

Когда убили Пушкина в том веке,
Я в этом веке целый день ревел:
БУДЬ ПРОКЛЯТО НАСИЛИЕ НАВЕКИ!
ПРИ ВСЕХ РЕЖИМАХ – МЕРЗОК БЕСПРЕДЕЛ!
Сергей Рассохин читает стихи
любителям поэзии из книги
"Лишний гражданин"

В МИРЕ КНИГ

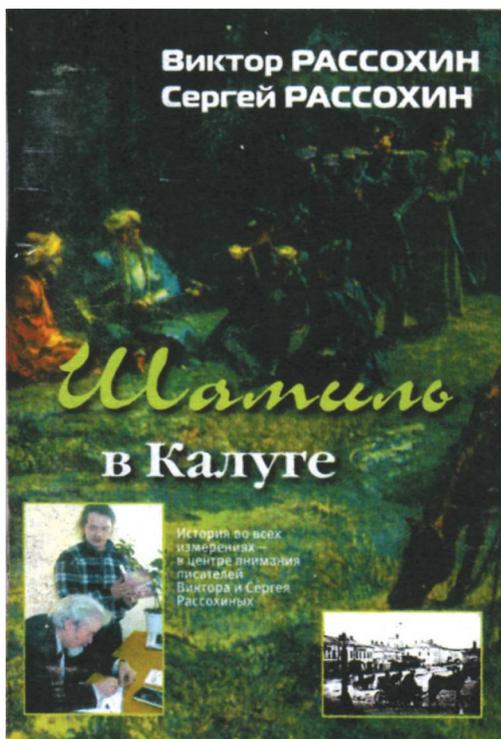

Юрий ВЕТРОВ

ОБАЯНИЕ КАВКАЗА

*«...Кавказ предо мною, один в вышине
Стою над снегами у края стремнины.
Орёл, с отдалённой поднявшись вершины,
Парит неподвижно, со мной наравне».*

Эти строки Александра Сергеевича Пушкина припомнились мне, когда я перевернул последнюю страницу новой книги орловских писателей Виктора и Сергея Рассохиных.

«Шамиль в Калуге» — так назвали авторы свой сборник, обозначив тем самым тему: последние годы жизни мятежного имама Дагестана и Чечни, одного из участников кавказской войны девятнадцатого века.

История не имеет солагательного наклона, и сейчас вряд ли стоит рассуждать, что было

бы, сумей в своё время Шамиль объединить воедино дикие, воинственные племена горцев своей родины, заставить их жить по законам шариата.

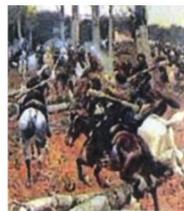
Многое ему мешало. И местные удальцы вроде известного Хаджи-Мурата, и хитроумные князьки высокогорных аулов и, конечно же, царские генералы, на чьи войска горцы большей частью и нападали. Неважно, что те добивались по сути того же, что и сам Шамиль: наведения на Кавказе хоть какого-то порядка. Русские были чужими, они были неверными, а значит, по диким законам горских племён и врагами.

*Дарьяльское
ущелье. 1884
Р.Г. Судковский
(1850-1885)*

В аул Хунзах пришёл переполох,
Все прячутся, от старика до чада.
Лишь на хвосте висит собачий брѣх
У головного русского отряда.

Кипит, белея, пена у клыков,
Горячий камень впитывает хлопья,
Их стервенит одежда чужаков,
И под мундиром преданность холопья...

*Конная разведка
Ф.А. Рубо
(1856-1928)*

Так через призму горского сознания рисует В. Рассохин якобы неприглядный дух русского войска, дух солдат-завоевателей. Есть и другие подобные примеры:

«— Зачем тому извозчику Кавказ,
Что с бочками у проруби хлопочет?»

— Вот Ермол-паши уже не стало.
Отличался лютостью своей...

Что в Чечне Россия отыскала?
Мало что ль Сибири и степей?

А в самом деле, так ли уж нужен был Кавказ Российской империи? Зачем было отрывать от своего дела мирных землепашцев и отсылать их за тридевять земель, в горные ущелья?

Так ли необходима была пресловутая Кавказская война, как взывает о том поборник высшей справедливости, автор книги В. Рассохин?

Давайте обратимся лет на 150—200 назад, в первую половину 19 века. Наша страна, Российская империя, ведёт кровопролитные войны со своим извечным противником и недавним поработителем — империей турецкой.

Под руку России перешли Крым, Молдавия, ведутся бои в Болгарии. Принято решение о включении в состав империи православных стран Грузии и Осетии, которым турецкие янычары угрожали поголовным истреблением. Тем более, что и грузины, и осетины умоляли нас об этом не одно десятилетие.

Наконец, в 1810 году решение принято, царство грузинское и княжество осетинское взяты под руку российского императора. Введены войска, в дополнение к Балканскому открыт и Кавказский фронт против Турции. И в это же время оказывается, что северокавказские племена, в основном чеченцы, сильно мешают снабжению нового фронта и вообще, связям с новыми провинциями. Грабёж сел и городов, нападения на караваны. Что это, помощь единой Турции? Или же озорное удалство, абречество, которое романтизирует тот же В. Рассохин?

Башня в Гимрах

Высекают копыта в горах
Боль и гнев оскорблённого сердца.
Кто там держит винтовки в чехлах?
Пуля видеть должна иноверца.

От луны над аулом светло,
В ком ещё затаилась обида?
За рекой остывает седло
Моего боевого мюрида.

При местной героизации абречества и грабежа Россия просто была вынуждена наводить порядок «на сопредельных тер-

риториях». Потому-то и местные князьки по свидетельству очевидцев так называемой «кавказской войны», а по нынешнему, контртеррористической операции — Пушкина, Лермонтова, Толстого — делились на «мирных» и «немирных». С мирными жили в дружбе, в меру необходимости — помогали. «Немирных» же приходилось «принуждать к миру».

И для русских это была не война. Война шла южнее, где русские полки из Грузии сражались с турками, освобождали Армению, входили в Ереван, Нахичевань, Арзрум. Здесь же, на Северном Кавказе шло обычное наведение порядка, поимка и наказание местных разбойников-абреков. К таковым относился и имам Шамиль, объявивший себя владетелем Дагестана и Чечни.

Мне приходилось общаться с дагестанцами, со слов стариков, слышавших об амбициозном имаме. Так вот, в народных преданиях его даже не ставят на место героя-освободителя, как у нас Дмитрия Донского, Сергия Радонежского. Герой — да. Но помельче. Что-то среднее между Гришкой Отрепьевым и Пугачёвым.

Конечно, когда Дудаев развязал чеченскую войну, новым северокавказским националистам и Шамиль сгодился как «страдавший от великодержавных репрессий». Но что это за наказание, ссылка в Калугу? Это даже не Сибирь, куда по этапу были отправлены декабристы. И сыну Шамиля нашлось место при царском дворе. И джигиты — чеченские и дагестанские — нашли применение своей горской удали: из них составили Дикую дивизию, прославившуюся, правда, не столько в войнах, сколько в подавлении волнений среди мирного российского населения.

«Поосторожней с Ермоловым», — предупреждает автор в одной из глав. Оговариваясь, что о жестокости генерала, назначенного руководить Кавказским фронтом, немирные горцы рассказывали своим внукам. А у нынешних кавказцев даже сама идея установки памятника А.П. Ермолову в Орле, на центральной площади, восторга не вызвала.

Так ведь кому, как не горцам знать, что войны в пушистых перчатках не ведутся, не говоря уже о контртеррористических операциях. А на счету нашего знаменитого земляка и Отчественная война 1812 года, и Бородинская битва, где генерал Ермолов не раз сам поднимал солдат в атаку. Заграничные походы, где Ермолов руководил артиллерией всех союзнических армий, освобождение от турков Абхазии, Армении, Азербайджана. Наконец, и сам город Грозный построил ни кто иной, как генерал от инфантерии А.П. Ермолов, главнокомандующий российскими войсками в Грузии, кстати, близкий друг опальных декабристов.

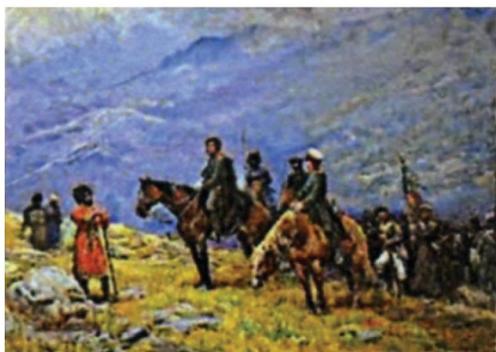
И стоит ли волноваться по поводу якобы жалкой участи провоевавшегося мусульманского лидера? Калуга — не тюрьма, да и жил в ней Шамиль довольно привольно, получая из императорской казны ежегодно по 10.000 рублей на достаточно нескудное пропитание, да еще 20.000 рублей «на содержание двора». Под конец жизни он даже путешествие в Мекку смог себе позволить.

Этот «пенсион», назначенный Александром II, не сравнить с участью тех же декабристов, вынужденных доживать свои дни «во глубине сибирских руд». Да и генерал Ермолов, выйдя в отставку, получал пенсию отнюдь не шамилёвскую: 1000 рублей в год. Так что никаким пленником «калужский имам» отнюдь не был. Во все времена так благосклонно принимали только союзников, пусть и не совсем добровольных. А если нынешние «абреки волчьей крови» — что чеченские, что дагестанские, именно Шамиля подняли на щит, требуя своего исконного права грабить и убивать, так это дело их совести.

Почему российские писатели пошли на поводу усложнения проблемы, сказать трудно. Вряд ли это принципиальная позиция Виктора Рассохина. Ведь нашёл же он гневные, от сердца идущие слова, обличающие грузинского президента Саакашвили, вбивающего клин в дружбу между братскими народами, не обошёл тему Отчественной войны, когда и горцы, и россияне

вместе сражались против фашистов. Есть пленительное и коварное обаяние Кавказа. Оно растворено во многих стихотворениях Михаила Лермонтова, к примеру «Валерик» (Речка смерти), в рассказе Льва Толстого «Кавказский пленник», в повести «Хаджи-Мурат».

Загадка писательской души, конечно, не измеряется одним откликом на произведение. Я выразил свою точку зрения на вопросы прошлого и современности, которые волнуют нас и сегодня.

*Ряд картин о Кавказской войне
был заказан художникам
царским правительством*

*Л.Н. Толстой.
1854.
(1828-1910)*

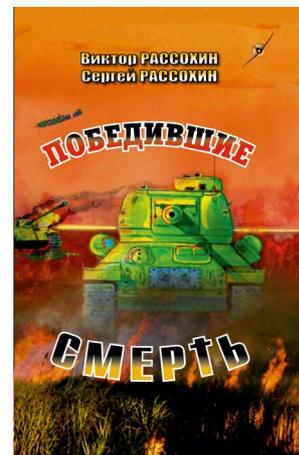
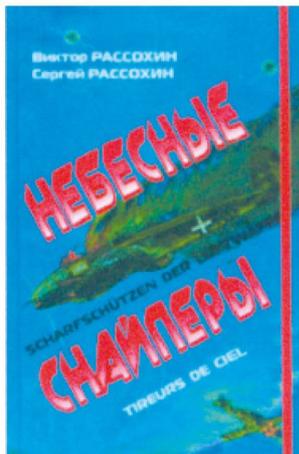
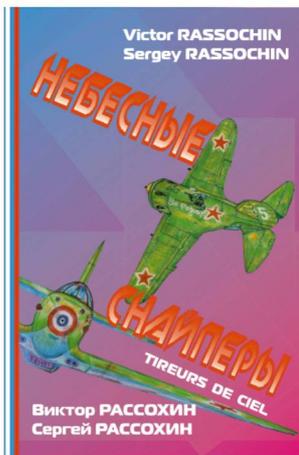

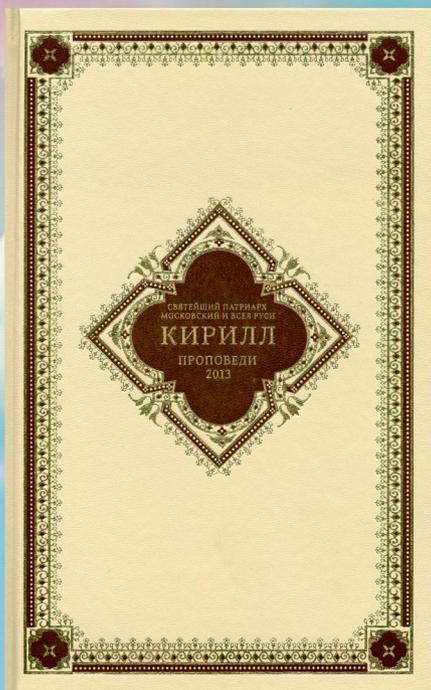
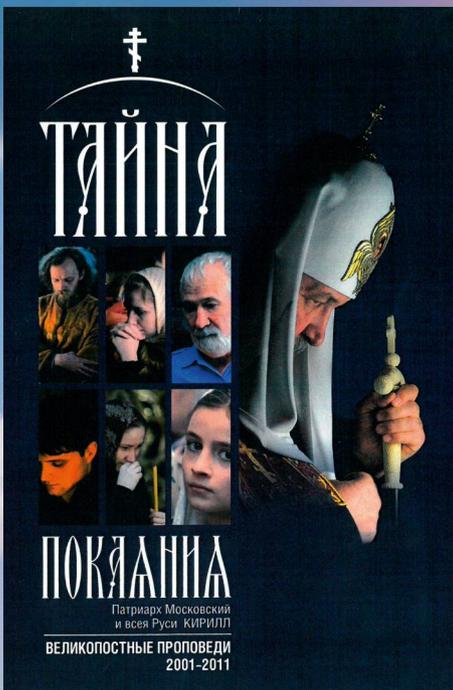
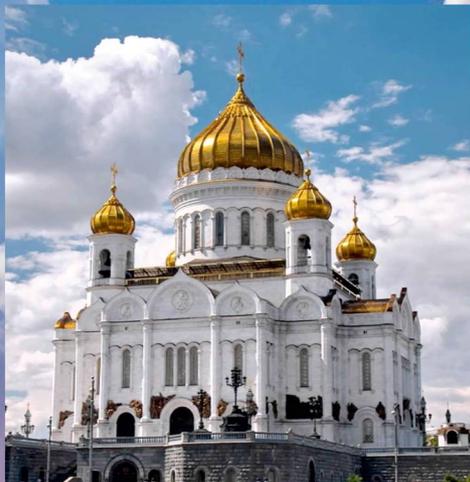
Хаджи-Мурат

Пленение Шамиля

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ВИКТОРА И СЕРГЕЯ РАССОХИНЫХ

**ДАР ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО
И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛА ВИКТОРУ И СЕРГЕЮ РАССОХИНЫМ
ЗА ВОСКРЕШЕНИЕ ИМЁН И ПОДВИГОВ ЗАЩИТНИКОВ ОТЕЧЕСТВА**

**Патриарх
Московский
и всея Руси**

115191 Москва, Даниловский вал, 22

В.В. РАССОХИНУ

Уважаемый Виктор Васильевич!

Сердечно благодарю Вас за поздравление по случаю моего тезоименитства.

Подвиг святых равноапостольных Кирилла и Мефодия открыл многим народам неисчерпаемую сокровищницу православной веры, приобщив их к Восточно-христианской цивилизации, способствовал становлению национальной культуры славян на основе высоких евангельских идеалов.

Желаю Вам душевной и телесной крепости, мира и помощи Божией во всяком добром начинании.

С уважением,

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

май 2015 г.
г. Москва

ПИСАТЕЛИ ВСЕГДА С НАРОДОМ

ПОЭМЫ

*Смерть — она всегда в запасе,
Жизнь — она всегда в обрез.*

А. Твардовский

НОЧЬ

Не спит Россия ночью,
Нет, не спит:
Наводит на созвездья телескопы,
И варит сталь,
И рубит антрацит,
А на неё
Завистливо глядит
Германия
Биноклями Европы.

Ещё далёк,
Ещё далёк июнь.
Ещё никто
Не думает о Бресте...
И командирам
В эту лунь
Не приходили
Мысли об аресте.
Терзала их
Несобранность страны,
Кричать хотелось: —
Единитесь, люди!
Чтоб те снаряды
Из чужих орудий
Горохом
Отлетали от стены.

*Уголь Кузбасса. 1938.
В. Лукин*

Подкатывалась
 Дальняя гроза.
 Луна на мир
 Поглядывала немо...
 Визжали у подъездов
 Тормоза
 Мгновенно
 Появляющихся «эмок».

Там, за границей,
 Шутят с нашим флагом.
 Не видит шуток
 Из Кремля генсек.
 ТРИДЦАТЫЕ...
 (Нелёгко этот век)
 И камеру
 Вымеривает шагом
 Не командарм,
 А просто — человек.

При нём ни орденов,
 Ни партбилета,
 Ни фотографий
 Близких и родных.
 Но в нём — весь мир
 До самого рассвета,
 С рассвета —
 Он не числится в живых.

Он полон дум.
 Не знает мысль границы.
 И в жилах кровь
 Не движется — кипит,

Хоть свёрстаны
Газетные страницы,
Где «враг народа»
В полосах пестрит.

Идёт игра,
Идёт игра с азартом.
Она похожа
Чем-то на лото.
Их судьбы ставят
Шарики на карту
И сотый раз
Вопрос висит:
– ЗА ЧТО???

ЗА ЧТО???

И вспоминается Царицын.
За ним и в нём
Свистящие клинки.
Как в родниках,
На мужественных лицах
Отражены пожарищ языки.

Себя увидел
В грязном лазарете.
Ответ врача
Услышал сквозь туман:
— Жаль молодца...
Уходит в лапы смерти.
Его прошил
Осколок, как таран.

Но выдюжил —
Врачам на удивленье.

Опять ушёл
В защитники страны...
Такое зарождалось
Поколение,
Которому
Все черти — не страшны.

Мелькали годы,
Словно кинокадры.
Бросала жизнь
Туда, где горячей:
Рубил сплеча
Антоновские банды,
Из «максима» —
Отряды басмачей.

Подарками
Они не обделили,
Когда разгрома
Близился конец:
Лиловый шрам
До глаза посадили,
Эмирцы — пулей
Чиркнули в кострец.

А смерть глядит
Глазницами пустыми.
У ней права
Особые, свои:
То гасит память
Лапами своими,
То выбивает
Мысль из колеи.

Он в этот миг
 Себя представил мёртвым.
 Могильный холм.
 И рядом — никого.
 Как тяжело,
 Как тяжело быть гордым,
 Но гордости
 Не вырвать у него.

Не верил он,
 До глубины не верил
 В неправоту
 Великого Отца.
 Мол, бил Ежов,
 (Прообраз поздних берий)
 Бил по-садистки
 В жаркие сердца.

Отец крушил
 Кремлёвские интриги,
 Успехи видя
 В классовой борьбе.
 Ему он верил —
 Явью были сдвиги —
 Как, может быть,
 Не верил сам себе.

Но почему
 Труды по обороне
 Ещё не бронированной страны
 Сданы в архив,
 Под недоступной бронью:
 «Не издавать!
 ФАНТАЗИЯ ВОЙНЫ».

Снайперы вождя*

*Расстрельные списки
 подписывал*

*И. Сталин, контролировал
 их исполнение Г. Ягода,
 Н. Ежов, Л. Берия...*

* Литература:
 Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-
 НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936.
 М.: МФД, 2003. (Россия. XX век.
 Документы).
 Лубянка. Сталин и Главное управление
 госбезопасности НКВД. 1937-1938.
 М.: МФД, 2004. (Россия. XX век.
 Документы).
 В.В. Карпов. Расстрелянные маршалы.
 М.: Вече, 1999.
 А. М. Мирек. Красный мираж. Палачи
 великой России. М.: ООО «Вадим»,
 2008.

Один вопрос
Другим спешил смениться.
Кружились мысли
Белкой в колесе...
И радовалась буйно
Заграница,
Что кадры репрессируются... все.

Он оглядел
«Удобную квартиру».
И штукатуркой
(лучше не найдёшь)
Стал на стене,
Глухой к седому миру,
Вычерчивать
Бракованный чертёж.

Кто браковал?
Да те, кто доносили.
Кто браковал?
Завистливая тварь.
Все те, кого
Не в тех церквах крестили,
Все те, кто может плюнуть
На алтарь.

И оживали
Сложные детали,
Был мощен корпус
С яростью ствола,
Но чудилось тогда,
Как сквозь года
Новейшие снаряды пролетали

И «фердинандов»
В землю забивали
С «пантерами»
У Курска и Орла.

— Какой я враг
С хатёнкой над рекою?
Потом забылся,
Вспомнил о родном,
Как будто был он
Дома, был с семьёю,
В кругу друзей
За праздничным столом.

Спешила ночь,
Спешила быстро таять,
Как льдинка
На пылающей руке.
Уже рассвет
От края и до края
Поджёт каёмку неба
Вдалеке.

Дверь заскрипела.
У порога — трое.
Горела на околышах заря.
Не видя их,
Он к ним стоял спиною,
Как будто
С чертежами говоря...

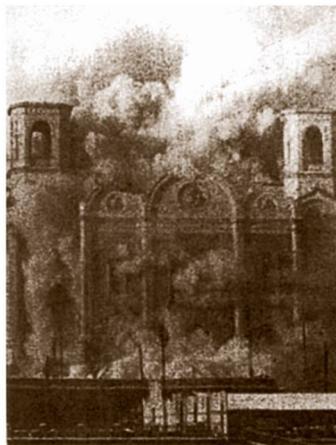
Простенок красный.
Выщербленный камень.

За что разгромили?

*Епископ
Барнаульский
и Алтайский
Сергий*

*Взорванный храм Христа Спаси-
теля, возведённый в честь Победы
над Наполеоном...*

Сам комендант
Читает приговор.
И офицер,
Сухой
Кавказский парень,
С охранниками
Занял
Узкий двор.

Молчанье
После
Роковой огласки.
Потом совет:
— Признайтесь — будет жизнь!
— Стреляйте!
Не нужны глазам
Повязки...
И... грохнул выстрел.
Голуби взвились!

«Врага народа»
Быстро унесли.
О, если б только,
Только было знато,
Быть может, немцы
Так его бы чли,
Как хан Батый —
Рязанца Коловрата.

...Встревоженный
Не первую развязкой,
Которую
Не позабудешь ввек,
Пришёл чекист,
Чертёж замазал краской:

Г.К. Жуков
(1896–1974)
Работа П.Д. Корина
(1892–1967)

— Хоть враг-то, враг,
Но всё же — человек...

И, съёжившись
От собственного мненья —
Не слышал ли
Дежурящий сосед —
Он закурил...
На мачтовых деревьях
Плескался
Красным знаменем
Рассвет!

П.Ф. Батицкий
(1910–1984)

К.С. Москаленко
(1902–1985)

Лубянского палача арестуют маршал Г.К. Жуков и Герой Советского Союза К.С. Москаленко. Приговор о расстреле Л.П. Берия приведёт в исполнение из парабеллума генерал-полковник П.Ф. Батицкий в присутствии генерального прокурора СССР Р.А. Руденко.

Рассохину-старшему пришлось отдать честь маршалу К.С. Москаленко, будучи дежурным по батарее во время его инспекторской поездки по Дальнему Востоку во время Карибского кризиса.

Виктор Рассохин
Манзовка–Уссурийск–
Владивосток. 1961

ОЗАРЁННАЯ ДУША

поэма

Вместо предисловия

Есть люди, славные дела которых входят в бессмертие. В ним относится Анна Львовна БАБИЧЕВА — знаменитая целительница-травница из села Успенское Ливенского района Орловской области.

В связи с этим хочется привести пророческое стихотворение В. А. Жуковского «Воспоминание»:

*О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: ИХ НЕТ;
Но с благодарностью: БЫЛИ.*

Анна Львовна в нелёгкие годы своего подвижничества была хранительницей фольклора, поговорок и пословиц, народных примет от радуги до молнии, от вспышки метеорита до алмазного блеска росы...

Она по-своему понимала предрассветное пение петуха, почему трава зовётся «кошачьей мятой» и можно ли смельчакам

увидеть цветущий папоротник... Тайны нависали над ней, но она умела разгадывать секреты растений и бытия, стараясь облегчить земную участь человека...

Ей и сотням народных врачевателей всей России и посвящена поэма с собирательным образом «Озарённая душа».

Поэма создавалась как-то на одном дыхании, но я решил приехать к Анне Львовне, чтобы послушать советы и замечания. По глубочайшему снегу той зимы меня привёл к ней местный житель, которого она хорошо знала.

— Журналистов я не приму! — ответила ему хозяйка прямо с порога.

— Нет, это писатель...

— А, писатель, тогда заходите...

Я, волнуясь и почти не дыша, вошёл в светлую кухню. Как я узнал позже, журналистов она не любила, поскольку те, войдя к ней вкрадчиво, по-кошачьи, несколько раз предавали её за откровения на страницах газет. Тогда это было модно. Хотя всемирный телепат Вольф Мессинг, приехавший в Орёл, а я в студенческие годы побывал на его сеансах, говорил:

— Медицина ещё несовершенна. Вся на травах. Не преследовать надо знахарей, ведунов и шептунов, а выведать у них секреты лечения, чтобы в землю они их не забрали...

Как только прохиндеи пера её не называли — и «шарлатанка», и «тёмная сила», и «служанка чёрной магии», обливая грязью скрупулёзный и самоотверженный труд Анны Львовны, стоявшей твёрдо за исцеление и здоровье человека. Их пасквили, получавшие «зелёную улицу», доводили гасительницу людских недугов до судебных инстанций... с намёком на лагерную зону.

Когда я закончил чтение, она неожиданно для меня спросила:

— А вас не посадят за эту поэму?

— Нет, — как-то сразу нашёлся я.

— Времена те отошли...

— Если хотите, познакомьтесь с другими откликами на мою работу, и показала на целый ворох открыток и писем.

— Я вам верю, — уклонился я, заранее зная, что это были сердечные и выстраданные слова тех, кого она лечила, их родных и близких.

— Нет-нет, вы хоть одно прочитайте!

Я машинально взял письмо, глянул на адрес: *Москва, Есенина Александра Александровна...*

Рука моя задрожала от волнения.

— Как? Это сестра великого поэта? Есенин любимой сестре Шуре посвятил много стихотворений...

— Да, она лечилась у меня. Страдала астмой. Текст мужественного письма врезался в мою память:

«Дорогая Анна Львовна!

Знаю, что мне жить осталось немного, но пришлите ту настойку, которую я пила. С вами Бог.

Александра Есенина».

— Настойка была на травах, которые я собирала утренними и вечерними зорями, в них пользы больше, — пояснила она...

Через годы на Всесоюзном Есенинском празднике поэзии в Рязани и Константинове я встретился с дочерью сестры поэта, его племянницей, Татьяной Петровной. Спросил у неё с интересом:

— Вы знаете кого-нибудь на Орловщине?

— А как же! — ответила она. — Там, в древнем городе Ливны (вероятно, запаматовала село) живёт изумительная женщина-целительница, Анна Львовна Бабичева, подарившая моей маме ровно десять лет жизни. — И в знак наглядности показала ладони.

А в то время одна из газет поместила о ней очередную кляузу. Не выдержав беспардонной травли, я пришёл к редактору и почти закричал: «Что вы делаете?!»

Шеф был красен и сидел, обняв голову руками. Чуть ли не вся страна обрушилась на него телефонными звонками: «До чего вы докатились?!»

— Я был в отпуске, — оправдывался редактор, — а заместитель подвёл... Ярый атеист, тиснул в моё отсутствие. Слышал,

что ты работаешь над поэмой. Неси!.. Огромную ошибку надо исправлять.

Он вызвал фотографа, а главы из поэмы я после занёс. Поэма понравилась читателям, вошла в книгу и разлетелась по всему свету... Было много писем. И сейчас к ней не угас интерес. На литературных встречах в области и по стране слушатели просят что-нибудь прочесть из неё, чему я рад как автор. Отвечая на многочисленные письма и просьбы, адресую поэму давним и новым читателям.

1

Рано утром на углу квартала,
Где стоит цистерна с молоком,
Очередь нечаянно узнала:
Умерла Анфиса в Моховом...

Всколыхнулись вмиг микрорайонцы:
Многие венчались в том селе.
А другим бы век не видеть солнца —
Не живи та бабка на земле.

В хате — нету мебельного блеска,
А под потолком — куда ни глянь:
Иван-чай висит из перелеска,
Ландыш, медуница и герань.

Дремлет в мяте солнечная сила,
Васильки разбрызгивают синь.
Даже чуть икону заслонила
Дымная и терпкая полынь.

Навсегда исхожены дубравы,
Заовражья, доли, ковыли...
Кажется, все запахи и травы
Нынче проводить её пришли.

2

А года тридцатые, что битва,
Горюшка, что вёснами воды.
Никакая жаркая молитва
Жертву не спасала от беды.

Впережку радости, печали:
Трактор цел, но активист убит..
Церкви на фундамент оседали —
Оглушал округу динамит.

По колхозам силушка лошажья,
Шумные наряды поутру.
Над веками сельского бесфлажья
Красный флаг резвился на ветру.

— Хорошо! Пущай звенит упруго
Над гудящей прорвой новых дел.
— Лишь бы он не отрывал от плуга,
Лишь бы он от крови не темнел.

...За спиной ни школ, ни академий —
Птицелов, мечтатель, коновал,
Белый до сиянья дед Артемий
Тайну тайн Анфисе открывал:

— Это — от укуса и ожога,
Это — для младенцев и мамаш...
А когда сама увидишь Бога,
Загодя секреты передашь.

Я уйду с водой. Уже не житель.
Изгони из сердца страх и лень.
Ты таперча лекарь-исцелитель,
Ночь ли торжествует или день.

Смерть его оплакала Анфиса,
А в часы, когда работы нет,
Собирала зонтики аниса,
Донник, зверобой и горчицвет.

Председатель на лихом серьёзе,
За ухо пристроив карандаш,
Говорил: — Пока я здесь в колхозе,
Чернокнижью-знахарству шабаш!

Незачем терзать людские души.
Вон у церкви — вырвали язык.
Благовест... уже забыли уши.
Большевик я аль не большевик?

Не серчай на правильные речи,
Чтоб не угодить на Соловки,
Медицине нечего перечить!
Прекращай завязывать пупки!

...А рожениц столько перебыло,
Их порой до срока доставлял
Текст письма: лесиною убило...
Беломорский, стало быть, канал.

Или просто — долгое молчанье.
Прав закон, а человек — родной:
В памяти — гулянья и свиданья,
Троица... Берёзы под луной...

Много перевидела Анфиса,
Но однажды изморозь ожгла:
Тёплого, но головёнкой книзу,
Мёртвого младенца приняла.

Он и мать увёл бы за собою,
Да Анфису холод отпустил.
Знать, ей не положено судьбою
Быть у двух зияющих могил.

А вокруг и гвалт, и суматоха,
На ноги поставлено село.
Молнии!!! Суровая эпоха.
Сразу разобратся тяжело.

Красные околыши в хатёнке,
Мудрые зеваки, как везде...
— Дело возникает о ребёнке.
— Следуйте в отдел НКВД.

Председатель окриком гортанным
Бросил сокрушённо в полутьму:
— Эх, Анфиса, был бы я с наганом,
Шесть — тебе! Седьмая — самому.

3

Возвратилась. Дни текли в опале.
Ферма. Одиночество ночей.
А медпункт в селе не открывали:
Денег нет, тем более врачей.

И в году не каждый день погожий,
Рад был люд приходу темноты...
Прячь не прячь, тихонько на свет божий
Бабы выносили животы.

До райцентра — дальняя дорога,
Целый день с ухаба на ухаб.
Раз проедешь — брань летит до Бога.
Лих мужик. А что сказать про баб?

Дома меж собою ворковали,
Спорили до ругани подчас:
— Не возьмётся! Высылкой стращали.
— Повитухе больше не до нас.

Кто пошлёт ей кофточку из ситца,
Кто косынку с розами в кулак...
Возвращала женщинам гостинцы:
— Не могу, мол, девоньки, никак.

Зашепчу вам всякие болезни,
Рожу, заиканье излечу.
Крылышки подрезаны у песни,
Я сама над пропастью лечу...

Может, кстати, может быть, некстати,
Но такой случился эпизод:
Вдруг заволновался председатель,
Десять перепробовал подвод.

Ступицы отладил и колёса,
Дёгтя привозного не жалел.
Острота семейного вопроса
Уйму опрокидывала дел.

А народ, глазастый и неровный,
Рассуждал, имея свой расчёт: —
Повезёт он Марью-то Петровну?
Щерились правленцы: — Повезёт!!!

— Будя! По колчам-то, по колчам-то,
Даже бочке выгладишь бока.
И лишь кто-то глухо проворчал там:
— Так его, мол, так... отступника.

А когда рожать жене приспело,
Мыслима ль в такую пору трясь?!
Шёл к Анфисе Тихон оробело,
Про себя крестясь и матерясь:

— Выручи! Огрей меня по холке,
За наган прости — я не со зла...
Снадобья взяла свои на полке,
Слова не сказала и пошла.

— Значит, медицине не перечить?
Да когда ж перечила-то я?
И у председателя в тот вечер
На двоих прибавилась семья.

В четвертях «Особая» синела,
Гости пели «Стеньку-бунтаря»...
И надолго как-то посветлела
Жизнь в колхозе «Красная заря».

4

Троицей Анфиса выходила
Поглядеть на пляску-хоровод.
Не её ли тающая сила
Вынянчила этакий народ?

Вот он — парень с карими глазами,
Ладен, симпатичен и высок.
А родился плакса... с чудесами:
Всё не брал у матери сосок.

А вот эта звонкая дивчина,
Что частушки сыпала в кругу...
Думали: вот-вот придёт кончина,
Где там до весёлого «агу!».

Выдурились. Выросли. Окрепили.
Подошли к возлюбленной поре...
Знал ли кто, что Моховое в пепле
Будет задыхаться в октябре.

5

Беженцы. Обозы. Рёв скотины.
Судьбы обрываются, как нить.
Режут лоб глубокие морщины:
— А куда из хаты уходить?

— Будь покрепче, в часть ушла бы к рудным
Поварихой или медсестрой...
Мотоциклы с лаем пулемётным,
Следом — танки с пьяной немчурой.

Кур стреляют. Вскрики по амбарам.
Виселицу ставят средь села.
К вечеру мелодия нектаром
От губной гармошки потекла.

— Неужель навеки, супостаты?!
И когда ж им — извергам — конец?
Пеплом стал под головнями хаты
Безобидный Тихонов отец.

Тихон партизанил где-то рядом,
Знал о злодеяньях в Моховом.
Ненависть, к карательным отрядам,
Выражая толком и свинцом.

А в селе угрюмейшие будни:
Пытки. Казнь. Окопное рытьё.
Люди, искалеченные люди
Шли-ползли в Анфисино жильё.

Жир барсучий чудом доставала,
Дягиль, чемерицу, дикий мёд.
На бинты простынки изорвала,
Смертное — и то пошло в расход.

Заживали смазанные раны,
Выцветали синие рубцы...
Сильные — спешили в партизаны,
Лишь один — метнулся в подлецы.

За девчонок съёживалось сердце.
Гневалась. Да роды — не пустяк:
— Носишь-то, касаточка, от немца?
— Сильничал...
— Оно, конечно, так.

Что дитё? Ему какое дело?
Как птенец из чёрного гнезда,
Вырвется и вскрикнет ошалело...
Едь из Мохового от стыда!

Офицеру выпалила: — Гидра!
Мало, что ли, по свету могил?
Твоего вылечиваю кинда,
Что ты с русской девкою прижил.

Красные от выпитого шнапса,
Положив на стол ей хлеб-эрзац,
Гоготали битюги-баварцы
С явною издёвкой: — Русиш арцт!

Господи! Какая там врачиха,
Щепочка — ну как ни погляди.
В ней самой сердечко тихо-тихо
Тикало в слабеющей груди.

...Откатилась чёрная неволя.
Враг клыки показывал в ответ.
Был тогда при уцелевшей школе
Временно устроен лазарет.

Мучилась в закаты и в рассветы
С воинами страдающей земли.
Устные целебные советы
По миру страдальцы разнесли.

Тяжкие — мамашей величали,
Ждали, словно вешнего луча...
Если б капитана не прислали
— Доросла б до главного врача.

А потом — как радуга — Победа!
Оглянулась как-то в тихий час:
Всё одна — ни сына и ни деда,
Не даётся молодость в запас...

Флаг светил над крышей сельсовета,
В гору шли колхозные дела...
— Как же наградить её за это?
Доктор-то... телятницей была.

Отписать бумагу не сумели,
С орденом — морока тяжелей.
И с единогласия артели
Пятистенок выстроили ей.

Тронули до слёз и до румянца,
Засветилась вся от доброты,
Так сквозь росы могут улыбаться
Солнцем освещённые цветы.

Николай
Михайлович
Ушаков –
лидер
крестьянского
хозяйства
«Берёзки»

Сергей Есенин с сестрой
Шурой. 1925 г.

И травы России
в поклоне...

Александра Александровна
с мамой – Татьяной
Фёдоровной. 1950 г.

...Но пришло и за Анфисой горе,
Прошептала людям свой завет:
— Травушка... на треть снимает хвори.
Остальное — ласка да совет...

6

Скорь не омрачала разговоры,
Не глушил их жёлтый взмёт земли.
На плечах два близнеца — майоры
Бабушку-преемницу несли.

Тихон колыхался на протезе,
Прятал слёзы в клетчатый платок:
— Человек... он в песне лишь железен.
Пережито мало, что ль, браток?!

Сыновей я вызвал из столицы
И скажу у свежего бугра:
В Моховом Анфисину больницу
Расширять, товарищи, пора!

И, хоть ей награда уже не надо,
Требуют и совесть, и молва.
Молодых врачей из Ленинграда
Не обидит, думаю, Москва.

Сколько в этой труженице света!
Сколько на земле её сынов...

Телеграммы в адрес сельсовета
Долго шли из сёл и городов.

Село Константиново.
Сюда приходили письма поэта,
приезжали с ним его друзья...

«Низкий дом с голубыми ставнями
Не забыть мне тебя никогда...»

НАЧИНАЮЩИМ ПОЭТАМ, ПРОЗАИКАМ, ДРАМАТУРГАМ И КРАЕВЕДАМ

(Навстречу съездам Союзов писателей России
в Орле и Смоленске)

И.С. Тургенев
(1818–1883)

А.Т. Твардовский
(1910–1971)

Советский период литературного, публицистско-исторического творчества широко известен в Отечестве и за рубежом. К печали неизданных современников партийной эпохи, созданные ими наисложнейшие по структуре повествования труды остались за бортом официоза, несмотря на то, что многие подали свои многожанровые работы в ряд авторитетных редакций и издательств.

Лихолетье грандиозного на преступления тоталитаризма комкало национальное богатство страны, давя жерновами энкавэдизма интеллектуальный потенциал запуганного и позднее сокращённого войной общества. Многие писатели, не мечтая о Союзе, пытались идти самостоятельной творческой стезёй, стараясь быть менее зависимыми от госоков. Но, к горечи самих себя и семей, они сбрасывались под откос цензурой под ярлыками: «тунеядцы», «психически неуравновешенные», «антисоветчики», «кулацко-эсэрсские поэты», «наёмные рабы развращённого Запада», «диссиденты» и «сочувствующие вере христовой»...

Объективно анализируя периодику, публичные выступления и литпроцесс названного исторического отрезка, вдумчивый

исследователь, критик или философ однозначно коснётся монополизации книгоиздания лицами, не достигшими в умозаключениях и проектах даже редакторского внимания и газетных публикаций.

По-человечески отдавая дань ушедшим и не желая нарушить сердечный ритм здравствующих авантюристов секретарской (оплаченной провинцией) «литературы», сфокусируем взгляд аудитории на обратной стороне их «самосжигающей деятельности».

Культивация тарабарщины посредством внедрения старцев в детскую литературу, смысл многожурнальных публикаций, дублировавших одно и то же, ход мысли в ореоле изучаемых СВЕРХУ — журналистики, публицистики, краеведения, искусствоведения и т. д., систематизировались благодаря вмешательству государства в рифму, строки, рисунки и междустрочья. Перспективные, с оглядкой на будущее, дарования, независимо от тематики, стиля, опыта и возраста, ожидали «добра» от Москвы десятилетиями (реже — пять-семь лет). Тогда же «собратья по перу» вкладывали гонорары от многотысячных тиражей в новые однотипные (непереработанные) издания, их приём во внеклассную литературу, учебные пособия, распределение через Посылторг, Внешторг, полнометражную и краткометражную экранизации. Давя телефонправом, связями, завязанными в беспечной порочности ВУЗов, плодовые оккупанты всесоюзного печатного станка фундаментировали полную бездарности ахиною, премиально приравняв себя к «Богом избранным». Символично, что навязав свои калейдоскопные пасквили населению, коршуны и ястребы отечественной литературы оказались искромётно забытыми, невостребованными и нечитаемыми, неперезидаваемыми, непонятными и неизвестными краснобаями. Время и эволюция прогресса безжалостно закоксовали рецензентов, академиков словесности, фиговых издателей без станка и прочих литшарболтаев-версификаторов, плачущих о культурной революции в ходе антикультурной войны. Надо недосыпать, а не насиловать людей ностальгией...

Что же дало пустопорожнее размножение армии писателей, а также многомиллионное тиражирование их букв, запятых, дефисов и многоточий жителям подорванного изнутри СССР, с детства верившим, что творец слова — первопроходец, полусвятой, флагман, бескорыстный заступник??? Что произвели любвеобильные ладушата и чистоплюйные крестьяно-писаки для снятия тысячепудовой трагично-будничной доли народов и как облагородили их умы, души, быт и характеры?!

Фискальный колпак литературоведения, отзеркаливающий убийствами и унижениями Н. Гумилёва, С. Есенина, Н. Клюева, В. Маяковского, С. Клычкова, А. Гастева, М. Булгакова, Б. Корнилова, П. Яшвили, П. Васильева, Т. Табидзе, А. Платонова, И. Бунина, М. Шолохова, М. Горького, Д. Кедрина, Б. Пастернака, И. Стаднюка, В. Пикуля, Д. Лихачёва, Н. Конрада, А. Солженицына, В. Высоцкого, Н. Бурляева и многих других, открывался только для строго мягкостеляющих графоманов-пролетариев, умевших правильно писать, говорить, голосовать и аплодировать.

Языкознание, военная тематика, гражданская поэзия, почитание быта села и религий, национально-корневая (фольклорная) мудрость народов и нацменьшинств ставились на второй план ради безболезненной лиричности строительства социализма в рамках идейного вдохновителя и патрона — вездесущей КПСС.

Линия, провозглашённая идеологией, самодистанцировавшейся от критики, подразумевала полное отсутствие пороков в стране, оказывающей давление на международную политику и стратегию, будучи под «железным занавесом». Да, положительного было немало! При этом глобализм и предназначение писательского труда вследствие подконтрольности исходящей от партэлиты вошли в ипостась посредственности, глубинного упадничества и «поднародного» бумагомарания. Одновременно были созданы (или написаны ранее) крупнейшие произведения житейско-социальной направленности, осмысленные и переработанные годами труды, посвящённые людям и интеллектуальному наследию цивилизации. Все они, как и их авторы, остались

безымянными, а их сохранность, без разного рода самозванцев, сокрыта тайной под пятнадцатью замками при молодой анти-террористической охране...

Школа писателей-фронтовиков располагала колоссальнейшим кладезем выстраданных, раненных и оплаканных горькою слезою талантов. С. Гудзенко, П. Шубин, А. Недогонов, А. Твардовский, К. Симонов, Я. Смеляков, Н. Старшинов, С. Эмин, С. Щипачёв, Л. Афонин, Е. Зиборов, И. Озеров, А. Яновский, С. Орлов, Э. Межелайтис, К. Кулиев, А. Лапонов и сотни других тоже несказанно-непечатно мурьжились и истязались номенклатурой. Тогда ещё молодые, они воевали с тупоголовой бюрократ-машинной «Чиновниковщина» покруче, чем с врагом; они рыдали и запивали из-за бессердечной корректировки своих жёстко-правдивых, дневниково-документальных произведений...

О молодой поросли, почуявшей ветер перемен и весеннюю пруть после XX съезда КПСС, о взлёте общенародного интереса к поэзии, и вообще литературе, нельзя сказать под одну гребёнку. Дети культа личности в виде сталинской опричнины преждевременно уверовали в свободолобие, союз рас и демократизацию власти. Позднее Е. Евтушенко, Р. Рождественский, А. Вознесенский, И. Бродский, В. Шукшин, Ч. Айтматов, О. Сулейменов, А. Гладилин, Д. Блынский, А. Кузнецов так или иначе пострадали, пройдя сквозь горнило цензурирования, непечатания, газетно-журнальной травли и пантомимность интриганских издательско-писательских собраний. Многие канули в Лету, оставив за собой бессмертные эпистолярные архивы, опережающие своим гротеском и пророчеством наступивший день третьего тысячелетия. Другие (а их немало) — навсегда эмигрировали, читают лекции, пишут сценарии для «мыльных» кинофильмов за крохи прожиточного минимума. Третьи сотрудничают с передовыми изданиями Англии, Франции, Италии, США, Канады, Австралии, Океании и Израиля, живут от гонорара до гонорара или стипендиями, выделяемыми русскоязычной и еврейской диаспорами...

Раньше писателям выдавались квартиры с кабинетами по выслуге лет со дня первой публикации. Они жили и умирали в загородных правительственных пансионатах, санаториях, дачах и здравницах, состояли в Литфонде и катались по стране за народные деньги, обрастали льготами и премировались. Был у них спрос, да спрос с них был нешуточный...

Состав редколлегий, консультантов, рецензентов, технических редакторов, ответственных за выпуск, полиграфистов-наборщиков, корректоров и ретушёров, привлечение наёмных художников (иногда без согласования с автором) формировались согласно сексотскому планированию. Его служащие целенаправленно изничтожали массу дальновидных самовыдвиженцев, отдавших им на растерзание свои умы, души, сердца, время и Божий дар. Имена, их малая толика, без учёта созданных ими трудов, почти неизвестны народу...

Разнополярность писательских организаций РФ — квинтэссенция титанических нравственно-исторических противоречий, живущих во многонациональном обществе до и после разрушения СССР. Союз писателей России олицетворяет анахронизм системы подавления и период застоя. По сути, он — тот же номенклатурно-идеологический аппарат властных писателей, урезанных естественным отбором по законам дикого рынка. Окончилась Эра бестолковой полемики и банкетов...

Его главный оппонент — Союз российских писателей — ещё более малоимущ, менее масштабно разветвлён, зато вошедшие в него после раскола державы на «наших и не наших» значительно требовательней по вопросам справедливости, законотворчества, миропонимания и осознания своей ниши в обществе. Бремя

Лев Ошанин, автор известной песни «Эх, дороги, пыль да туман...» (1945) и Виктор Рассохин в Доме творчества «Малеевка». 1991 г.

разрушения заматеревших стереотипов легло свинцовой тяжестью именно на его плечи. Причём, разрушение было вызвано не желанием почивать на руинах, а искренним стремлением бесповоротного раскрытия Истины о кроваво-узурпаторской Лжи прошлого, чтобы оно никогда не повторилось...

В обоих, надо сказать, поседевших Союзах и нынче хватает самовлюблённых трубадуров, «гениев» абракадабры, демагогов и косноязычных эгоистов. Мало работая с населением под псевдонимами и без, «глашатаи» придворья и рекламаторы собственного «Я» рановато подзабыли под спиртами Кто есть писатель!!!

В преддверии заумных восседаний с элементами хронического недосыпания от «верхотурных забот» и басенно-елейного красноречия за счёт налогоплательщиков, злободневно попрощать культиваторов тарабарщины, продавших или арендующих писательскую недвижимость, спросить торговцев чужими подделками и картинами о проделанной работе за 10 лет в письменном виде на передовицах нейтральных изданий. Ибо владеющий пером и словом обязан ежесекундно помнить об ответственности перед народом, Родиной, Миром, Христом, Буддой и Аллахом, наконец, действующей властью.

Благодарим думающих читателей за оказанное внимание.

Орёл — Москва — Курск — Железногорск.

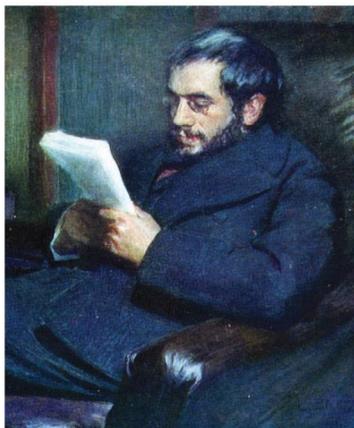
«Путевые заметки», март 2004 года.

Смоленск. Писатели Николай Зыбин (Курск), Александр Егоров (Владивосток) и лауреат премии А.И. Солженицына поэт Юрий Кублановский (Москва).

ОТЧИСЛЕННЫЙ ПОЭТ

(Неудобные вирши)

*Портрет А.Н. Бенуа. 1898.
Художник Л.С. Бакст (1866–1924)*

*«Медный всадник».
Работа А.Н. Бенуа (1870–1960)*

*Художник П.П. Белов
(1929–1988). Автопортрет.
Его картина «Песочные часы».*

ОТЧИСЛЕННЫЙ ПОЭТ**(Неудобные вирши)**

Разгребая столичный мусор,
Вдоль бульваров и значных мест,
Не Булгаков и не Платонов —
В выходные писал стихи.

Даровитый провинциальщик,
Не богемный, не лизоблюд,
Покорял бумагу словами,
Усмехаясь: «Поймут не поймут?!»

В тех трудах шла Орда на Киев,
Шли Кутузов, Наполеон.
Гибли тысячи во сраженьях,
Чтоб родиться мог миллион...

Он бы мог перековывать вирши,
Выдавая их за свои.
Он бы мог строкою научной
Краски критике развести!

В перекурах у стен Парнаса,
Не зовя порхающих Муз,
Одарённый заочник ВУЗа
Отчеканивал рифму-мысль.

ПЕРВЫЙ ОПЫТ

Неразделённых чувств напившись
По Саре Видмант из Москвы,
Андрей исписывал тетради,
Круша тиски немой любви.

Семья исчезла непонятно —
Без шума, слухов, среди ночи —
Влюблённый видел чёрный «Паккард»
Наганно-синей саранчи...

Что мог узнать сынок шахтёра?
Где тут жида и где «враги»???
...Через двадцать лет его поправят:
«Вы... о с л о ж н я е т е стихи!»

ЛОБ В ЛОБ

Школьных лет не забыть до гроба,
Те уроки — были трудны.
Но Андрей Коньков — безотцовный,
Изучал «гранит» до войны.

Меж футбола и драк бедовых,
Через шишки и синяки
Был знаком со шпаной дворовой
Жизнерадостный вундеркинд.

Но однажды, под марши Кобы,
Кто-то мощно его предал:
Педсовет, до мурашек злобный,
Вместе с матерью вызывал...

Там, под прессом нравоучений,
Распекли донельзя юнца:
– Так, откуда у вас Есенин?
– Кулака растим из мальчика?!

...Дома мама, картох поджарив,
Пожурила без оплеух.
А вчера же его избили
За чтение Серёжи вслух...

С.А. Есенин
(1895-1925)

ПОБЕГ

Набатом горя, кровью павших,
Слезами вдов, пришла война!!
И оккупацией центральной
Предельно мучилась страна.

Сбежал Андрей в разгар морозов,
Но был отловлен на узлах
Схожденья красных паровозов,
Везущих смерть, несущих страх.

Замёрзший, как птенец в сугробе,
Черней донецкого угля,
Он подвернулся репортёру,
Что отошёл от патруля.

У журналиста — сын под немцем,
Застряла боль, как в горле ком...
— Давай, дружочек, на вокзале
Погреем душу кипятком.

В буфете — гильзой покати,
Еда — ушла на фронт.
Беглец успел прочесть стихи,
Запомнив: «Ты пиши.»

ВТОРОЙ ОПЫТ

Оставлена школа, брошены снасти,
Нет времени жить в мире книг.
Товарищ Коньков — метр с папиной кепкой,
Идёт через сны на завод.

К морозу зимы Левитан прибавляет
Смертельное пекло боёв.
Ко Дню Рождества паёк обещали —
Но кто-то не доживёт...

Хрустит белизна под ботинком ленд-лиза,
Мороз — клубовой, как во сне.
На вахту Коньков, как в дозор, заступает —
Чтоб танки к Берлину пришли!

ЗЕРКАЛО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Победный май шумел листвою,
И даже реки той весной
Особые катили воды,
На вкус похожи со слезой.

– Вернулись? — Нет?! — Ещё, вернутся!
Что не бывает на войне!
– У нас ведь в медсанбатах лихо,
И почта, знаете, кхе-кхе...

На самом дальнем полустанке
Пацан у стрелок задремал.
Его разбудит новый «скорый»,
Идущий в Гоби и Хинган...

МАМА

Весь блокнот испещрён стихами,
В вертикали и поперёк.
Жизнь Коньковой Анны Ивановны,
Во чернилах — судьба страны.

Одинокая со Гражданской,
Мал-мала от земли сама,
Повстречала она шахтёра,
Как Стаханова — красавца!

Он погиб при обвале шахты,
И она, почернев лицом,
Выходила из дна печали,
Нянча сына, как в дни с отцом.

Однолюбка, скромна без меры,
Так кротка — забоишься сесть.
Билась рыбка об лёд годами,
За рублишки, и что поесть.

Ох, жалела она Андрейку,
Он один был усладой ей.
Ведь не пил, как чужие дети,
Бедокурил, но не хамил.

«Посвящения, посвященья...
Слишком добрым растёт сынок.
Как бы это добро в столице
Не поставило крест на нём!»

ТРЕТИЙ ОПЫТ

Оля в жизнь вошла кометой,
Как торнадо и тайфун.
Озарив Андрея светом,
Чистотой сердечных струн.

Миловидна, статна, редка,
А начитана — не спорь!
Не девчушка, а искринка,
Не Орлова, но любовь.

Положил глазок на Олю
Урка местный — Сашка Крот.
Опыт вышел нехорошим —
Оба парня под судом.

В СИЗО

В НКВД — улыбок нет.
Хлопочет мать и дядя тут.
Рыдает Ольга на бульваре,
И голуби воркуют вокруг.

Седой майор, ещё из СМЕРШа,
Не поднимая глаз, молчит.
Что может он, когда у Саши
Финарь отобран в КПЗ?

— Ну, ваш хорош! Что, девок мало?
Чуть лыжной палкой не проткнул!
Отпустим. Заявленье взяли...
Ух, кровососы, им бы — фронт!

— Да он, Андрюшка-то, наш тихий,
Рисует, пишет кой-чего.
Простите, ведь пойдёт учиться,
Никак не смыть тогда клеймо...

ДРУГ ЮНОСТИ

Он обожал велосипеды,
Но деньги видел лишь в кино.
Влюблённо гладил мотоциклы,
И мыл полторки РАЙПО.

Дитя войны, дворовый парень,
Был худощав, болезно — плох.
Тогда — во всём не доедали,
Хотя и Рузвельт нам помог.

Уехал поступать в НАМИ,
Продав свой драндулет.
— Быть может, встретимся, Витёк,
На трассе долгих лет!

В СТОЛИЦЕ

Не близкий путь прошёл в знакомстве
С величьем Родины своей.
И вот Москва — перрон заллюден,
Кишит обилие толпы.

— Куда идти? К кому поехать?!
А как в метро, не без воров?
Вопросов много непривычных
Рождает Город городов.

Андрей спешит к Литинституту,
Вот-вот экзамены начнут.
А на пути — моря медалей
Глазам усталость задают...

Остановился, оглянулся:
— Монументальна Госпожа!
Тебя за годы не объедешь,
И как поймёшь ты сталь пера?

Клаксоны криквами трезвонят,
Давая пешеходам знать:
«Мол, не зевай на переходах,
И не болтайся без ума!»

Сложна Москва... Туга столица
На восприятие чужих.
Ну что ж, её осмотрим в деле —
Не надо зла среди своих!

ЧЕТВЁРТЫЙ ОПЫТ

На экзаменах — хлопотливо.
Конкурс. Дрожь берёт у дверей.
Мало кто из мужчин стремился
Быть писателем в дни технарей.

Проходимцев всегда хватало,
В кругу лодырей, где не брось:
Кто-то нагло «косил» от армии,
Кто в Литфонде увидел бронь.

Ветераны, стипендиаты,
Самоучки и так себе,
Понимали, что без диплома
Жизни нет ни одной статье.

О каких тиражах и книгах
Мог сказать тогда автор вслух?!
Что он думал, таща билеты,
Кем служил — наблюдавший «друг»?

От оков общежитий душных,
От вахтёров, деканов, слуг,
От водяры, подруг матёрых —
Размечтался сбежать студент.

Оставалась одна дорога —
Стать к старушечке на постой.
Для Андрея школа бездомных
Стала рукописью стихов.

ВСТРЕЧА

– Сара, ты ли? Всё хорошеешь!
Как ты, где ты? Вот это да!
– Я, Андрюшка, зашла не просто —
Стал писателем мой кумир...

— Н-да... Стареем!
Живой ли папа?
Как мамуля и младший брат?
— Схоронила их в Магадане,
Крест ношу на своей судьбе...

Марк в Израиль стремится прытко.
Госы сдаст и Москва — прощай!
Будешь рядом — моя визитка —
Не чурайся, заварим чай!

«ТОВАРИЩ-ПРОЛЕТАРИЙ»

Почти земляк делил с ним будни,
Менял бутылки на рубли.
Петруша — был простой до жути,
Крестьянский сын в молодой кости.

Любые споры разрешались,
И разгорались снова враз.
На то они и комсомольцы,
Чтоб рифмой двигать не в показ!

Настало время битв серьёзных,
Хрущёв на культ обрушил шквал.
И Петька — мальчик раскулаченных,
Исчез с критических начал...

ДЕБЮТ

Битый штыком цензуры,
«Правдист» захоластнейших мест,
Осилит конверт по почте,
Создав приговор себе.

Цитата из публикации:
«Сегодня, в скрижалях лет,
Бездарность всплывает в гении,
А гений — почти что скот.

Уроды словесных измов
И карлики бытовни,
За ленинскими трудами
Сокрыли «делишки» свои.

Хрущёв им — «гадённыш века»,
И Брежнев — «малыш войны».
Раз Сталина не подняли,
На Берию не свалить

Ядро репрессивного гриба,
Кровей и цены Побед,
Костей всей земли Планеты,
Вилянье Политбюро.

Закроют мне рот ли, нет ли,
Сожгут ли в костре дебют,
Я вижу предтечу шири —
Дыханье свободы грядёт!»

...Смятый катком цензуры,
Провинциальный «Правдист»
Был поднят из сточной канавы,
Но «Браунинг» не нашли...

РЕАКЦИЯ НА ДЕБЮТ

Ополчились и надулись,
На обломках понесло,
Дифирамбовых «поэтов»
И от партии «орлов».

Что им «Правда» — нет там правды,
А в «Известиях» назло
Поместили меморандум:
«Власть в провинции? Грешно!»

В кабинетах — семинары,
Из низов «едрёна вошь»

Закусала бонз и хамов,
Замикробила умы...

Но народ не понял трюка,
Он работал, как всегда,
Насыщая скудоумность
Сплошь девизного тельца.

«Где же автор? Чёрт побрал бы
Демократов на листах!
Ясно — парень не из старых,
КГБ возьмёт тебя!»

«Волги» мчатся, «Чайки» мнутя,
Вся столица в суете.
Кто способен на памфлеты,
Критику в своей стране?!

Месяц... два — Коньков был пойман,
Прикреплён к «делам» былым.
Тут вступились вдруг евреи,
Мир зашёлся ходуном...

ОТЧИСЛЕНИЕ

Циркуляр из Лубянки устный
Выворачивал потроха:
— Вон из ВУЗа, наглец опальный,
Трудовая юность спасла!

И побрёл дебютант несчастный
Разноблудным рабом Москвы.
Ночью — сторожем, днём — посыльным,
Между этим — чинил такси.

На хлеба-то ему хватало,
Водка, женщины — как без них?
Уважали его горожане —
Языком не молол, как все.

Отошла от души бумага,
Стёрлись в мусор карандаши.
Но прописка накрыла дланью:
«Просим выехать из Москвы»...

Грязь столицы, добропрестольной,
Лепота и скульптурный шлак,
Нервность времени в потных лицах —
Отстучали по рельсам в такт.

— К родникам!

Отдышусь хоть вволю,
Мать проведу и годков.
Знал бы он, что отчислен жизнью —
Чернота депеш не впервой...

ГОРЕ

— Прощай, мамуля! Земля пухом...
Давно не видел я тебя.
Диплом, карьера, Сары-Оли —
Одна жила ты для меня...

Среди берёзок и рябины,
На скорбном скрестье деревень,
Ты отдохнёшь от вахт великих,
Омытых потом трудодней.

Вот дед Харлампий, бабка Тоня,
Покойный брат на mine слёг...
Россия, что ж ты так ранима —
Улыбок нет, одна лишь кровь...

И одноклассник мой, Алёшка,
Под плуг попавший, здесь лежит.
И дезертир из полицаев
Сорнячной стенкою закрыт.

Груба судьба моей сторонки,
Что ни холмец — ухаб страны.
Татьянка... улеглась до срока,
Кажись, по детству полюбил...

И так квадратом сотни метров,
Не видя подлости времён,
Лежат герои и больные,
И сволочи, и малыши...

Заснул моряк, в пруду утопший,
Погиб стрелок, придя с войны,
Расстрелян поп за ум вне партий,
Спят молодайки от обид...

Серёга, что в пивной зарезан,
Владлен, сожжённый в МТС,
А сколько Ванек, сколько Сашек
Лежат вдали, в чужой земле???

Простите вы меня, прощайте!
Уж раз ступил я на борьбу,
Пойду ухабистой дорогой,
О Вас по-русски напишу!!!

ТРАВЛЯ

Мир покинула мать родная,
Пока ехал сын на поклон.
Радость жизни — рыдала горем,
Покидают нас старики...

И Коньков, отдав долг по чести,
Вызван срочно в военкомат:
«Нет вас в ВУЗе, несите службу», –
Флот и армия говорят.

Отслужил три годка вчистую,
Все фарватеры изучил.
А на дембель, как раз проездом,
Белокаменную посетил.

Раз — редакция, три — редакция:
— Воспримите походов быть!
— Вы, матрос молодой, да ранний,
Ну а мы — предупреждены...

Пять журналов и киностудия
В пробуксовке отказов дымят:
— Изучайте пока Евтушенко,
Ахмадулинский нынче аншлаг!

Прикупил здесь Андрей машинку,
Взял бумаги на пару лет.
И, проплюнув под бой курантов,
Возвратился в крестьянский быт.

ОПЫТ ПЯТЫЙ

В любой деревне есть величье,
Свои — история и боль.
В такой когда-то Дима Блынский
Познал суровость, хлеб и соль.

Не спит Коньков... Его окошко
Горит звездой до утра.
Как одинокий волк, вне стёжки,
Обходит люд те хутора.

И видит он, в кольце тумана,
Каток, сминающий народ.
Не тот, что блещет под коньками,
А тот, что давит и поёт...

В Союзе творчеством не пахнет —
Одни лишь пенки да печать.
Андрей задумался в нирване,
Решив элитный мир понять:

«А, может, Трифона сынишка
Увидит Тёркина в бою?
Жаль «Новый мир» зажали слишком,
И сам редактор — на краю.

Эстеты топчут Старшинова,
Им Щипачёв — ни так, ни сяк.
У Стаднюка — кацапья «мова»,
Создатель «Дона» — не казак.

Фадеев в пуле выход видит,
А Карпов в Сталина влюблён.
И братья Родичевы в ссоре,
Меж ними зависть — Рубикон.

А.Т. Твардовский
(1910-1971)

Зачем же Фридману Лесков?
 Ахметов — сам Гирей!
 Калинин — Мценский — дюж суров,
 Юсуп — растит коней.

Зачем Асадову трюмо?
 Ошаев — бьёт закон.
 Чаковский, Пикуль, как бельмо,
 И Эренбург — масон.

Фатьянова не слышно песен,
 В журналах вьётся мошкара.
 Ну чем же Ганичев известен?
 Поэт-историк Парпара?

У Смелякова — смелость сняли,
 А Михалков ушёл в «Фитиль».
 И Костя Симонов в печали:
 Тирана нет — всё прах и пыль...

Переполох царит в верхах,
 Пиши, но правду — режь!
 И Солженицын второпях
 Был выслан за рубеж.

Перовский ведь не Кублановский,
 И Вознесенский — не Тарковский.
 Рождественскому — не чета
 Верлибро — птичья босота!

«Нас Муссалитин привечает» —
 Вещает Лёва Котюков.
 Смеяться чаще нам желает
 Арканов, Альтов, Иванов.

*Н.С. Лесков
 (1831-1895)*

*А.И. Солженицын
 (1918-2008)*

Нахально-стриженных ребят
Завлѣк словесный путь,
Что в Исаковского хотят
Гранатою пультнуть.

Редакции московской прессы
Оплатят телом поэтессы.

Другим Баркова подавай,
Героев во хмельку.
А третьим — «револьверный лай»,
Где мат через строку.

Попов один, Попов другой,
Какой-то Пригов-Прагов-Драгов:
Поѣт асфальт, боясь оврагов.
Не лезут «на рога»,
Сорокаградусной водой
Сближая берега.

Катанов — труженик большой,
Астафьев, Носов и Благой.
Вопрос о мысли ясен —
Волошин — был опасен.

М.А. Волошин
(1877–1932)

Расул — заоблачный полѣт,
Барто — ушла в детсад.
Ущербный Крохин — мерзость бѣт,
Лесных — штурмует ад.

Никто не славит рожь и плуг,
Был Миша Ветров — умер друг...
А Пейгорилко — в лужу сел.
Белов хитѣр, как бобр.

Распутин прям, но устарел,
Рассохин — слишком остр.

Жванецкий быт с листа читает,
Измайлов — любит Тель-Авив.
Дементьев — флейтой утешает,
Дары певца в себе открыв.

Куняев борется и сын,
Васильев — на фронтах.
Высоцкий с табуном — один,
Яновский — плачет в снах.

Стал Дронников, как богослов,
Таран он есть Таран.
А Логвинов, Золотарёв —
Светлят судьбу крестьян.

Рыжов — стал Бунина учить,
Шустр в прессе — Ермаков,
Ерёмин — детям стал служить,
Забыв про стариков.

Пух тополиный да оды соловушке,
Вот, где поистине, «Песня Ерёмушке»!
От сердца и без выкрутасов
Сказал когда-то нам Некрасов:

«Жизни вольным впечатлениям
Душу вольную отдай,
Человеческим стремлениям
В ней проснуться не мешай.

Н.А. Некрасов
(1821-1877)

С ними ты рождён природою —
Возлелей их, сохрани!

Братством, Равенством, Свободою
Называются они».

...Друзья и недруги по лире,
Я в вас, как в зеркало, смотрюсь.
Перо точите в жёстком мире,
И в этом я не ошибусь.

На Кузнецовых не проедешь,
И на Рубцовых не войдёшь
Во храм живительной науки,
Где сердце рвут не ради скуки,
И чтоб над мыслью не был грош!

ТРИУМФ ОДИНОЧКИ

СССР — форпост народа,
А он свободы захотел!
Но вышла жизни НЕСВОБОДА —
Расстрел моральный прогремел.

Родня разорвана верстами,
Рубли легли в чужой офф-шор.
Партийцы кормят нас речами,
И «бизнесменом» правит вор.

Стабильность в эру деградаций,
Всерыночный размах утех.
Духовность — в виде облигаций,
Где выигрыши не у всех.

Растёт пространство геноцида...
Он — что? — не виден из Кремля?!

Случится может Атлантида,
Побег с обломков корабля.

"И вроде люди, а не крысы,
Но почему трусливы вы?!"
Идёт Коньков — о них же мыслит,
Хотя уж многие мертвы.

Одни — упились горькой вдоволь,
Других сжѐг опиум и яд.
Как говорят теперь их вдовы:
— Убила подлость державят.

Кресты и бюсты. Бронза. Мрамор.
Кому — цветы, кому — позор...
С утра приходит телеграмма:
«ГОТОВЬТЕ ВСЕ ТОМА В НАБОР».

РОДСТВЕННЫЕ ДУШИ

Человек человеку — брат,
Хоть банально, но справедливо.
На Конькова вышел собрат —
Начинающий в литературе.

В новом мире случилось так,
Что он стал главой типографий.
И решил он пойти вразрез
Монопольности эпитафий.

Он закончил Литинститут
На расколе глыбы застоя.
И в архиве своём хранил
Все крупицы его истории.

Был Сан Саныч при встрече рад:
— Мы цензурировать тебя не будем.
Помнишь: РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ?
Всё неси — книги выйдут к людям!

...Раскупили первый тираж,
Разобрали второй и третий.
По заявкам вошли в экстаз
Как читатель, так автор прений.

Редкий случай и всё ж простой,
Не ленитесь, писатели будущего!
Наступает черед времён,
Где погибнет чудовищность прошлого!

ЗАПОЗДАЛОЕ ИНТЕРВЬЮ

Понаехало москитов —
«Форды», «Джипы» и «Рено»,
Пробирались, портя днища,
В старорусское село.

— Я не блякаю в эфире
И артистов не зову
Разыграть спектакли жизни
Перед гробом наяву!

«БИ-БИ-СИ» ведь знает больше,
И «Свобода» не глупа...
Вы читали мои книги?
Что увидели в стихах???

Интервью срывалось мыслью
Стихотворца и борца.

На картавой вечеринке порешили:
«Брать с утра!»

— Эх, настырные вы люди,
Ум поэта — не рояль.
Срам погубит торго-торгов,
И штрейкбрехеров — ансамбль.

Кто пророки в этом мире?
Вы — проехали страну.
Опишите беды, были,
Разыщите доброту!

Отъезжают. Слава Богу!
Сплошь — бюджетные клещи.
Вновь обманете людишек
За блаженства по пути...

СТИХОЗАВЕЩАНИЕ

(2005-й)

«Признан миром, переиздан.
Даже сверхпереведён.
Зван на рауты богемы,
По столицам — приглашён.

Не пойду и не поеду;
Пир писателю — чума...
Мысль — диаспора спасала,
Не еврейская — своя.

Подходя к финалу жизни,
Снова вижу родники.
Слышу птиц, считаю звёзды,
Они — ангелы мои.

По летам общаясь с ними,
По зиме топя избу,
Я был выношен водою,
Благородием отцов.

*Не доехали до глубинки,
но помощь пришла...*

Их трудом в войне и мире,
Материнскою слезой,
Битвой с недопониманьем,
Чёрствостью чужих умов.

Всем спасибо за науку,
Жизнь на опытах стоит.
А Заглавное в судьбине
Пусть в архиве полежит.

*Новые книги –
школьникам*

Велика ещё проказа
В чреве Матушки-Руси.
Воспитуйте себя сами,
Граждане— политики»

1957–2005 гг., г. Орёл – СССР – РФ – страны СНГ,
«По ухабам Отечества» («Путевые заметки»).

Виктор РАССОХИН
Сергей РАССОХИН

По ухабам Отечества

У авторов тоже «летели» поршни на пути к людям. Металл устал...

Классики помогают в жизни

ЭСТАФЕТЧИКИ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Бесфамильное исследование
всероссийского порока

На исходе человеческой жизни любая система, впитавшая в себя более молодых её представителей, порождает заговорческо-теневое предательство, из которого может вытекать измена Родине даже на высочайших госпостах. Зарубежная и отечественная история разных веков изобилует красноречивыми и убедительно-трагичными примерами, когда люди, пережившие войны, хаос и чуму, революции и реформы, оставались якобы чистыми по оценке гражданства и патриотизма, отечестволюбия и религиозной терпимости. На самом же деле эстафетчики гособмана, то бишь общенационального предательства, будучи при том же лице и фамилии, но при новых должностях, ни что иное, как шлак общества, видоизменяющийся от температуры обжига...

Хамелеонность и ящеризм, шапкозакидательство и хлестаковщина, десятирушничество и шивавластие, клановое триллионерство и порочное кровосмешение браков за неимением возможности передачи награбленного, как и многое другое из известного народом предательства, могут отождествляться «святостью избранников», родившихся и работающих для «блага народного». Ах, пресса! Сколько же вины на тебе!

Современник, имеющий неподкупную душу, волевой характер и трезво мыслящий разум при честно бьющемся сердце, прекрасно видит, что есть химера разночтимых и разнопонимаемых бюрократических словоблудий, вкупе с совещательным синдромом и помпезной кортежностью. Не отсюда ли повышенная смертность любимых и нелюбимых соотечественников? Не потому ли среди русских нет русских?!

Жизнь каждого россиянина или несмирившейся эсэсэсэрочки, к сожалению, продумана платными слугами предателей задолго до

наступления завтрашних суток, месяцев, лет. Оппозиционная и даже финансовая среда интеллектуалов всажена в дикость и хамство рыночных отношений, «гайки» терпения закручены до предсрывных миллиметров. В призме обязательного страхования живых и мёртвых душ, в уничижительных проектах, направленных против творцов и ветеранов, нашлись «лидеры», прямо заявляющие, что «народ не хочет работать руками», вместо того, чтобы дать ему труд с достойной зарплатой. В общинах аборигенов справедливости было больше, хотя и у них хватало жестокости...

Схватка в борьбе за власть, о чём должны помнить самовлюблённые (неизвестные населению) профессора-эксперты, уже является формой предательства, ибо не вхожие в кулуары власти не способны войти в неё. Жизненное составляющее стряпчих, жандармов, скоморохов и просто рабов при любом режиме заключается в изощрённости человеческой изворотливости, пойманой на аркан фиктивных демократических свобод и перманентного накопительства в обход законов.

Казуистическая планировка законодательства, работающего на пользу кучке «народолюбивых» предателей вкупе с их семьями, пожизненными подхалимами, кунаками и флажковыми выручателями, замечательна интриганством заградотрядов, секретариатов и умением пропиарить рабочие сутки за казённый (народный) счёт.

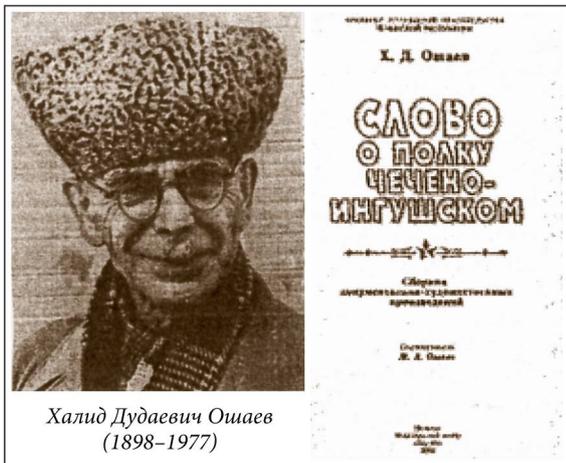
Лица, работающие на закон, покрывают государственно-политический бандитизм, взяточничество, наркотрафики, автомафию и порноиндустрию. Тюрьмы переполнены мелкими фраерами и бытовыми убийцами. Школьницам и студенткам импонирует возможность обогатиться за счёт своих тел и мужицкой похоти. И в это время НИКТО из эстафетчиков государственного предательства так и не предстал перед судом за антинародные преступления, за сброс богатств страны за границу.

Уже сегодня стоит серьёзно задуматься, кому и когда они передадут свой сатанинский факел?

Ноябрь 2004 г., Орёл – командировки по РФ и странам СНГ.
«По ухабам Отечества» («Путевые заметки»).

ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ

НАВСТРЕЧУ ДРУГ ДРУГУ

Халид Дудаевич Ошаев
(1898–1977)

«Каждый хочет, чтобы правда была на его стороне, но не каждый хочет быть на стороне правды».

Ричард Уэйтли

В сложной и в основе трагической жизни народов всегда существовали отрезки времени, которые надо было пережить. Между революциями и войнами, в хаосе гражданского братоубийственного противостояния, в годы гонений, репрессий и при работе над ошибками опрометчивых гослидеров наиболее сильно пострадали малочисленные народы и национальные меньшинства.

Кавказ, давняя и кровоточащая рана России, по-прежнему остаётся глыбой преткновения, социально-гражданским вулканом в отношениях в первую очередь русского и чеченского народов. Здесь же дружили и воевали с ними, жили веками и боролись за независимость грузины, адыги, кабардинцы, черкесы, аварцы, татары, балкарцы, ингуши, азербайджанцы и армяне, лезгины и мегрелы, потомки генуэзцев и турок...

На исторических параллелях не все народы пострадали одинаково в Гражданскую войну, в годы сталинского лихолетья и Великой Отечественной. Формирование, увековечение

и прогресс малосхожих этносов и фольклора этих трудолюбивых самодостаточных народов и нацменьшинств пожизненно ущемлялись самодержавием и идеологической направленностью ушедшего строя, уравнивавшего каждого смертного в СССР.

Совместные завоевания многонационального пролетариата укрепляли дружбу между нашими народами, вселяли веру будущих поколений в необходимость идти вместе и навсегда. Русские влюблялись в горянок, горянки выходили замуж за русских. Их дети учились в лучших вузах страны, пускали корни в Центральной России, на Урале и на Дальнем Востоке. И никто из родившихся после Великой войны не думал, что придётся пережить в годы потери великодержавности, что их сыновья и дочери будут вынуждены взяться за оружие и взрывчатку...

Многие, не выдержав страданий и гонений, неурюстройства жизни и потери кормильцев, были вынуждены выехать за рубеж, где вряд ли были приняты с распростёртыми объятиями в роли «политических» и «моральных» эмигрантов...

Закономерность в отношениях с ними едина: «Мир между народами — вот залог стабильного будущего!» В своих статьях «Оглянись во гневе», «Террор трёх веков», в цикле стихотворений об имаме Шамиле, «Поосторожней с Ермоловым», «Распятия всероссийского не прощай!» и в повести о басмачестве «Зелёное знамя Ислама» я пытался провести линию о содружестве двух главенствующих религий цивилизации.

Каждый родившийся на территории бывшего СССР обязан чтить созданное предшествующими поколениями, ибо наша земля отвоёвана и защищена общими усилиями, умом, жизнью и смертью народов.

Убедительный пример тому — подвиг чеченцев, защитников Брестской крепости, чьи образы с большим уважением и любовью воскрешены одарённым писателем Чечни Халидом Ду-

даевичем Ошаевым в его выстраданном труде «Слово о полку Чечено-Ингушском». Автор сборника документально-художественных произведений проявил себя справедливым и мудрым правозащитником, борцом за права чеченского народа, депортированного в Среднюю Азию и Казахстан. Его личность, по словам сына Майрбека Халидовича, ведущего специалиста Архивного управления Правительства Чечни и её представителя в Орловской области Салаудина Тесаева, «противостояла антинациональной великодержавно-шовинистической политике партийно-чекистского аппарата в Чечено-Ингушской АССР советских времён»...

«Солженицына гор» неоднократно арестовывали и ссылали, допрашивали в КГБ, травили на работе и в печати, исключали из партии. На него оказывали жёсткое давление через родственников, друзей и номенклатурный местный Союз писателей...

Судьба грандиозного по фактам труда в виде рукописи неизменно сложна и до боли знакома многим писателям, стоящим на позициях человеколюбия, добрососедства, толерантности, доверия и дружбы. Рукопись пытались изъять и уничтожить. Она постоянно перепрятывалась роднёй и друзьями Ошаевых, попадала под бомбёжки, прошла патрули и блокпосты и лишь по воле Аллаха чудом сохранилась.

Но и в новые времена, несмотря на просьбы Майрбека Халидовича, никто из госмузей и бизнесменов РФ и ЧР не помог в издании книги, не ответил хранителю славы чеченцев просто из вежливости...

Между тем пятисотстраничный том, всё же вышедший в Нальчике в 2004 году, повествует о героизме и трагедиях чечено-ингушского народа в годы Великой Отечественной войны. В подробнейшем, даже скрупулёзном изложении написаны главы: «Будем помнить», «Брестская крепость накануне войны», «Битва за крепость». Документальный текст весомо дополняют редчайшие фотографии из семейных архивов военнослужащих «бес-смертного гарнизона».

По сути, «Слово о полку Чечено-Ингушском» — книга-мемориал, бесценное сокровище свободолюбивого горского народа. Надо отдать должное семье Ошаевых, редакторам, художнику, корректорам и наборщикам, Издательскому центру «Эль-Фа» и республиканскому полиграфкомбинату Кабардино-Балкарии — книга явилась энциклопедией ратного подвига бессмертных героев Кавказа...

Неутомимый архивариус, настоящий горец и патриот Халид Дудаевич Ошаев, прежде чем уйти к вечному покою в 1977 году, завещал помнить о пережитом во имя мира и благополучия наших потомков. Объединив своей титанической волей и подвижничеством свыше двадцати соавторов-воинов, он составил список чечено-ингушских участников Бреста — 275 человек. Почти все погибли или пропали без вести, а сам список может пополняться при дальнейшем изучении эпистолярного наследия Х.Д. Ошаева.

В книге также представлены художественно-документальная повесть «225-й... Чечено-Ингушский...», большое количество фотодокументов, очерки о защитниках Родины, в том числе об освободителях Орловщины летом 1943 года, рассказы-были из истории депортации чеченского народа «Под кровавыми сапогами»...

Не только по требованиям и просьбам Александра Лебеда и Льва Рохлина настало время остановиться и прекратить междоусобицу, начинающую напоминать многолетнюю бойню Израиля и Палестины. Думающие и работающие президенты и парламенты России и Чечни должны наконец понять, что навстречу друг другу нужно идти без оружия.

ТИГРИЦА ЦЕНзуРА

О, как она спешит на запах
Животрепещущей строки,
Что даже за когтями в лапах
Частенько отстают клыки!

ПРОСЬБА ВЫВЕСИТЬ НА ВНЕШНЕМ МЕСТЕ

ЗАЛ ГОРСОВЕТА

Четверг 22 Марта

ВЫСТУПИТ ПОЭТ

Четверг 22 Марта

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

СЛУШАЙ НОВОЕ

РАЗГОВОР-ДОКЛАД.

<p>ТЕМЫ:</p> <p>Свобода, детство и одиночество. А почему ведь люди прощали революцию? Почему так? Почему Липа? Что такое? Старый Полонский? Жить в Восток? Мо?</p>	<p>Социальный анжас. Агония поэмы. Хроника писателей литературы «Войны и Мир» Как и чему учиться у Пушкина? Есенин и Солженицын. Поэтизм-ли или ирреальность и работа?</p>
<p>ПОЭМА ХОРОШО ПОЭМА</p>	<p>НОВЫЕ ОТЗЫВЫ:</p> <p>Заметка из Ленинку. Особенная записка. Письмо Максиму Горькому.</p>

Полное название Маяковского.
 Не только поэзия.
 Писать былина. Виктор Пизалло.

Ответы на записки и вопросы.
 Начало в 8 час. вечера.

Взрослые билеты на 2-е и 10-е марта действительны.

Одесская афиша. 1928 г.

Из журнала
 «Печать и революция» был
 изъят портрет поэта.
 Кем готовилось убийство?

Александра Алексеевна
 Маяковская с дочерьми —
 Людмилой и Ольгой

Любовный треугольник:

Лиля Брик

Татьяна Яковлева

Актриса Вероника
 Полонская —
 видевшая последний
 раз живого поэта-
 трибуна

КТО ЖЕ ВСЁ-ТАКИ СТРЕЛЯЛ В МАЯКОВСКОГО???

Давно это было, но по-своему любопытно. Я встретился с Борисом Ивановичем Прутцевым — профессором Орловского государственного педагогического института. Он тогда готовил свою работу о творчестве польского писателя Бруно Ясенского, о его романе «Я жгу Париж», за что был выслан из Франции. Возможно, его чём-то глубоко задел ранее вышедший роман Поля Морана «Я жгу Москву». Автор нашумевшей книги обосновался в Советском Союзе, встречался с Владимиром Маяковским, стихи которого переводил на польский язык, был дружен с другими писателями страны, работал с издателями.

Его знали по книге «Человек меняет кожу», а антифашистский роман «Заговор равнодушных» был опубликован в 1956 году, через 18 лет после расстрела автора 17 октября 1938 года по сфабрикованному делу, хотя дата смерти в «Краткой литературной энциклопедии» стоит 20 октября 1941 года. Почему?!

Естественно, разговор затянулся и хозяин дома, чтобы разрядить обстановку, показал мне один из своих раритетов — книгу старшей сестры Маяковского — Людмилы Владимировны, да ещё с автографом.

Я ахнул! На форзаце чётким каллиграфическим почерком были написаны слова, адресованные учёному. Меня очень поразила почерк сестры поэта: ровный, аккуратный, буква к букве, как будто надпись только что сделала старательная гимназистка... Касаясь судьбы автора неоконченной поэмы «Во весь голос», Борис Иванович сказал, что Людмила Владимировна подготовила письмо-завещание, где откроется занавес над тайной гибели брата. Письмо было передано в музей В.В. Маяковского, чтобы оно было вскрыто после её смерти.

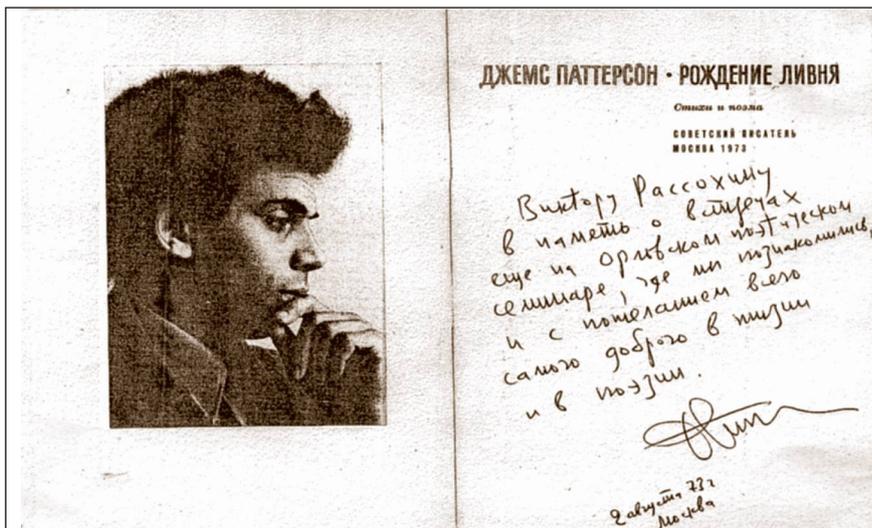
Рассказчик ещё сообщил, что к Маяковскому перед трагедией был близок 1-й заместитель начальника ОГПУ-НКВД Яков

Саулович Агранов (Янкель Шевелёв–Шмаев), подаривший поэту-трибуну револьвер.

Зачем? Кто-кто, а он знал, что у него есть оружие... Потом, по воспоминаниям, мы увидим и подчеркнём какое оно было. Следует отметить, что у этого высокого ранга подарочника имелись серьёзные жертвы из среды учёных, писателей, политических деятелей, есть причастность и к гибели Николая Гумилёва...

Агранова лично знал и ценил Сталин, но до определённого времени — СЛЕДОВАТЕЛЬ-СВИДЕТЕЛЬ СЛИШКОМ МНОГО ЗНАЛ ГОСТАЙН и по мнению Вождя подлежал ликвидации. Он был расстрелян 1 августа 1938 года.

Однажды в Орёл приехала группа московских писателей на областной семинар молодых литераторов. В её составе был поэт и прозаик Джемс Паттерсон (это тот негритянский мальчик, которого держала на руках Любовь Орлова в кинофильме «Цирк»). Он окончил с отличием Ленинградское ВМУ — стал моряком и успешно пробовал себя в литературе.

Мои стихи ему понравились и он написал о книге рецензию в «Книжное обозрение» под заголовком «И пашни тёплое дыханье...», моей строкой назвав свою работу.

Я был у него в гостях в Москве, в доме на Кутузовском проспекте. Джемс подарил мне свою книгу «Рождение ливня».

Оказалось, что он входит в совет музея В.В. Маяковского и я спросил у него о завещательном письме Людмилы Владимировны. Он сказал, что знает об этом документе, но у КОГО ОНО и ЧТО ТАМ — неизвестно... Допустим, а так оно и есть, что письмо вскрывалось КЕМ-ТО. Однако, даже сестра не может знать полностью того КАК ВСЁ СЛУЧИЛОСЬ, зная лишь больше кого-либо предшествующие обстоятельства. Итак, ПИСЬМО-ЗАГАДКА. Опубликовано оно, нет ли, я не знаю. Если нет, то КТО его прячет или уничтожил и почему? Может быть, оно лежит в бумагах под строгим грифом «Не для публикаций»? Тогда КТО на архив наложил вето?..

Джемс проводил меня. Во дворе он громко поприветствовал старушку с миниатюрной чёрной собачкой. Я тоже автоматически поклонился. — Кто это? — заинтересовался я. Он ответил: — В доме много знаменитостей живёт... Мы встретились с Лилей Брик... Удивлённый живой литературной историей, я шёл, спотыкаясь и всё время оглядывался на спутницу Владимира Маяковского, которую он назвал «гением зла», хотя были очень тёплые и лирические слова в её адрес..

Раскрывая через некоторое время «Литературную газету», я прочитал, что Лиля Юрьевна Брик отошла в мир иной в 1978 году, пережив поэта на 48 лет. ЧТО она не рассказала в своих мемуарах осталось её тайной.

Вспоминается второй эпизод. С курскими писателями я выступал в городе Льгове, где родился поэт Николай Николаевич Асеев, автор популярного стихотворения «Ещё за деньги люди держатся». Он был одним из близких друзей Маяковского, который так отозвался о нём в известном стихотворении «Юбилейное»:

Правда,
 есть
 у нас
 Асеев
 Колька.
 Этот может.
 Хватка у него
 моя.

Куряне, коллеги по перу, вспомнив его повесть в стихах «Маяковский начинается», рассказали, что у Асеева была редчайшая фотография с Лубянского проезда, из комнаты, где произошло непоправимое... Неизвестный фотограф до прихода постового милиционера и приезда спецслужб успел сделать снимок «покончившего с собой».

Через какое-то время автор «Синих гусар» показывал это фото уцелевшим криминалистам царского времени, специалистам по самоубийцам. Все в один голос говорили: «Поза не реальна. Убит...»

Позже, показывая дома одному из друзей альбом, Асеев, к своему удивлению, обнаружил, что фотография исчезла... КТО был на квартире Асеева и КОМУ, по доверчивости, он показывал фото лишний раз?

А вот, как очевидец, друг поэта-трибуна, вспоминает в 1956 году, через 26 лет: «Я помчался на Лубянский проезд... Дверь из передней в комнату Маяковского была плотно закрыта. Мне открыли, и я увидел. Головой к двери, навзничь, раскинув руки, лежал Маяковский. Было невероятно, что это он; казалось, подделка, манекен, положенный навзничь... Позже, на Гендриковом, увидел его на диване, лежащим в спокойном сне, важным и торжественным в своей отрешённости от окружающего...»

Павел Ильич Лавут, организатор выступлений поэта с 1924 по 1930 годы, в книге «Маяковский едет по Союзу» (1969) пишет: «У комнаты Маяковского — милиционер, вызванный с поста на

Лубянской площади. Никого не впускает, хотя дверь и открыта. Соседи на короткое время отошли от дверей. Я упробил милиционера впусить меня в комнату. На полу — широко раскинувшееся по диагонали тело. Лоб тёплый, глаза приоткрыты...»

По воспоминаниям видно, что Лавут пришёл вперёд Асеева, но पहले их была актриса Вероника Полонская, его возлюбленная, которая только что была у живого поэта. Из её воспоминаний:

«Я вышла, прошла несколько шагов до передней двери. Раздался выстрел. У меня подкосились ноги, я закричала и металась по коридору. Не могла заставить себя войти. Мне казалось, что прошло очень много времени, пока я решила войти. Но, очевидно, я вошла через мгновение: в комнате ещё стояло облачко дыма от выстрела. Владимир Владимирович лежал на ковре, раскинув руки. На груди его было крошечное кровавое пятнышко. Я помню, что я бросилась к нему и только повторяла бесконечно: — Что вы сделали? Что вы сделали?»

Глаза у него были открыты, он смотрел прямо на меня и всё силился поднять голову. Казалось, он хотел что-то сказать, но глаза были уже неживые...»

Теперь об оружии. В некоторых книгах проходит слово «револьвер».

У П.И. Лавута сказано по-другому: «Маяковский стрелял левой рукой — он был левшой. Стрелял из недавно подаренного ему маленького браунинга (подчёркнуто — В.Р.). Пуля попала в самое сердце».

Возникает первый вопрос: Кто видел КАК стрелял Маяковский? Откуда уверенность у Павла Ильича, что выстрел произведён из браунинга? Другой автор Альфред Мартинович Мирек, доктор искусствоведения, историк и правозащитник в книге «Красный мираж. Палачи великой России», которой дал благословение схиигумен Илий из Оптиной Пустыни, приводит опровергающие факты всех версий о самоубийстве: «Когда Вероника выбежала, убийца (зашедший через чёрный ход в кухню)

быстро зашёл в комнату навстречу пытавшемуся выйти поэту и выстрелил в грудь. Поэт, увидев его, успел закричать и упал по инерции лицом вперёд, разбил нос, скулу и висок. Убийца бросил маузер (подчёркнуто — *В.Р.*), из которого стрелял и который до 1928 года принадлежал поэту, выбежал через чёрный ход, во двор на Мясницкую; тут же вошёл Агранов по парадной лестнице в квартиру. Это видели не только встревоженные жильцы, но и встретившие его около парадного друга. Агранов быстро подошёл к столу, взял листок бумаги и прочёл «последнее письмо» поэта вслух, положил его в карман и больше никому не показал. Потом подгоняли факты под «самоубийство». Поехали за Полонской в театр, и она подписала протокол, составленный следователем; маузер (подчёркнуто — *В.Р.*) заменили на наган (подчёркнуто — *В.Р.*) (в первом протоколе — маузер № 312045, во втором — наган № 268979), перетасили труп на диван, после чего трудно установить — в него стреляли или он сам стрелял, хотя раскрытый в крике рот, разбитый нос, скулу и ссадину на виске не спрячешь; по новой снимали показания с жильцов, видевших первоначальную картину...»

Где браунинг? И где подлинная фотография, исчезнувшая из квартиры Асеева? КТО БЫЛ СТРЕЛЯВШИЙ? Не человек же с улицы? "Невидимка" жил лишь в шедевре Г. Уэлсса...

Агранов его знал и твёрдо надеялся на исполнителя. Возможно, позже и он был уничтожен, чтобы замести следы тяжелейшего преступления...

17 апреля 1930 года, через три дня после трагедии, Михаил Ефимович Кольцов, будущий автор «Испанского дневника», выступил со статьёй «Что случилось?», где высказал такую мысль: «Нельзя с настоящего, полноценного Маяковского спрашивать за самоубийство.

Стрелял кто-то другой, случайный, временно завладевший ослабленной психикой поэта-общественника и революционера. Мы, современники, друзья Маяковского, требуем зарегистрировать это показание».

Что здесь хочется сказать? Случайность в таком громком деле не допустима. Это было хорошо задуманное и спланированное убийство узким кругом людей, загребаящих жар чужими руками, потому что говорить во весь голос становилось невозможно. Начиналось затмение в стране при «солнечных» обликах вождизма, переходящего в одно лицо с гигантским портретом, как показано нынешним современникам в фильме «Утомлённые солнцем». Сын Сергея Михалкова, автора Гимна, — Никита — показал обратную сторону Гимна.

Зоркий глаз и острый ум Маяковского по-особому видели парадоксы наступающей эпохи. Тоталитарная система не должна была пройти, не попав под испепеляющую молнию слов художника, обладающего искромётным сатирическим даром. Явление становилось подобно Везувию, пока дымящемуся, но готовому к выбросу огненной магмы.

Это понимали наверху. Сработал карающий механизм власти, переходящей в усиленную диктатуру, не терпящей лучезарности и прозрения во всех сферах жизни. Усиленный контроль, тем более в идеологии, требовал, по мнению земного бога и его близкого окружения, вырубки всего «мешающего» под корень...

А Михаилу Кольцову в феврале 1929 года бывший редактор газеты «Известия» Юрий Стеклов дал такую оценку: «револьверный» журналист, готовый пойти на всё, но без всякого риска в работе.

Генсеку ЦК партии запомнилась любопытная характеристика, может быть, как и названная выше статья «Что случилось?».

Через несколько лет, в 1938 году, когда брат художника-карикатуриста Бориса Ефимова возвратился из Франкистской Испании, Кремлёвский хозяин спросил у него: «У вас есть револьвер, товарищ Кольцов?» Удивлённый редактор «Огонька» ответил: «Есть, товарищ Сталин». — «Но вы не собираетесь из него застрелиться?» — «Конечно нет. И в мыслях не имею». — Последовал быстрый ответ. — «Ну вот и отлично, ещё раз спасибо за интересный доклад, товарищ Кольцов. До свиданья, дон Мигель».

При злопамятности и коварстве — свидание не состоялось. Кольцов был арестован сотрудниками Бериин 14 декабря 1938 года за восхваление Николая Ежова, которого Сталин собирался убрать. Автора проблемных фельетонов и очерков расстреляли 2 февраля 1940 года на два дня раньше Ежова. Эти факты приводит в своей книге «Наркомы страха» Борис Вадимович Соколов — доктор филологических наук и кандидат исторических наук...

Конечно, трудно найти убийцу Маяковского, но сама система внутреннего и внешнего кровавого террора была настолько сильна, что под пули попадали крупные фигуры государства и международного ранга. А пресса и очевидцы, когда сверху произносилось «А» — «Б» уже не говорили, боясь попасть под «красное колесо» истории. Однако, вопрос, вынесенный в заголовок остаётся открытым, поскольку очевидное иногда бывает невероятным...

15 сентября 2009 года

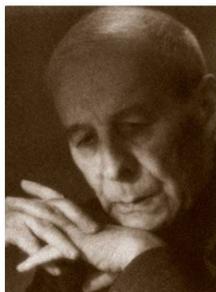
Л.Ю. Брик (1891–1978)

Открытие памятника В.В. Маяковскому в Москве. 1958

(1893–1930)

Н.Н. Асеев (1889–1963) — друг поэта, автор книги «Маяковский начинается» и знаменитого стихотворения «Ещё за деньги люди держатся...»

ВЕРНОСТЬ ИСТИНЕ

*Галина КУРЛЯНДСКАЯ,
доктор филологических наук, автор работ
по Тургеневу, Достоевскому и Толстому*

Имя орловского поэта Виктора Рассохина давно известно читателям. Он — автор многих книг. Его стихи публиковались в журналах «Москва», «Октябрь», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Советский воин», «Техника — молодёжи», в газетах «Сельская жизнь», «Комсомольская правда», звучали по Всесоюзному радио.

Поэт зорко всматривается в судьбы наших современников, в корни отечественной истории, стараясь ярче высветить образы хлебороба и художника, героя и предателя, тирана и палача, стремится пристальней взглянуть на вечную тему «отцов и детей». Виктор Рассохин обращается в своём творчестве ко всем цветам радуги. Без этого, считает он, нет объективного анализа и отражения жизни.

В ближайшее время на прилавках книжных магазинов появится новая работа Виктора Рассохина — однотомник «Шапка Мономаха». Кроме стихов о природе, о любви, о судьбе страны на крутых дорогах истории, в книгу включено несколько поэм.

Василию Андреевичу Жуковскому, спасшему и сохранившему для потомства архив Александра Сергеевича Пушкина, посвящена драматическая поэма «Посмертный обыск». О горячих событиях на Кавказе в прошлом веке, о предводителе горцев, знаменитом имаме идёт речь в цикле стихотворений «Шамиль в Калуге».

Исаака Левитана, подарившего людям такие картины, как «Вечерний звон», «Март», «Весна — большая вода», знает весь мир. О замечательном мастере кисти написана поэма «Золотая кувшинка». Известно, что символом власти является «Шапка

Мономах». Кто её владелец? Как она держится на голове обладателя — сползает ли на затылок или на лоб, набекрень, тесна ему или просторна... Разумное использование власти — основная мысль одноимённой поэмы.

В поэме «Анфисина больница» тепло и сердечно говорится о бабушке — травнице и повитухе, которая в годы коллективизации и в годы войны спасала страждущих. «Сказка об Иване Свидетеле» — это юмористическо-сатирическое произведение, где герой, пролетая над странами мира, видя изъяны того или иного общества, не желает брать в свою страну опыты тирании и мракобесия, равнодушия и разврата... Одним словом, диапазон автора очень широк.

Книга написана образным, точным и ёмким языком. Многие вещи афористичны и легко запоминаются. Книга выходит в твёрдом переплёте. Она хорошо оформлена художником Юрием Козлёнковым. Смело можно сказать, что читатель с интересом прочтёт однотомник поэта.

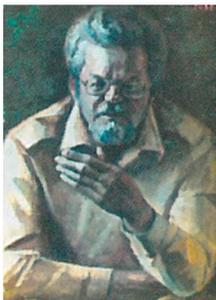
Орловский музей искусств

В зале русской живописи

*Фрагмент картины Ф.В. Моллера (1812-1874)
Моисей, спускаемый в корзине на воду своей матерью. 1861*

Портреты В.В. Рассохина – работы Ю.А. Козлёнкова – хранятся в Орловском музее искусств и в частном собрании

Шапка

ВИКТОР РАССОХИН
СЕРГЕЙ РАССОХИН

Мономаха

* * *

КАКАЯ ГОЛОВА СЮДА ВОЙДЁТ –
С ЗАЛЫСИНОЙ, С ПЯТНОМ ИЛИ С ПРОБОРОМ?
В СЕЙ СИМВОЛ ВЛАСТИ ТРУД ВЛОЖИЛ НАРОД,
ЧТОБ ВЛАСТЬ НЕ ЖГЛА ЕГО СВОИМ ПОЗОРОМ.

БУМЕРАНГИ ИСТОРИИ

А.С. Пушкин (1799–1837)
Художник В.А. Тропинин
(1776–1857)

В.И. Даль (1801–1872)
Работа В.Г. Перова (1833–1882)

В Мономахове шапце 2 ф. 30 зол.
без соболя

В. Даль

Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!

А. Пушкин

В палате Оружейной — шёпот, спор
У символов владычества и страха.
Одних — привлёк по золоту узор,
Другие — бриллиантам дарят взор,
Сергей Ручьёв — не слышит разговор,
Его волнует ШАПКА МОНОМАХА.

Мечи и сабли, копья и щиты
Остались где-то в детстве, на картинках.
А Шапка — в повседневье суеты
Нет-нет, да и всплывёт из темноты,
Заставив вновь пикеты и посты
Пересмотреть в дворцовых поединках.

И вот Она сверкает под стеклом,
Льют радугу камня-самоцветы,
Всходившие когда-то над челом,
Над низеньким и над высоким лбом,
Чьи кости нынче в камне гробовом...
Да, Шапка помнит внешние приметы.

Ей, может, абсолютно всё равно:
Глядят ли на Неё подобострастно,
Провидца украшать или бревно,
Когда оно на трон возведено...
И всё-таки под Шапкою темно,
Хотя вокруг от излученья ясно.

Ей, может, всё равно: кого зажечь,
Обуглить кров, дотла спалить надежды,
Немой укор, пронзительную речь.
Великой Шапке лучше не перечь!
А мысли что? Их трудно уберечь —
Они сгорают чаще, чем одежды.

Сергей так думал, вглядываясь в мех,
В сапфирный свет, в рубин багрово-красный,
В крест золотой, взобравшийся наверх,
С жемчужинами чуть ли не с орех,
Похожими на повлажневший снег...
Царёв убор поистине прекрасный!

Он хочет с ним побыть наедине,
Но слух терзают вздохи, восклицанья!
— Сокровище! Полкамушка бы мне!
— А как шапчонка выглядит в цене?
— Экскурсовод глаголет в тишине,
И рты раскрыты — сладок хлеб познания!

Проходят мимо немец и монгол,
Поодаль чуть остановились шведы.
И разговор заманчивый пошёл
Про затяжной романовский престол,
Как будто бы один его орёл
Когтил, клевал, крылом добычу мёл
И клёкотом приветствовал победы.

А что же в душах недругов былых?
Невольно мысль, как туча, набежала.
Кольнула ль память болью сердце их
За рваный шёлк штандартов боевых,
За кости павших прадедов своих,
С клинками залетавших на орало.

А может, просто вспомнили свой край,
Своих вождей и атрибуты власти.
Ведь, в сущности, хоть мехом подбивай,
Хоть золотом узоры вышивай,
Хоть лунной пылью Шапку обсыпай —
Не любит власть делить себя на части.

Первый посетитель

— Устал смотреть. В глазах моих рябит.
Я с малых лет под Шапкой пребываю,
Хотя и по характеру — гранит,
Ремёслами своими знаменит,
И, как всегда, в обрез бываю сыт,
Но книги просветителей читаю.

Советуюсь, поскольку опыт мал,
И счастлив тот, кто начал день до солнца.
Давно я молот Истине сковал,
Под многими разрушил пьедестал,
Зло разрушать не раз ещё придётся.

Неласковый характер у меня,
Но оттого не выгляжу печальней.
И жить хочу в сообществе огня,
Окалину и пепел не кляня,
Единственную заповедь храня:
Расплющить Ложь на жаркой наковальне!

Второй посетитель

Молчит в сторонке. Ухом не ведёт.
Рассматривает чудные каменя:
— А я в земле копаюсь, славно крот,
Обвит, как воз, верёвками забот.
При всём при этом — в меру жну почёт,
Лишь не хватает ордена Терпенья.

С годами я к наградам поостыл,
Мозоли — это наши бриллианты.
По ним узнаешь, сколь потратил сил,
Когда сажал, когда хлеба косил,
Когда избу наследникам срубил,
Мы, как-никак, свои имеем планты.

Красива Шапка! Очень красива!
Увидела б Её моя старуха...
Стояла б ни жива и ни мертва
И долго удивлялась бы сперва:
— Ужели есть по Шапке — Голова?!
Смеясь овчине мужнего треуха.

А что треух? В треухе — хоть куда,
И в морось, и в морозы, и в метели.
Его и в ноги бросить не беда
При переплясе огненном, когда
На всех полях закончена страда...
А Эту брось! При мысли — холод в теле.

Третий посетитель

— Я вас невольно слушала сейчас,
Сказала дама в бежевом костюме.

Вы — бунтари. Сидит крамола в вас.
Что в бровь-то бьёте, если надо — в глаз?
Но хлеба вечно нету про запас,
И есть ли прок в незрелом вашем шуме?

Под Шапкой я сама изнемогла,
Она меня давно приворожила.
Ах, если б я практичная была!
Один совет в дорогу б вам дала:
Не пожелайте всякой власти зла,
И в хилой власти — не скудеет сила.

Я пробовала некогда стрелять,
Я пробовала мыслить планетарно.
Мне приходилось в тюрьмах голодать,
Культуру вместо тюрем насаждать,
То прибывать, то снова убывать,
Но всё-таки судьбе я благодарна.

О нет! Не равнодушна я к бунтам,
Порою скрипку первую играю.
И бой даю коронам и орлам,
Нередко возражаю божествам,
Чтоб не царил между людьми бедлам —
Свободы им и Равенства желаю.

Ч е т в ё р т ы й п о с е т и т е л ь

До зрелых лет я видел сей убор
То в книгах, то на красочных открытках.
Здесь камушки, конечно, на подбор.
Ну, мех есть мех, лиса ли там, бобёр...
И что Его разглядывать в упор:
Как все шапчонки — держится на нитках.

Монолог креста

Не первый век над Шапкой я стою,
На восьмиклинье золотых пластинок.
Опору твёрдо чувствую свою
И в людях как-то сразу узнаю,
Принявших сердцем истину мою
И жаждущих пойти на поединок.

Я вижу всё: какая в ком душа,
Открытая иль за семью замками.
Один — проходит мимо не спеша,
Другой — осмотрит Шапку, не дыша,
А третьи — пробегают мельтеша, —
Кляня весь двор запретными словами.

Примерить Шапку норовит не всяк,
Но мысленно примеривает всякий.
Один — в ней видит собственный кулак,
Другой — сигнал для будущих атак,
А третьи — зрят Судьбы счастливый знак,
Но в общем — каждый метит в Мономахи.

О, Шапка, Шапка! Поле битв ума,
Свидетельница тронных куролесиц.
Ужели ты не чувствуешь сама,
Что за тебя голов слетела тьма...
И есть ли на Земле ещё Чалма
И чем над ней встревожен Полумесяц?!

Такой же, ожемчуженный, как я,
Эмблема столь же мудрого Востока:
Из века в век — копьё против копья,
Отточенные злобой бытия.

Как жаждут крови эти острия —
Воды, что ль, не хватает для Пророка?!

По Сеньке шапка — ёмкие слова,
Чалма по Абдулле — одно и то же.
Когда на царство лезет голова,
Когда на шахство прётся голова,
Мой боже, ущеми её права —
Всё остальное сделают вельможи.

Монолог арабского цветка

Я ниже лучезарного Креста,
Зовусь ещё по-ласковому — лотос.
Припаян крепко к золоту листа,
Уже оглох от слова «красота»,
Увядшим стал при выдохе: «Мечта!»,
Но кто услышит собственный мой голос?

Для глаз чужих — я солнечен всегда,
Цвету, корней как будто не имею.
Их просто не увидеть никогда,
В крови они... Мне грезится вода,
А разве мне не хочется туда?
О как бы распластался я над нею!

Мой мастер предо мною — как вчера,
Дыханье его чувствую и руки.
И, зная, как борьба за власть остра,
Он отдавал мне дни и вечера,
Чтоб я светился символом Добра
И чем-то облегчал людские муки.

И если кто забылся у меня,
И если кто с собой унёс мой образ,

Из тьмы веков спешил к нему мой возглас!
И я цвету, не жалуясь на возраст,
Упавшим духом придавая бодрость,
Больших и малых деспотов кляня.

Монологи драгоценных камней

Сапфир

Я так похож на крупную слезу.
Слеза бежит, а я застыл в оправе:
Не отразить внезапную грозу,
Безоблачного неба бирюзу,
Ни жизни той, что буйствует внизу,
Поскольку я причастен к царской славе.

А слава что для камня? Пустота!
Меня одно до глубины тревожит:
Когда добыта силой красота,
Когда слезой омыта красота,
Когда гнетёт кого-то красота
— То красотой быть она не может.

Рубин

Я — капля крови, пролитой в веках.
Та кровь лилась ручьями и потоком
На плахах, в рудниках, на Соловках,
По тюрьмам, в крепостях, на кораблях,
В селеньях, на дворцовых площадях —
И бунтовала перед царским Оком.

Но государей — кровь не удивит,
Они знакомы с кровью по бумаге.
История — на кровушке стоит,
И пусть учтёт порхающий пиит,

Что оды оным под ноги строчит:
Мой красный цвет замешан на отваге.

И з у м р у д

Зелёные надежды... Я хочу
Прийти сегодня к некому итогу:
Мильоны вас — достались палачу,
Служители — вам ставили свечу,
Лишь редкие, подобные лучу,
Заблудших выводили на дорогу.

Не сдержит вас смертельная бразда!
Надежды, ненавидя мрак запрета,
Встают над подневольностью труда,
Над вечной «невиновностью» суда,
И крылья ваши просятся всегда
Не на закат, а в сторону рассвета.

М о н о л о г с о б о л я

А я сбегу в окрестные леса,
Я никогда не видел Подмосковья.
Заказана нам эта полоса,
Здесь испокон лукавствует лиса,
Но не рдеют птичьи голоса —
Умело контролирует гнездовья.

Так хочется себя мне разогреть,
За сотни лет кровица застоялась.
Кольцом лежал, уж лучше околеть,
Чем около брильянтов замереть
И безучастно в публику глядеть,
Которая пред Шапкой изгибалась.

О как бы я вспылел сейчас снега,
Вздохнул бы хвоей утреннего леса!
Печаль не в том, что далёко тайга,
А в том, что согреваю жемчуга,
Чья жизнь и без собольей дорога
И в каждом будит вспышку интереса.

Я видел любопытнейших людей,
Все шапки перед Шапкой замирали:
Треухи волчьи, лисьи, из хорька,
Из выдры, горноста, колонка...
Что заячьи? Бобры! И за века —
Какие шапки только не мелькали!

И пыжились, глазели свысока,
Но, видя надо мной зарю каменьев,
В единый миг лишались языка,
Вперялись взгляды в своды потолка,
И мысль была пришибленно-мелка
У подданных в минуты прохожденья.

Хотя бывали крепкие умы,
Во лбу семь пядей, даже и поболе.
И видели они сгущенье тьмы,
Но кто хотел сумы или тюрьмы,
Жарыни лета, холода зимы,
И прочих видов гербовой неволи?

Не лучше ль улыбнуться лишний раз,
Себе приятно и особе мило.
На преданность давно намётан глаз!
Глядь — шуба с плеч иль свеженький указ,
И пусть в те годы не было лампас,
Но форма многим головы кружила.

А к ней в придачу тысяча дворов,
Дела идут фанфаристо и гибко:
Заметен в свите, баловень балов,
На грудь взлетает стая орденов,
В любой момент монарх принять готов,
Коль вовремя подарена улыбка.

Я позабыл свою соболью речь,
Но всё ж клянусь людское унижение,
Того, кто обнажить боится меч,
Когда костыми за правду надо лечь,
Того, кто хочет выгоду извлечь
Из родника чьего-то вдохновенья.

Покуда бьёт сознание рабья дрожь,
Не станет человек — человеком.
Дрожа, конечно, дольше проживёшь,
С прямой дороги — тыщу раз свернёшь,
Попросят — другу горло перервёшь,
Не всё ль равно насытиться чьим веком?

Заесть его, зашамкать, зажевать,
Чужой-то век не мёд, но всё же сладок...
Земляне! Разучитесь угождать,
Наушничать, внезапно нападать,
Клянусь вам мехом: хлынет благодать!
А кто на благодать у нас не падок?

В леса, в леса, в леса хочу уйти,
Из-под стекла от взглядов восхищённых.
Я не хочу быть в царственной чести,
В соболий род лежат мои пути,
Скорей туда бы лапы унести,
Где в ясный день, как в сумерках зелёных,

Родная глушь, треск тонкого сучка,
Хвоинки на быстринке родниковой,
Орех кедровый, свист бурундука,
Замятый утром рябчик у пенька,
Ещё горячий, начатый с бочка,
И всё это при свежести сосновой.

И пусть охотник выследит меня,
И пуля пусть прошьёт меня навывлет,
Пусть голову расплющит западня,
Охотник прав... И, труд его ценя,
К добыче вдруг потянется родня,
И кто-нибудь к пальто меня пришпилит.

Пришьёт, как говорится, навсегда.
Но это лучше, чем страдать в музее.
Я буду знать, что грею в холода,
Что ветер мех взъерошит иногда,
Иль он блеснёт на солнце, как слюда,
А выпадет — почую, что старею.

В леса хочу, в леса через стекло,
Чтоб за века — на сердце отлегло!

Монолог Шапки

Народ уходит. Головы болят
От дорогих и редких экспонатов.
Зовёт Москва — кого в Калашный ряд,
Тем — зрелищ дай, другим —
Нескучный сад,
А те, кто здесь впервые, норовят
Слух усладить мелодией курантов.

И вот мы, добрый молодец, одни.
Позволь мне в тихий час тебе открыться:
Не тяжела я, слово помяни,
Трёх фунтов нет, не веришь — подними,
И не рублями суть мою цени,
А как мой вес на голову ложится.

На темя ли приходится, на лоб,
Иль набекрень, иль просто на затылок.
Есть люди — дышат властущкой взхлёб,
Другие — с ней ложатся раньше в гроб,
А третьи — на неё зовут потоп,
Боясь своих же собственных ошибок.

О льстивейшие тронные реча!
С методой повсеместного внушенья.

За вязью слов — улыбка палача,
За вязью слов — блеск лезвия меча,
За вязью слов — противнику свеча,
Потом обеда— символ всепрощенья.

Фазаны, осетрина, виноград,
Икорка, куропатки, поросёнок.
Вино всех марок, словно на парад,
Посмотришь — этикеткам будешь рад.
Но это лишь заметит рабский взгляд —
За яствами и старый, как ребёнок.

Для них ведут охоту круглый год
Все егеря и прочая прислуга,
Как будто неизбывен перелёт,
Как будто постоянен икромёт,
Как будто бы их благородней рот,

Хотя кусают намертво друг друга.
В душе, конечно. Внешне — благодать.
Хозяева и гости понимают,
Что надо роли искренне сыграть:
Смеяться, улыбаться, руки жать,
На танец жён взаимно приглашать,
И не дай бог, коль жёны заскучают!

Тогда держись, почтенные мужи.
Обида будет высказана смело.
Ушатов нет, там льют духами лжи,
Они сильней парижских и свежи.
Но так свежи, что сразу в гроб клади
Бездушное откормленное тело.

Мне памятны столь частые пиры,
И драчки, и убийства, и альковы.
В тенётах государственной игры
Блистают гениальностью воры,

Их стража остро точит топоры —
Монархи вечно к истине суровы.

Ещё суровой — толпы монаршат:
Застенки отшлифованы до глянца.
Там до суда — убить быстрее спешат,
Помилованных — вовремя казнят,
Награды снимут — снова возвратят,
И мёртвого — заставят улыбаться.

Смотрю спокойно — кто меня поймёт?
Кому в глаза с укором не глядела?
Един на свете над холопом гнёт,
Жара ли душит, вьюга ли метёт,

И каждый венценосец сознаёт,
Что он рождён — для праведного дела.

Всё остальное — глина и песок,
Что захочу, то и леплю, как знаю...
Так думают калифы на часок,
Правители, каким не мерян срок,
Тиранствуют и жмут из глины сок,
Живут в раю и не стремятся к раю.

Он здесь у них — на горестной Земле,
От пота и от крови почерневшей.
Им невдомёк и думать о тепле,
Кому нужны морщины на челе,
Чтоб хлеб лежал всё время на столе
За тяжкий труд у черни незрелой.

Кончаю откровенный разговор,
Мне думалось, что я глухонемая.
Не страшен мне палаческий топор,
Что из покоев — вынесла я сор.
Не век, не два идёт по свету спор:
А, может быть, и вправду тяжела я?

Ответь мне, неизвестный человек,
Мне всё равно, холоп ли ты, боярин:
Чем мучает тебя идущий век,
Чем радует тебя спешащий век,
И чем увлёл тебя летящий век,
И чем ему ты сердцем благодарен?

Монолог Ручьёва

Тебе видней — ты здравствуешь века.
А мне отрезок века предназначен.

Отрезок века — жизнь невелика,
Едва лишь мать отнимет от соска,
Потопчешься, походишь... и — тоска,
А за тоской — родня зайдётся в плаче.

Что мучает? Обилие смертей.
На кладбища— накатанная трасса.
Отцов теряем рано, матерей,
Товарищей по жизни и друзей,
Любимых и возлюбленных, детей...
И сам в плену у рокового часа.

Ускорил нашу смерть автомобиль,
Ускорила красавица-ракета,
Ускорила урановая пыль,
Гросс-шпионаж, трагичный Чернобыль,
Морей, залитых нефтью, сотни миль
С болезнями без ясного ответа.

О войнах я не стал бы говорить:
Их заклеямили все народы мира.
Но Мир не хочет к людям приходить,
Бродягою всемирным хочет быть,
Покуда не научатся любить
Вселенную, а не галун мундира.

Восток уже горел со всех сторон,
Что в Азии — не понаслышке знаем.
И Африка — при выборе знамён...
Ещё назвать кровавый бастион?
Желудок у войны ненасыщаем.

Не оттого ли, тишь когда звенит
На озере, в лесу или в квартире,

Я вижу, как нацелены в зенит
Свои ракеты, те — что ставит Смит,
И вижу пирамиду, где стоит
Мой автомат ЛН 704.

Не выбить этот номер, не стереть,
У Смита автомат такой же точно.
Мы можем ими мастерски владеть,
Но, если нас обоих скосит смерть,
Хотелось бы всем флагам прохрипеть:
Нельзя ли их... под стёклышко...
досрочно.

И, чтоб в моей или в его стране,
Распутав все военные секреты,
Другой Сергей, что вырос не при мне,
И Смит другой, что не горел в огне,
Читали б на табличке в тишине:
«ПОСЛЕДНЕЕ ОРУЖИЕ ПЛАНЕТЫ».

И что обидно — в океане лжи
Решаются проблемы компанейски.
Для дум — берут повыше этажи,
К тому же все восточные мужи
Одеться норовят по-европейски.

Учёные — сплошь доктора наук,
Попробуй в них заметить генерала.
Работают не покладая рук,
Замысловато строя виадук,
Чтоб он пролёг не сразу и не вдруг
От лезвия меча и до орала.
От их речей — в загоне благодать.

Над естеством — насилие, как беркут.
Моря привыкли нефтью покрывать,
Свежайший воздух — нефтью вытеснять,
В тупик — народы нефтью загонять,
Не от неё ли судьбы наши меркнут?!

Казалось бы — огонь огню сродни,
И миру в мире — время подоспело.
Зачем же сокращать земные дни,
Ведь не настолько солнечны они,
Чтоб сей прогресс оставил нас в тени,
Забыв, что у людей — душа и тело.

Но кто теперь послушает меня?
Безумцем назовут, врагом прогресса.
Политики накинутся, кляня,
Философы окрысятся, браня.
На мой протест, опасным оцени,
Клыки покажет розовая пресса.

— Возможно ли — заводы сокращать?
— Отдать под стадионы — полигоны?
— Уран для нужд страны не добывать?
— Разведчики? Без них не сдобровать!
— И что ж теперь, совсем нам не хворать?
От рака — не спасают миллионы.

...Теперь скажу о радости своей,
Что радует меня, как ясность неба:
Святая многодетность матерей,
Сиянье акушеров и врачей,
Но тают эти чувства у людей,
Как тает запах утреннего хлеба.

Луга, отяжелевшие в росе,
Стада у закувшиненных речонок,
Навек — безаварийное шоссе,
Пчелиный город в лесополосе
И васильки в простой своей красе,
Когда бегут к ним взрослый и ребёнок.

Редующая цепь очередей,
Оконные смеющиеся стёкла,
Романтика нехоженных путей,
Противоборство полюсных идей,
Неверие в божественность вождей,
В крови чья репутация подмокла.

А как целебен искромётный смех!
С ним и женьшеню спорить неохота.
Он будит чувства добрые у всех,
С ним в зной прохладней и теплее в снег,
С ним кровь играет, просится в разбег,
И крылья вырастают для полёта.

Чем век увлѣк? Вопрос не обойду,
И, в сторону отбросив суматоху,
Скажу, что я на Марс не попаду,
И мне не призвездиться на звезду,
Но я причастен к общему труду,
Что старт ускорил в лунную эпоху.

Эпоху межпланетных кораблей,
Особого космического братства...
Средь кратеров и высохших морей
Посланцам будет, может быть, видней
И миллиардам ждущих их людей,
Что от Земли — не стоит отрываться.

Пусть будет Марс, пусть будет энный шар,
Пусть кто-нибудь родится на Венере...
Дерзание — неугасимый дар,
Им окрылён извечно млад и стар,
Но космос, как загадочный нектар,
Ещё пчелой рабочей не проверен.

Тогда дороже станет колосок,
Под нивы — отведутся полигоны.
И каждый стебель, зернь его и сок
Подкормку заполучит точно в срок,
Как получает нынешний стрелок
Бесплодные гранаты и патроны.

Тогда и нефть не выплеснут в моря,
В природе не устроится прополка:
Ты будешь рад икринке пескаря,
В бору услышишь чаще глухаря,
И всякий раз, душе настрой даря,
О прожитом напомнит перепёлка.

Прости мне, Шапка: тайны не таю,
Что я не мог короче и потише.
Я сам — Ручьёв и за ручьи стою,
Чтоб никогда фамилию мою
Не только здесь, в заоблачном краю —
Не посчитали умершей и бывшей.

Монолог зрителя

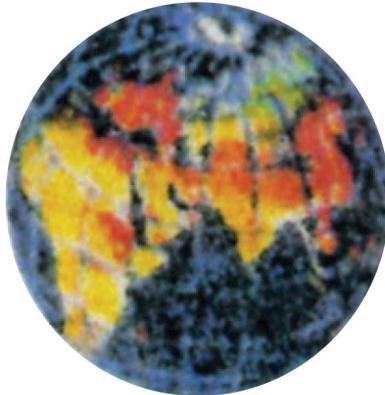
Ну что, сынок? Пора идти домой.
Отведал, говоришь, духовной пищи?
Вещам — он тоже следует покой.
За десять лет я стал им не чужой.

Меня зовут соседи Калитой,
Хотя тот князь передо мною — нищий.

Куда ни глянь — бесценный капитал,
Тут столь бывает люда от науки...
А я скажу про Шапкоарсенал,
В каких бы кто парчах ни щеголял,
Оружием каким бы ни сверкал —
Все редкости в мои приходят руки.

Что было и что будет впереди,
Пускай осмыслит нынешнее племя.
Наскоком лучше к нам не приходи,
Товарищей с понятием води,
Зри в корень! И на память затверди:
Здесь что ни вещь — работает на Время.

...Как не принять отеческий совет?!
Сергей шатал и думал о совете...
Москва вбирала предвечерний свет,
Устав от двух ответов «ДА» и «НЕТ»,
От суеты, бензина, сигарет —
Как всякая столица на Планете.

И.С. Тургенев
(1818–1883)
Работа К.Е. Маковского
(1839–1915)

В Орле побывал известный артист Сергей Безруков. Работая над образом Сергея Есенина, он знал, что его судьба связана с городом Тургенева, Лескова, Бунина... Проездом на Орловщине были Александр Пушкин и Михаил Лермонтов. В жизнь гениальных личностей пытался войти наш современник яркого дарования в кинофильмах «Последняя дуэль» и «Есенин».

Н.С. Лесков
(1831–1895)
Художник
В.А. Серов
(1865–1911)

В год 200-летия со дня рождения автора «Мцыри», «Демона», «Героя нашего времени» Сергей Безруков внёс свою лепту. Он с коллегами Московского Губернского театра записал диск «Посвящение Лермонтову», назвав любимыми произведения поэта «Валерик» и «Родина».

Эстафету классического исполнения он получил от своего отца, которого когда-то учил великий тчец Дмитрий Журавлёв.

Верим, что страна и мир услышат эти антивоенно-патриотические работы, которые так необходимы в наше жёсткое и кровопролитное время.

ОТ ПАРУСА ДО ТРАГЕДИИ

И.А. Бунин
(1870–1953)

Всвевитивший парус поэта художник
Р.Г. Судковский (1850–1885)

Волшебная ночь
Этюд Виктор Рассохина

Дмитрий Журавлёв
(1900–1991)

*Кочевники — разве не наша судьба? —
Се коней алкающих и голодных,
Се ильвов Дремлющих колесница
Драгины доры и колесных истреб...*

Строфа из стихотворения
«Отчизна» — «Родина»

* * *

Мы все – под Шапкой Мономаха
Живём под страхом и без страха.
Но страшно, что во всех веках –
Сам человек рождает страх.

ПИСАТЕЛЬ И ВЛАСТЬ

Отрывок из историко-документальной
повести «ОСЛЕПЛЁННАЯ РОДИНА»
(печатается в авторском сокращении)

*(Развенчание творческо-идеологических
мифов манипуляторов сознанием
и жизнью общества)*

Непреподаваемые основы критического знания жизнеустройства и истории цивилизации, посетившие непродажные умы дальнозорких просветителей всех времён, содержат в себе внепритчевые догмы, первой из которых стоит нереальность стыковки истинных пророков с властью. Катапультирование в скрижали небытия передовых умниц Планеты, оставшихся бессмертными в отличие от их узурпаторов, прокураторов, цензоров, идеологов и палачей, не перестаёт функционировать и сегодня из-за падшей трусости создателей дьявольского молоха, уничтожающего яркость свободомыслия положительных индивидуумов.

Чтобы цементирующе уяснить верность редко озвучиваемой непечатной правды, гражданам и гражданкам сего мира достаточно бегло изучить противостояние противоборствующих Союзов Добра и Зла с момента появления Гомо Сапиенса на Земле.

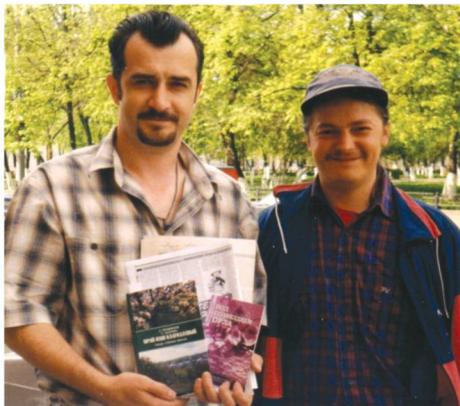
В начале было не слово, а разум первооткрывателя, распространивший многоязыковую словесность по континентам и прочей твердыне. За грехи естества, мыслесложения и язычность, слово власти и религий губило разумы бесконечностью войн, революций, эпидемий, бунтов, реформ и репрессий. Дополнением к естественному отбору возникли кланово-кастовые взаи-

моотношения, действовавшие силой, страхом, подкупом, предательством и фальшивой материальной благостью, делавшей Человека Чудовищем независимо от крови, нации, расы и вероисповедания. Государство под любым флагом при любом строе провозглашало (и будет провозглашать) величие устремлений своих народов под теми или иными гипнотичекими перлами, дабы поработать и истреблять себе подобных в призме геополитических античеловечно-реваншистских утопий. Мыслители выступали против — их вновь не слышали, травили пороками и нищетой, выдворяли в международное пространство, убивали цензурой, непечатанием, дуэлями, ядами, кандалами и религиозной анафемой, в случае, если власть чтит и боится Богов...

Патологическая до тика боязнь «неронствующих» субъектов перед «нострадамусами» обуславливалась их мистическим страхом выворачивания нутра публично в глазах и умах нещадно эксплуатируемой массы трудящихся, живших и погибавших для обеспечения здравствия еженедельных перевёртышей, без разницы — под короной или кепкой. Культивируя безграмотность и забитость населения, либо переучивая его согласно вновь рождённой идеологии диктаторскими правопорядками, власть обожала вооружаться против безоружных и раставлять акцент для движения в будущее, в котором видела только себя и своих нередко ущербных потомков. Европа, Азия, Африка, Америка, Австралия и Океания хранят «Джомолунгму Тайн», и всюду... прессинг и битё лидеров, опережавших мыслью-строкою Время! И ЧТО ЖЕ??? Большинство энциклопедий на всех языках

У Галины Васильевны Жуковой, редактора троснянской газеты «Сельские зори», смелости и гражданской позиции надо учиться многим мужчинам – редакторам СМИ

Талантливый журналист Андрей Агашков и Сергей Рассохин — штурмующие пером косность и беспредел бытия

не донесли своим фактажом обязательной морали и жизненной позиции писателей — их знакового удаления от властной кормушки (по Р. Гамзатову — «Поэты, не ходите на пиры!»; по-авторски: «Исчез писатель в блюде и столице, / Продав народ, как новый переплёт...»).

Методологическая мифообразность стареющей в деградации власти и её суперинтриганской камарильи разрабатывалась с древнейших веков до нашей и в нашу эры, и могла видо-цвето изменяться по законотворческому процессу лжи, укрепляющему мифообразователей в тронах до одра. Удавническая инквизиция, перлюстрируя, сжигая, вешая, гильотинируя и расстреливая прямых и косвенных обличителей заматерелого спокойствия власти, задавила на том пути ох как многих. Яд для идущих впереди не имеет сроков сохранности, когда Дьявол становится монахом, — полистайте, ради интереса, историю...

Приоритет власти перед свободномыслящими художниками, не желающими творить под контролем, сокрыт в их столкновении на этапе реализации проектов, то есть в финансировании многолетних наработок, представленных для общества к установке труда на типографский станок, не работающий без лицензии. В полной мере сие относится к самостоятельным в творчестве — композиторам, художникам, прикладных дел мастерам, к не более как к десяти мэтрам цирка, кино и театра.

Власть, видящая финансовую зависимость интеллигенции, умно расставляет ударения «за и против», изучая биографический каталог «НАШ — НЕ НАШ?». Ненавидя авторов даже

переносного изобличения, власть легко игнорирует международные монографии, глобальные предостережения, может недослышать паству Христа, Будды, Аллаха через подписи чересчур «уставших» (пора на пенсию!) замов. Власть боится отпустить последних на свободу, ибо не может откусить руку, с которой харчуются с семьями жизнь, причём она может усугубить давление на любого взбрыкнувшего автора и административного «предателя» по фамильному фактору. Так создаётся революционная ситуация и реорганизация СМИ в угоду тому, кто подкинёт свежей ветчинки из флажковых хозяйств, в угоду ТЕМ, кто с роднёю вовремя легализировал банки на проверенных десятилетиями лиц, не открывающих рта даже под МВД, ФСБ, ФБР, Интерполом и курком.

Провозглашая святость демократии либо фашизма, шовинизма, консерватизма, юдомасонства, либерализма, империализма, монархии или коммунизма, пластилиновая власть, всегда вовремя шаркающая под Первый Трон, весьма зрело угробляет независимую оппозицию интеллектуалов посредством бюрократического невидения, калежа мозгов и нервов, плевками в даты и отказной документацией, а также прямым физическим устранением под камуфляжем «несчастных случаев». Приспособленцы, ошибочно избранные народом, указуют перстом, как жить...

Егожение поспешно-трусливой отчётностью, не живущей ни цифрой, ни датой, ни делом в природе человеческой, вынуждает власть к формированию придворно-дежурных писателей, чьё перо покрыто плесенью пожизненного ничегонеделанья, оформленного через пот, кровь, плач и слезы налогоплательщиков, сокращаемых вздорностью различных поборов, шагающих в ногу с антинародным ценообразованием. Якобы «писатели»

*Автограф фотохудожнику
Виктору Проницеву*

Работа над книгой «Наши Лермонтов»

удобнее и беззубей, в них никогда не было и не будет силы провозглашения вселенских лейтмотивов очеловечивания, а не замордывания Земли. Трудно взять за руку подписчика их бюджета!

Чужие среди нас, рождённые общим, а не клонным способом,

относятся к армии государственных графоманско-казуистических фарисеев, продавших отсутствие мысли за приобретение дружбонародного лауреатства. Эти остовы зациклены на благополучии собственных семейств на долгие лета вперёд собственной неминуемой смерти, а их профессионализм остался в черновиках при том Первом Троне, когда они вышли из школы. Шедшие умом не вровень с ними, слишком рано ушли из жизни, оказались в психушках, бросили перо за невозможностью дойти своими находками до сограждан, не вернулись из ГУЛАГА, трёх войн, концлагерей, наложили на себя руки, не создав семей...

Доколе мыслящий мир в лице Сообщества Народов будет так просто прощать мотылёчность будней человеко-оводам, прожившим больше половины жизни по сценариям Сатаны???

Май-июнь 2004 года,
г. Орёл — командировки
по ЦФО РФ и странам СНГ.
«По ухабам Отечества»
(«Путевые заметки»).

неофициальный перевод

ПОСОЛЬСТВО ФРАНЦИИ В РОССИИ

Посол
№ 313

Москва, 17 марта 2010г.

Уважаемые Господа!

Я своевременно получил два издания Вашей книги, в связи с чем я искренне Вам признателен.

Посольство сообщит Вам адреса, о которых Вы просите. Ваши книги являются ещё одним очень интересным свидетельством, рассказывающим об эпопее «Нормандии - Неман», они вызовут восторг у своих читателей.

Прошу Вас принять, Уважаемые Господа, уверения в моём высоком почтении.

Жан де ГЛИНИАСТИ

Господину Виктору РАССОХИНУ
Господину Сергею РАССОХИНУ
СОЮЗ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
Орловское отделение Союза российских писателей

Jean de GLINIASTY

Сын знаменитого аса – Франсуа и его семья на Орловщине

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ

ПКО ФМ
Москва, 103265

01425

от КОГО: ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ –
ПАРЛАМЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ДЕПУТАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
В.В. Жириновский

от КУДА: ул. Остоженка, д. 1, Г. Москва, 107265

В.В. ЖИРИНОВСКИЙ

АДРЕСАТ: Рассохин
Виктор
Васильевич

КУДА: Орловская область
Орел г
Новосильский пер. д. 4, кв.
59

302030

Строка из письма: «Ваши книги я передал в библиотеку Госдумы».

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ!

**Николай Заболоцкий (1903–1958),
автор книги «История моего заключения»**

Орёл. Музей
изобразительных
искусств.
Открытие
выставки

В мастерской
художника

Много проникновенно-сердечных
слов оставили зрители в книге
отзывов

За глубинную психоло-
гию творчества и
высокий патриотизм
мировому мастеру
кисти писатель Вик-
тор Рассохин подарил
книги – «Ток», «Побе-
дившие смерть»,
«Мы Вас любим,
фронтовики!» и поэму
о И.И. Левитане
«Золотая кувшинка».

НА ВЫСТАВКЕ АЛЕКСАНДРА ШИЛОВА

Война — в портретах без прекрас,
И одиночество — без глянца,
Но поразил стеклянный глаз
У награждённого афганца.

Без ног — страдалец-фронтовик,
Глаза печальны вдов-старушек.
Он существом своим проник
В их не сгибаемые души.

Был потрясён народ Орла
Психологическим масштабам,
Сказав, чтоб выставка прошла
По пентагонам и генштабам.

Портрет
С.В. Михалкова,
поддержавшего
книгу Рассохина-
старшего
«Тропинка», вошед-
шую в БСЭ

ВМЕСТО ТЕЛЕВИЗОРА

От школы – до Кремля

Жизнь и судьба преподнесли мне множество трагичных и радостных уроков - от Колымы до Орла. На фоне преобразований и модернизации, когда уклонение от военной службы стало противоестественной «нормой», мне повстречалось повстречаться с отцом и сыном Рассохинными. Поразила не столько работоспособность авторов, как тематика их произведений, четко попадавшая в направление деятельности Совета солдатских матерей.

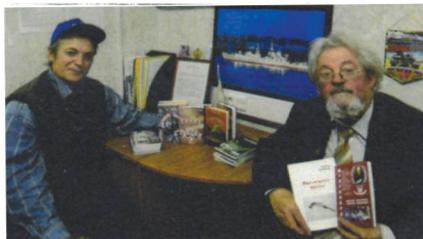
Книги Виктора и Сергея «Тихие Гавайи?», «Мы Вас любим, фронтовики!», «Небесные снайперы», «ТОК» - ложились обложкой в рамки проектов и мероприятий по защите прав военнослужащих, доказывали актуальность процессов, развивающих здравомыслие - гражданское общество под девизом: «Призывник - это звучит гордо!». На начальном этапе развития организации (на общественных началах) литераторы-патриоты дарили новые книги, чтобы мы могли передать их библиотекам воинских частей, либо конкретно семьям, пострадавшим от офицерского произвола, из-за аморальности, гипержестокости срочников и контрактников.

Авторы предметно отображали то, что все видят и слышат, но предпочитают молчать. Народ давным-давно заметил это явление. Помните - «Моя хата с краю», «Своя рубашка ближе к телу». Вот почему Виктор Васильевич и Сергей возмущены, что никто, кроме них, не возложил ни мёртвого, ни живого цветка к памятнику Н. Н. Поликарпову на его 120-летие со дня рождения, совпавшее со 100-летием ВВС России.

К 70-летию освобождения Орловщины от захватчиков, Рассохины выпустили три книги «Штурмуешь небо», «На воле некуда бежать», «Мы Вас любим, фронтовики!» общим тиражом 17200 экземпляров. Объединили усилия и совместную заинтересованность с режиссёром, победителем фестиваля «Киноток-2013», бронзовым призёром кинофестиваля «История и культура» Анастасией Бутузовой, они участвовали в съёмках д/ф «Штрихи к портрету короля» о Н. Н. Поликарпове, побывали в 24-х районах области в Дни их освобождения.

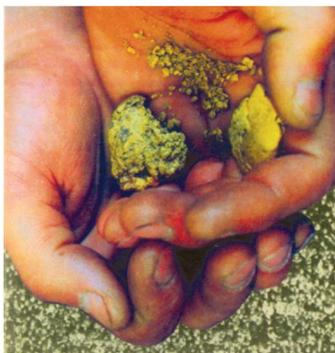
В год 20-летия Союза российских писателей, чьё отделение авторы представляют столько же лет на Орловщине, региональный Совет солдатских матерей сердечно разделяет с ними радость успехов и повторяет широкой аудитории текст почётной грамоты, адресованной им в Год Российской истории от нашей организации: «Совет солдатских матерей выражает признательность авторам антивоенных, гуманных, человеческих книг стихов и прозы В. В. Рассохину и С. В. Рассохину, чьи разработки благословлены Московской Патриархией и отмечены в библиотеке Президента, Верховного Главнокомандующего Вооружёнными Силами Российской Федерации В. В. Путина».

Валентина Васильевна СТАРОВОЙТОВА,
председатель ОРОО «Совет солдатских матерей»

Отправка книг в библиотеку гарнизона Капустина Яра, где служил Рассохин-старший, окончивший с отличием сержантскую школу и встречавшийся с Героем Советского Союза, главным маршалом артиллерии Митрофаном Ивановичем Неделниным в 1959 году.

ПАРАЛИТЕРАТУРА И ЕЁ ВКЛАД В РАЗЛОЖЕНИЕ ОБЩЕСТВА

*«Там, где печать отпечатана
не мыслью, а деньгами, она теряет
печать свободы, становясь чернилами
Сатаны».*

Эссе авторов «Живёт литература на
гроши, где золото, там нет литературы!».

1990 г.

ЧАСТЬ I.

КРАТКАЯ ПОРТРЕТИКА БЕЗ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА

Явление, выведенное в заголовок статьи, посетило нашу Отчизну достаточно давно¹. К настоящему времени его колоссальное вздутие претендует на массовый статус вируса графомании, олицетворяющей тупик самозванных ратоборцев за святость слова.

Эра буржуазных взаимоотношений и бум тиражирования околотературных аферистов с умопомрачительной скоростью накрыли население державы. Учредив теневой и лицензионный захват СМИ и типографий, они повернули вспять – историю, смысл существования и фактический патриотизм, лингвистику, публицистику и искусствоведение, литкритику и отечествоведение. Исказив самообразование и совершенствование личности, разрушив предназначение литературы, рабы разврата и золотого тельца разработали «правила игры», действующие по выверенному сценарию тоталитарной системы под макияжем гласности.

¹Паралитература – «произведения» или литпродукция низкого качества, литературные поделки даже при высокочкассной полиграфии.

Что же происходит на бывалом конвейере постаревшей интеллигенции, болтающейся между подачкой за трусливое молчание и толстым портмоне за нездоровую скандальность? Не слишком ли много у неё сегодня насущных забот-проблем, чтобы так кощунственно и тихосапно отвернуться от собственного народа бронированностью сейфов?

Культивация тарабарщины, Муза вскладчину, десятиличие редакторов, плаксоведение на закате жизни, маниакальная страсть войти в отечественную и вселенскую антологию мировых грандов пера и слова, обет перед властью, маразматическая журналистика под харизмой, оттачивание «яканья» — через строку и мн. др. — вот псевдолитературное «наследие» искусственно созданных «мэтров». Здесь же узаконены — 70-процентное цитирование чужих авторов в своих текстах, ярко выраженный плагиат, осевший в памяти юности и наглые кражи по Интернету, школа злословия, жаргона и сленга, использование труда наивных детей и энтузиастов на безгонорарной основе. Если бы создать юмореску в стиле Аркадия Аверченко, заголовок для «любителей» Родины и Бога мог быть таким: «Змейки в сливочном масле»...

Хитрое и закулисное мышкование сочинителей, не познавших истинных болей, трагедий, уродств и боёв творчества не обязует их к публичности, ораторству, не мобилизует на создание собственного алгоритма мыслесложения, гражданственности и авторского правдописания. Они становятся людьми календаря, безынициативной бесформенной ремесленной кастой, трезвонящей о собственном величии в роли «опекунов духа», «хранителя языка» и полуюродивого святого, рифмующего за евро и баксы. На пути разложения общества своими краткими и излишне долгоиграющими опусами, паралитераторов душат тщеславие, косноязычие, зависть, ревность, лень, водка, неустройство жизни и её несвоевременность, поджуживание родни и знакомых, указующие персты власти в места, где можно долго клевать рублёвые «зёрнышки» по предельному реестру литературного бухучёта.

Рассмотрим подробнее, к чему приводит безответственность и аморальность седых и начинающих сесть приспособленцев в старые и новые времена. Представленные ниже типажки «интеллектуальной знати» настолько одиозны, узнаваемы и однообразны, что не удивишься повсеместности этих существ на всём пространстве России...

Бывший парт-бонза, жизнь которого обеспечили — «Волга», госльготы и госпайки, быстрота получения ордеров на квартиры и дачи, консервативнейший номенклатурщик в кости, причастился к... Ивану Бунину.

Огульный атеист, активист антибожьего идиологического идиотизма под занавес судьбы упоминает Имя Господне и каноны Библии всуе, не задумаваясь над тем, что его «гениальные» произведения символизируют новый виток фарисейства и иудаизма в понятиях Самого Иисуса Христа.

Заочный краевед каботажного толка уже не может творить, не оттолкнувшись от имени и заслуг А. Чехова, Л. Толстого, А. Куприна и других адептов мировой литературы, получая новые рубли за цитаты прошлых веков и шакалье вальсирование вокруг них.

Экс-неудачник по прохождению парт-школы, неплохой фольклорист по молодости, становится лауреатом чего-то, награждённым чем-то за «великий вклад в дело спасения родного языка», будучи до и после этого профи мата и запойным алкоголиком.

Главный редактор общественной газеты служит двум Союзам писателей, как телятя при двух матках, причём, уверовав в свою оппозиционность, не пишет ни строки на любую тему годами, привлекая для баловства с бумагой вечно безденежных студентов журфака и внештатных корреспондентов.

Поэтесса, либреттистка, энциклопедичка с наследием из стола авторитетно созидавшего отца — публикует материалы под своим именем, подпорчивая вульгарщиной и шарадами мощь интеллектуального потенциала родителя.

Главный консультант-рецензент при издательстве, он же — редактор и ответственный за выпуск местной «богемы» не считает нужным читать и проталкивать рукописи без сопровождения их хода и реализации гусями, карпами, покрывками, мёдом, обильными спиртными возлияниями в обществе проверенных шлюх и глашатаев его «доброты».

Бывший цензор и куратор молодых талантов в перестроечные времена, ветеран Великой войны, изнемогает от ежедневно хлопотанья в поиске спонсоров для издания своей единственной брошюры, где герои — лопухи, шмели, червячки, мотыльки, лебеди, котята, пескарики и дошколята.

Добрая, а потому и незамужняя «бальзаковка на выданье» всю жизнь протусовалась на галерках, у рампы, в фойе, в гримёрках, буфетах, на балконах и в партере театров, оставшись суфлёром классиков согласно пополнению касс и ведомости заграничных гастрольных вояжей.

Шубутной архивариус, автор 10.000 статей на историческую тему, натуральный акробат фактической документалистики ни в одном из творений не допустил даже намёка на критику кого-либо и чего-либо, панически боясь лишения завоёванных газетных площадей.

Юный выпускник художественной Академии, даровитый физиономист и портретист, вынужден заниматься шаржистикой и упрощёнными пейзажами, будучи под контролем главреда подростковой газеты (по совместительству капитана госбезопасности).

Эх, феты, тютчевы, пришвины, шулеровичи! Нет на вас Писаревых, Достоевских, Чернышевских, Белинских, Герценов, Айвазовских!!! Как нет и Герберта Уэллса, мечтавшего побрить ненужные бороды всех карлов марксов, в своём малоизвестном населению произведении «Россия во мгле»...

За деканом и инженером, идущим по стопам А. Барто в 60-летнем возрасте, в литературную рать провинции год за годом вступили: контрразведчик военпроизводства, непонятый в Отечестве французовед, кафедральный и застольный критик без

статей, сирота репрессированная, издатель без типограф-станка, программист на пенсии, три одинокие подруги юности вышеназванных под видом поэтесс, соглядатай губернатора, молодой, но богатый трубадур Музы и Парнаса, мемуарист-полковник МВД. Всем им иже с ними «помешали» — инвалид и жёсткий автор литобозрения, бывший лётчик, руководитель клуба для начинающих «Русское виршесложение», бывший переплётчик и корректор типографии, безденежный партиец из села, крупный чиновник аппарата губернатора, бульварный скандалист из райцентра, одарённая красатулечка-литографистка и бард, грузный природовед края и деловитый многожанровый писатель планетарного масштаба.

В официальном резюме последним было отказано в публикации рукописей по мотивам политическо-интриганской «ненашеести» в отместку за самодостаточность и круглогодичный профессионализм, за народовольство, талант и непродажность общечеловеческих принципов. За давлением и систематическим непечатаньем стояли поседевшие коммерциолизированные дети партийных «царьков»...

Литературная продукция низкого смыслового и гуманистско-гражданского качества наводнила с вешними водами прилавки якобы книгами и пастишами¹ армии аграфиев², провалившихся во времени, не развивших качество и стиль письма и не понявших себя от старта до исхода. За отсутствием международного образования-виденья пришли таинственное уныние, спазм говорливого одиночества, исчезли цели и смысл писательской борьбы, волевая мозговитость, девственная романтичность, переработка и совмещение жанров во благо служения собрату по Планете — Человеку.

В поиске оправдания ничегонеделанья паралитераторы зашли настолько далёко, что при жизни застали собственное забвение

¹Пастиш — имитация произведения, плагиативное подражание стилю и манере другого автора.

²Аграфия — умственное расстройство или полная потеря способности к письму и творчеству.

со стороны невнемлющего к ним населения. Экзальтированному реформами народу было абсолютно всё равно от бездарности зарифмованного и прозаического воплощения его жизни, будь-то в полётах во сне или наяву. В изломах перспективы ежесекундно изменяющегося пространства, среди дали зарниц и под тошнотворный запах загаженной речки, приближалась, финаля морозы, весна. Версификаторам себестоимости себя на теле и дензнаке народном она прививала ощущение предреволюционного беспокойства, начало эпохи отсчётов за ошибки и премудрые выкрутасы вокруг не верящей слезам столицы.

Весна несла на своих призрачных крыльях безапелляционную критику на страницах мировой периодики, где раскрывалась вторая часть в общей прослойке подбрюшья массовых паразитов.

ЧАСТЬ II.

АВТОБИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ КРОХА ИЗ СОТЕН ЕЖЕГОДНЫХ УНИЖЕНИЙ АВТОРА СМИ РФ

И вот пришло время, когда фундаментальные основы родного языка в сочетании с вековыми национальными традициями предков, стали педантично обезображиваться начинающей крепчать когортой многопишущих флюгерманов, сюсюкающих о «процветании» в период геноцида.

Знаковым и в одночасье непостижимым образом менеджеры собственного «Я» и антирусские таблоиды¹ отвернулись от политической, экономической, исторической, межполовой, религиозной и нравственной проблематики как Родины, так и Планеты. За аннулированием баррикад между Добром и Злом, под шантажом банкротств и приватизации, на информационное поле и эпистолярную даль ступили чужие люди, практикующие диктат

¹Таблоиды — малоформатные газеты «жёлтой ориентации», сенсационисты и скандалисты со множеством объёмных фото и иллюстраций.

СМИ посредством учредительно-монополистского и финансового узурпаторства.

Что речь? Игра? Но, если словеса остаются максимально урбанизированной и огрубелой формой общения, то печатное слово, сама мысль и КПД коллективного разума лидеров высотной литературы капитально попользованы во всех позах «госпожой рекламой»...

Сотни раз автор встречался с редакторами, бывшими мои работы — «Басмачи», «Гобсек РКП(б)», «Распятия всероссийского не прощаю!» о ленинских репрессиях Церкви, «Адмирал Н. Кузнецов», «Неизвестный Чкалов», «Звезда критики» о Д. Писареве, «Рамзай» о Р. Зорге, «Академик Н. Конрад», «Ленд-Лиз», «Тайна Нидерландов» о потоплении голландской субмарины «К-17» англичанами, за то, что её экипаж видел японский флот, шедший на Пёрл-Харбор 28 ноября 1941 года. Спортивные газеты отказались публиковать 10-страничный очерк «Гран При умов и моторов» об истории и достижениях «Формулы-1», собирательную новеллу о звёздах и технологиях мирового мотоспорта «Голос миль», краткое исследование жизни лошадей и конезаводства «Спутник и друг Человечества» и фактическую трагибыль из Прибалтики — «Ралли». Издания по искусству и живописи отвергли поэму о жизни и творчестве выдающегося пейзажиста И. Левитана «Золотая кувшинка».

Книготорговая сеть Санкт-Петербурга не сочла нужным приобрести мою книгу «Последняя дуэль» с поэмой об А. Пушкине на 300-летие города. В Череповце не знают В. Верещагина, в Саратове — В. Талалихина. Местные, вернее иногородние журналисты и их пассии вычёркивают из моих статей — А. Покрышкина, Б. Сафонова, И. Кожедуба, лидеров белоэмиграции, Гражданской войны, репрессированных, жертв Холокоста и Гестапо...

Настоящий и будущий читатель ужаснётся на причину (систематическую отговорку-шаблон), которую озвучивают буржуазные бездари родом из пролетариев: «голодание семей» и «дороговизна бумаги».

Подчеркну — золотые стипендиаты, умницы-самоучки, честные экс-офицеры, глубокомыслящие женщины так себя не ведут. Не предательствуют выходцы из крестьян, даже бывшие «кпссники», не лгут самостоятельно пишущие редакторы, не изворачиваются издатели с разумом, сердцем, волей и душой. «Сделанные в СССР» заочные двоечники и троечники журфаков ВУЗов и Академий заморозили работы: «Монетизация душ», «Десять заповедей негативным СМИ», «Рецепт от врунологии», «Испытание терпения», «Затмение законодательства или «гениальность» всенародного обмана», «Сплочённые мужеством» и «Дорогами памяти». Они терзали, корректировали, сокращали, переделывали и искажали — «Безответное SOS!» (реквием экипажу АПРК «Курск»); был Белорусского фронта «Орловский Ваня»; документально-художественную разработку о военных водителях «ЗиС»; очерк «Человек, пострадавший за доброту» о судьбе Е. Строева; 20-страничные архивные исследования «Чужая война» и «Кровь и слёзы Лейте» о военно-морских сражениях Японии и США на Тихом океане. Промолчу о сверхгодовом кощунстве над поданными мне мемуарами ветеранов...

Оголодавшие от собственной интеллект-несостоятельности, граждане и девицы-мазурики, кликушествуя о патриотизме и героике, закрыли рубрики о любительском рыболовстве и природе Края Предков, в связи с чем «приказала долго жить» публикация не менее тридцати работ, предназначенных не газетам, живущим на народные деньги, а содержащим их людям. Принцип жизни простофиль при бюджете — «Прошёл день и адью!» (Пить, курить, интернетничать, сплетничать, сексоваться, кататься и рисоваться по бутикам в поиске еженедельных рекламаторов и информационных «поддерживателей»). Зачем им вникать в историю и горе цивилизации?! «Живём-то единой!»¹

¹Они ещё и трусливы, не опубликовав в августе 2005 г., 16 строк памяти М.С. Евдокимова «Скорость горя».

Новому обществу в лице продавцов газет и журналов под крышей муниципальной и некоммерческой собственности, псевдоиздателям без типографий «помешали» произведения: «Люди дивидендов», «Перегруженные самозагрузом», «За чертою цинизма», «Дети кабинетов», «Подставная», «Сон губернатора», «Здравоохранительная гадюка», «Госналог на воздух», «Вирус покорности», «Небопроходец» о Н. Поликарпове, «Ещё раз о фене, сленге и языке», «Рыночный тупик», «Псевдонимия», «По шпалам режима», «Разобщение родственности» и «По закону непонимания». Заголовки говорят сами за себя. Основной формат каждой работы — 2–3 машинописных страницы. Да всё одно: «неудобоваримо, ненужно, зачем вам это, безнадёжно устарело». «Жалеют» глаза читателей...

Поскольку предел невежества, хамства, цензора и редакционной недалёкости налицо в — анфас и в профиль, позволю себе, как создателю, назвать следующие творения, однотипно перекрытые по мотивам «рассохинской неуютности». Люди спрашивают, почему не печатаешься, но остаются неопубликованны — «Писатель и власть», «Начинающим литераторам, поэтам, краеведам, историкам и драматургам», «Закулисье», «Под Андреевским стягом» (к 100-летию Русско-Японской войны), «Бездорожник фронтов» (о джипе «Виллис»), «Небесные снайперы» (Краткий Боевой Путь авиаполка «Нормандия-Неман»), «Вторая Голгофа» (о репрессиях православия), «Навстречу друг другу» (о патриотах и воинах Чечено-Ингушетии), «Тот самый «ГАЗ» (об автоконструкторе В. Грачёве). Ждут своего «часа Икс» социально-гражданские были, новеллы, юморески, мини-пьесы, эссе, зарисовки с натуры — «Бедна», «Героини переходов», «Жизнь у дороги», «Вне классики жанров», «Уж в мыле», «Проездом», «Война принципов», «Обогащение бедрами», «Бизнес в опасности», «Последний поход «Бисмарка», «Корпорация», «Инвестиции для дефолта», «Встречный мой», «На Дворянке», «Боцманюга», «Продажное слово», «Затянувшееся торможение», «Стена» и «Политическое позерство»...

Не виртуальный, а натуралистический парадокс в том, что даже фантастика оказалась «невостребованной», несмотря на авторские иллюстрации к работам «В ожидании чуда», «Год Гроз», «Жаболоиды», «Зов горизонта», «Излучение», «Дизайн Апокалипсиса», «Такутокана», «Рой», «Заговор», «Гибель столицы», «UFO — они же НЛО», «Союз Тьмы» и мн. др., в т.ч. широкомасштабный цикл «Королевство Олухания».

Выше было предупреждено, что представленное — всего лишь кроха, песчинка из общей наработки автора за последнее десятилетие, т.е. в период с 1993 по 2003 год. Нет смысла саморекламироваться далее, ибо поклонник, враг и читатель не в состоянии ознакомиться с этими и другими готовыми к печати разработками из-за порождения новых околофашистских табу. Буду готовить книгу, условно обозначенную, как «Ток». В неё войдут: «Рокировка заблуждений», «Правда под колпаком», «Стабилизация деградации», «По долгой оттепели», «Полчаса страха и счастья», «По зазимку», «В царстве туманов», «Вдали от рыбаков», «Вознесение бездарей», «Грязь юбилея», «Живущие невпопад», «Мосты в будущее». «Пыль в глаза по-русски» и «Неизбираемая платформа беспартийного гражданина «Каждому — по труду!», а также «Революция бескультурия», «Давление», «Униженный литератор», «Секретариат», «Процентная нация» и «Абвер на Орловщине»...

Заключая вторую часть, не претендующую на попытку глубокого анализа торможения писательской деятельности чёрными слугами Падшего Ангела, вынужден констатировать общий знаменатель глумления над честными тружениками пера в России. Арифметика жизни была и есть не всегда такой, какой её привыкла видеть, ощущать, смаковать и эксплуатировать многонациональная и разношерстная толпа.

С укреплением демократических начал при всеобщности и показушной свободе слова, в расстановке слагаемых общего жизнеустройства и правил общежития подспудно или платно сформировался монстр, схожий с пророчеством Рэя

Брэдбери в его гротеске «451° по Фаренгейту». Каста нуворишей, вышедшая из спекулятивно-криминального дна, «читает» дензнак и порновидео, а красавицам от родительской породы-природы претит переагруженность, когда легко ломаются маникюры и педикюры. Провайдеры¹ бесппроблемья с карт-бланшем Сатаны, бесплатные почтальоны чужого благополучия, ассорти менеджеров и маркетологов прямо или косвенно хворают аллергией на чистый, а не посреднический труд. Инфекция поглотила общество круче СПИДа — противоядия нет и не будет ввиду массового желания не прозябать, а процветать оптом...

Великое и извечно униженное крестьянство стало ещё более осмотрительным, и всё-таки осторожно начинает приторговывать земельными паями и жить арендной платой за счёт не везде добросовестных инвесторов. С самогоном и без него ему — крестьянству — некогда полемизировать: надо оперативно харчевать и отдавать часть «путинок» компьютерным андроидам и живородящим киборгам третьего тысячелетия.

Клонируя жестокость, скудоумие, бездушие и воинственное варварство армады тунеядцев на одного трудящегося, Человечество медленно, но верно деградирует в спазмах вооружённых и экологических катаклизмов, нарушая орбитальное и галактическое равновесие Солнечной Системы.

Такова работа бумеранга времени, плата за терроризирование и зомбирование себя нелюбимых. Другими словами — часть пишущей братии и интеллигенции виновна в происходящем совсем не потому, что десятилетиями умеет оставаться слепой и глухонемой при здравии.

¹Провайдеры — организации в сфере связи, информационных и коммуникационных услуг (в основном в Интернете).

ЧАСТЬ III.

ШТРИХИ И МЕТОДЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ПО ВЫХОДУ ИЗ КРИЗИСА

Хладнокровное наступление повсеместно атакующего капитала подразумевает довольно скорую и полную скупку механизмов «четвёртой власти». В перспективе ближайшего будущего зримо маячат-повальная кастрация, бифуркация¹, рирайтерство² и катапультирование в подполье объективно-аналитических здравосозидающих СМИ. Уже сейчас многоликая оппозиция, радикалы и экстремисты, грамотные и неграмотные россияне лицезрят властную и эротично-балаганную составляющую анекдотичных версификаторов, горе-шоуменов и фальсификаторов ежедневно. Последние вряд ли предстанут перед судом за дестабилизацию, извращённую этимологию, шовинизм, цинизм, хакерство и пр. фортели...

Заслон подписному зомбированию и розничному окопачиванию видится в переводе 80% газет и журналов под суровый контроль государства. Автор не призывает к возвращению эпохи страха, всюду проникающего цензора и доносительства, но параллельно вышеуказанному необходимо реализовать нижеследующее:

1. Неограниченное и бесплатное опубликование мемуаров ветеранов войн и участников исторических событий, фотографий и рисунков из личных архивов, а также неизвестного эпистолярного наследия предков.

2. Создание редакционных клубов «Круглый стол», где будут проводиться лекции, дискуссии и анализ злободневных вопросов современности с обязательным набором текстов по рассмотренной проблематике и принятым решениям.

¹Бифуркация — раздвоение или разделение чего-либо в жизни и обучении (синоним понятия «двойной стандарт»).

²Рирайтерство (от рирайтер) — паразитирующее явление в журналистике и сочинительстве, когда его слуги перерабатывают чужие тексты и мысли для собственного благополучия.

3. Ввести в ранг еженедельной обязанности редакционные выезды руководства СМИ в самые отдалённые поселения регионов, округов, республик и автономий.

4. Немедленное реагирование на визиты, телефонные звонки, заявления, жалобы и письма граждан, публиковать материалы о принятых мерах по ежемесячной переписке.

5. Исключить простоличную перепечатку материалов, печатанье столичных хохштаплеров и К^{о1} — у них достаточно СМИ для публикаций и беспроблемных гонораров.

6. Сократить полногазетную передачу полос и страниц студентам — у них ещё будут время, силы и возможности внести свой вклад в сплочение или развращение общества.

7. Привлечь к работе печатных СМИ, радио и ТВ религиозных деятелей, независимых экспертов, настоящих писателей и всех предпринимателей без исключения .

8. Узаконить строжайшую ответственность лидеров и местного руководства СМИ за нецелевое использование площадей газет и журналов, а также за провокации, опубликованную ложь, кверулянтство² и за превращение патриотично-исторических работ сограждан в макулатуру в одном экземпляре.

Представленных пунктов более чем достаточно, для того, чтобы общество росло в самосознании, творчестве и в интеллектуальном наследии, видело собственные ошибки, смысл и цели жизни. Лучшим представителям разобщённой интеллигенции, честнее — её остаткам, предстоит жестокая борьба, даже война принципов, мнений, взглядов, позиций и версий, точек зрения и гипотез, трактовок и трудов.

Если же сверхразвитая трусость, лень и пороки будут прикипать к её телу рубашкой мобильного эгоизма и хитрющего при-

¹Хохштаплеры и К^о — группа пишущих авантюристов, проходимцев, ловкачей, обманщиков и аферистов, т.е. — мошенники «от литературы».

²Кверулянтство — болезненное стремление отстаивать якобы ущемлённые права методом жалоб и доносов, пасквилей и анонимок, в прямом смысле — сутяжничество.

способленчества «ради детей», если высокообразованные люди предпочтут отмолчаться, — Мир станет свидетелем непоправимого упадничества России.

Жизнь продолжится. Но эта «жизнь» будет жизнью органических и растительных, любящих алкоголь и наркотики инфузорий, живучих благодаря вандалистскому изнасилованию Планеты Земля, надкушенной вампирами и ведьмами Князя Тьмы.

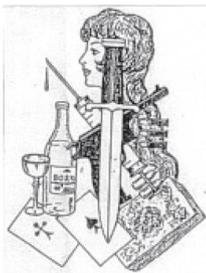
Не пора ли отсечь голову межгалактической и многотысячелетней мерзости???

Апрель 2005 г., г. Орёл — командировки по России и странам СНГ,
«По ухабам Отечества» («Путевые заметки»).

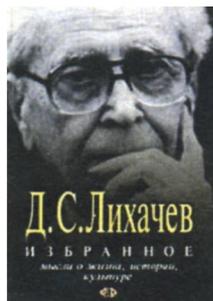
В.М. Васнецов (1848–1926) Бой скифов со славянами. 1881

ОПЫТ ФИЛОЛОГА

Когда-то Дмитрий Лихачёв
Подметил в молодые годы
Картёжный мир убийц, воров
В железной клетке несвободы.

Что изменилось в наши дни,
Когда Россию рвут на части?
Дерётся мелочь, а они
Стреляют в эшелонах власти.

УЛИЦА С ОШИБКАМИ*

Сатирику не повезло
При вечноглуповской
идиллии:
Фамилия — при букве «О»,
А псевдоним — вместо
фамилии.

“Есть легионы сорванцов, у которых на языке “государство”, а в мыслях – пирог с казённой начинкой”.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

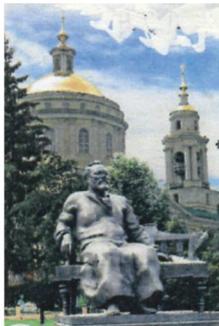
«ЩЕДРИНАРИЙ»

Орловским читателям знакомы книги Виктора и Сергея Рассохин. Они стоят в книжных магазинах, встречаются и в газетных киосках Роспечати.

Лирика патриотического содержания, страницы родной истории от Кавказской войны до Великой Отечественной, от Шамила до знаменитого авиаконструктора Поликарпова, события последних лет – круг интересов авторов широк.

Вот и еще одна книга Рассохиных вышла в нынешнем году – «Щедринарий». Посвященная 185-летию со дня рождения Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина, она переключается своим содержанием с творчеством великого русского сатирика.

Подготовил Юрий ВЕТРОВ

Орёл – Н.С. Лескову.
Памятник Ореховых

В ТРЕТЬЕЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СТОЛИЦЕ

Здесь слова «КРИТИКА» боятся,
Но КРИТИКА — она ж не смерть.
...Страдают люди из-за глянца,
Не в силах страха преодолеть.

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

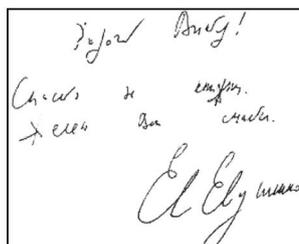
Судьба его страхом частично опалена,
Рычали в столице и за кордоном.
Он верил, что канут «Наследники Сталина»,
Не вымерли — дышат покуда озоном.

КТО СЛЕДУЮЩИЙ?

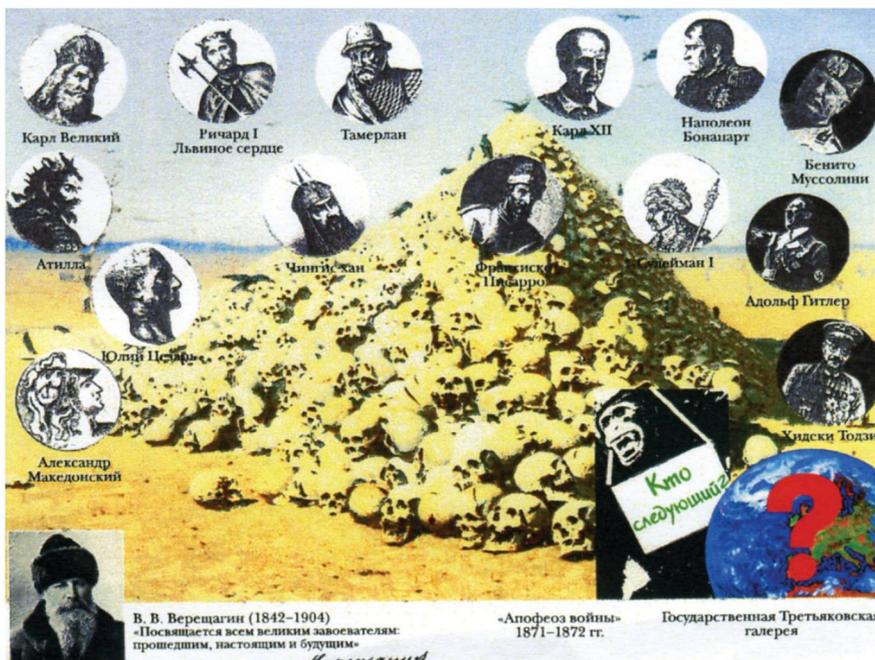
(Монолог Обезьяны)

Смеётся над тиранами примат:
 Ужели вы так умственно убоги,
 Заливши кровью шар земной стократ,
 К добру разрушив все пути-дороги?

Народы! Уничтожьте сей порок.
 Не гнитесь под секиру и цитату,
 Чтоб в дружбе жили Запад и Восток –
 Скажите «НЕТ» извечному диктату!

Автограф поэта

В. В. Верецагин (1842–1904)
 «Посвящается всем великим завоевателям:
 прошедшим, настоящим и будущим»

«Апофеоз войны»
 1871–1872 гг.

Государственная Третьяковская
 галерея

СИСТЕМА

Происходящее вокруг человека по всей сетке изученного нами глобуса в последнее время сдавливает сознание гнетущей последовательностью несчастий и катастроф. Ущемление вековых прав и законов планетарного общежития сословий, рас, народов и национальных меньшинств по признаку Веры, внешнеполитической доктрины, теневого криминала и терроризма олицетворяет Систему госдиктата сильных держав над отстающими и маломощными. С момента появления матриц, типографской краски и набора раскрытие гениальной суперлжи, прикрывающейся заботой о народе, счастьем, стабильностью, благополучием и созиданием выдающимися умами и личностями цивилизации системно ненавистно узурпаторам всех мастей по причине «опасности» образованных и думающих народов.

Методы, стратегия, механизмы и законы подавления масс систематизировались с рождения первых государств Европы, Африки, Азии, Ближнего и Дальнего Востока. С отходом в мир иной широкоизвестных владык, королей, султанов, халифов, цариц и вождей, а также их безымянной армии рабов, коэффициент полезного действия Системы имел место только при мирном освоении новых земель и Мирового океана. Правда, единичные случаи «доброты» пришельцев бывали весьма редко, ибо за первопроходцами повсеместно «путешествовали» «кортесы», пираты и авантюристы. Некоторые из них несли «радость» и «свободу» малограмотным, отстающим (а иногда и развитым) народам благодаря поддержке властей своей родины золотом и оружием...

Немало трагичного на этом архисложном пути свершилось из-за ряда кощунственных нововведений систем религий — буддизма, христианства, иудаизма, ислама и синтоизма. Большинство «наместников божьих» прямо взывало к убиению «неверных», «язычников», «иезуитов», «еретиков» и «сатанистов», пропа-гандировало «святость» самоубийств и культ жертвоприношений.

Здесь кроется первый замес фундамента, под которым подразумеваются понятия: переворот, путч, хаос и международный террор. На каждом витке эволюции или деградации Гомо Сапиенса были и будут заново рождены эпитеты-термины взаимоотношений, основанных, в массе своей, на древней, а ныне культивируемой теории о «неугодности» национальностей. И так было всегда — в чьих-то преступных головешках зарождались планы порабощения и истребления себе подобных. Потому что «враги народа» были как внутренними, так и внешними, а десятилетиями спустя боль притуплялась, оставляя мёртвых и живых под штампами идеологической, государственно-религиозной проказы...

Плодовитого червя, выращенного на смертельных уроках и удобрениях разнополюсных Систем из века в век пытались рубить интеллектуалы и провидцы двух полушарий Земли. К сожалению, все Системы Госстроя имели и производят клапаны перекрытия свободно-инакомыслящих, способных повести за собой народы. Отпуск вожжей в пользу либерализации отношений, многопартийности, конституционных переработок, думства, парламентства, монархизма, фашизма, пэрства и пр. лишь ухудшал обстановку в тех странах, где позднее из-за полит-бандитов происходили братоубийственные гражданские войны и другие рукотворные катаклизмы...

Система манипулирования сознанием и образом жизни широких масс в годы слабых попыток освоения близлежащего космического пространства изощрялась не только с помощью радиотехнической разведки, связи и Интернета, но и благодаря неумению и нежеланию народов профессионально отстаивать свои права на жизнь, мысль, свободу, наконец, идеальную всепланетную власть. Глумливое расширение сети прилипал на теле людском — бюрократов, ничего не производящих и ничему не обучающих «ню-спекулянтов», выгодно Системе подавления, ибо новым рабам быть под пятой эксплуататоров при своей аполитичности и непонимании каждого «Я» в обществе...

Обогащение бедами, шантажом ценообразования в быту, промышленности и в банковском секторе, т.е. благополучие семейств руководящих землянами ничтожеств, обеспечит перманентность механизма, ломающего души и судьбы в тон Системе, что мы придумали для себя же сами...

К чему же ублажать детей «Секретными материалами»???

Июнь 2003 г. Орёл—Липецк,
«Путевые заметки».

М.М. Зощенко
(1894-1958)

А.А. Жданов
(1896-1948)

А.А. Ахматова (1889-1966)
Работа К.С. Петрова-Водкина (1878-1939). 1922

ИЗ ДОКЛАДА А. А. ЖДАНОВА О ЖУРНАЛАХ «ЗВЕЗДА» И «ЛЕНИНГРАД»

Из постановления ЦК ясно, что наиболее грубой ошибкой журнала «Звезда» является предоставление своих страниц для литературного «творчества» Зощенко и Ахматовой... Зощенко... изображает советских людей бездельниками и уродами, людьми глупыми и примитивными. Зощенко, как мещанин и пошляк, избрал своей постоянной темой копание в самых низменных и мелких сторонах быта.

Тематика Ахматовой насквозь индивидуалистическая. До убожества ограничен диапазон ее поэзии — поэзии взбесившейся барыньки, мечущейся между будуаром и моленной. Основное у нее — это любовно-эротические мотивы, переплетенные с мотивами грусти, тоски, смерти, мистики, обреченности... Таков духовный мир Ахматовой, одного из осколков безвозвратно канувшего в вечность мира старой дворянской культуры, «добрых старых екатерининских времен». Не то монахиня, не то блудница, а вернее блудница и монахиня, у которой блуд смешан с молитвой.

СКАЖИ МНЕ, ДОМ...

— Здравствуй, близкий сердцу,
Здравствуй, милый Дом.
Вспомни о прошедшем
Времени лихом.
Окнами доверчиво
Посмотрел старик:
— Помню зимним вечером
Я твой первый крик.
А потом обрушилась
На плечи война,
Радость смята ужасом,
Мать с тобой одна.
Город взят фашистами:
Танки — у реки.
«Юнкерсы» — над крышами,
На улицах— штыки.
Смерть в приказах сулится.
Подчиниться велено.
На соседней улице
Семеро расстреляно.
Слежка за партийцами,
За родными, близкими.
С каменными лицами
Полицаи рыскали...
Вот сугробы мрачные
Круто спины выгнули.
Пестрый люд оставшийся
На расчистку выгнали.
Мать была застенчива,
Никогда не охала.
От зари до вечера
На снегу работала.

Не под страхом гибели
 Мёрзла до озноба.
 Как у сотен жителей,
 В ней кричала злоба.
 Еле слёзы сдерживая,
 Волю дав мольбам,
 Молоко сцеживала
 С кровью пополам.
 А ты кричал неистово
 Продрогший и голодный...
 За дверью фриц насвистывал
 Какой-то вальсик модный.
 Ему звеняще вторила
 Гармоника губная.
 Ты грудь сосал повторно —
 А грудь была пустая.
 Луна за тучи пряталась —
 Оглушена стрельбою.
 Раскаты в окна вкатывались
 Волнами прибоя.
 Наедине с потёмками,
 Забыв об одеяле,
 Засыпанные стёклами
 Той ночью мы не спали.

Сквозь заслон карателей,
 Через гарь и чернь,
 Мать с тобою, маленьким,
 Уходила — в День...
 Скажу тебе, не сетуй,
 Святая правда тут:
 Печаль и радость детства
 Лишь взрослые поймут.
 Теперь живу блаженствуя,
 Не знающий блаженства.
 Не ухожу на пенсию —
 Лекарственное средство.

Забот полно впридачу,
По горло суеты.
Опять таких же нянчу,
Таких, каким был ты.
Слежу за переменами
В общении с людьми.
Слушаю антеннами,
Чем озабочен мир.
А мир сегодня тучится
Ужель греметь громам?
Как хочется, чтоб лучшее
Цвело и здесь и там.
Чтоб в кровь вошла доверчивость,
Чтоб жизнь была красна,
Чтоб уходила в вечность
Разбойная война.
Ведь мне не так уж больно,
Живым она больней.
И я кричу: — Довольно!
От имени камней.
Я, сделанный из камня,
Кричу безумцам, злой:
Быть не хочу расплавленным,
Быть не хочу золой!
Будь с нервами стальными,
Знай тех, в ком волчья злость.
Чтоб и с детьми твоими
Такого не струсилось.
В борьбе не знай усталости,
Вся соль земли — в борьбе...
— Мой Дом!
Спокойной старости
Желаю я тебе.

дер. Красная Рыбница.

ОЗАРЕНЬЕ

Пожалуй, счастья лучшего не надо,
Когда на сердце сходит благодать:
Лучится мать, дитя улыбке радо,
Да так, что словом трудно передать.

ЧЕРЕЗ ВРЕМЯ

Я знаю,
 боль заглушится годами.
О ней
 я не пожалуюсь нигде.
А ты всегда
 светись перед глазами,
Как лилия
 на утренней воде.

И.Н. Крамской
(1837-1887)
Портрет Л.Н.
Толстого (1828-
1910). 1873

Творческая встреча в «Шаблыкинском вестнике». Редактор Валентина Сергеевна Романова (третья справа) и её коллектив – смелые люди. В их местах не только охотился Лев Толстой. Много ярких страниц в его «Войне и мире».

Двойная радуга над селом

Этюд Виктора
Рассохина

ГДЕ СМЕЛОСТЬ?

Путь не критический опасен,
Устали, лживостью пыля.
Страна давно живёт без басен
И не хватает «Фитиля».

ПАЛАЧИ НОБЕЛЕВСКОГО ЛАУРЕАТА

Нашлись «спецы» – ругают Бунина,
Что он проклял переводот.
Звереет тот, чья жизнь прокурена
И мозг пропит от партщедрот.

И.А. Бунин
(1870-1953)

ЧИТАТЕЛЬСКИЙ ЗАПРОС

В смятенье не находим слова,
КТО совершил такую гнусь:
За ЧТО убили Балашова,
Воспевшего Святую Русь??

В.М. Васнецов (1848-1926)
Бой Добрыни Никитича со
Змеем Горынычем

МУЗЫКА ДУШИ

(цикл стихотворений)

ФЁДОР ШАЛЯПИН

Завистливо-безжалостные силы,
Увидев в нём враждебный рецидив,
В Париж его толкнули до могилы,
Лишив всего, на голос наступив.

Б.М. Кустодиев
(1878-1927) Портрет
Ф.И. Шаляпина 1922.
Даты жизни певца
(1873-1938)
Анилаг был в Орле!

Народ молчал. Пришёл правитель жёсткий,
Надолго став у властного руля.
Но выше был гигант нижегородский
Чужого и высокого Кремля.

Выплескивали всё на эмигранта,
Но имя опорочить не смогли,
Поскольку свет глубинного таланта
Лучами бил со всех концов Земли.

АЛЕКСАНДР ВЕРТИНСКИЙ

А.Н. Вертинский
(1889-1957)

Ему знакомы штили, бризы, бури,
Причудливая вязь людского зла.
В бананово-лимонном
Сингапуре
Экзотика его не увлекла.

И, в год порохового лихолетья
Вернулся он на горькие хлеба,
Соединив забвенье и бессмертье,
Сняв пыльный плащ всемирного
раба.

Пел в Орле

ПЁТР ЛЕЩЕНКО

П.К. Лещенко
(1898–1954)

О, как жасмином пахнет пряно,
В жасмин – распахнуто окно.
И танго юности «Татьяна»
Звучит отрадно-неземно.

И я не чувствую пластинки,
Меня всего берут в полон
И волшебство цыганской скрипки,
И незабвенный баритон¹.

Пётр Лещенко
и Вера Белоусова

ИЗАБЕЛЛА ЮРЬЕВА

«Белая цыганка» –
так звали её
любители романсов

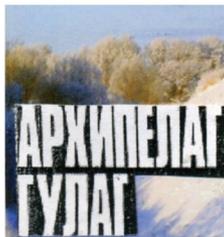
Так мстительны духодные уроды,
Терзали песню даже в божий день.
Но светится и светит через годы
В росе алмазной белая сирень.

Ты устояла в хаосе жестоком,
С теплом сердец не потеряла связь,
Когда тебя за нежность и за локон
Газетная охаивала мразь.

И.Д. Юрьева
(1899–2000)

ВАДИМ КОЗИН

Зажатый в однокомнатной квартире,
Отбыв свой срок – где солнца жадно
ждёшь,
Певец, чей голос нежен в жёстком
мире,
Пропел в века: «Я ненавижу ложь!»

В.А. Козин
(1903–1994)

¹ Алла Баянова пела в Бухаресте в ресторане «Пётр Лещенко». Ей аплодировал мир.

О.Д. Строк
(1892-1975)

ОСКАР СТРОК

Сегодня из туманного далёка
Былая слава вновь пришла к нему.
Я имя повторю Оскара Строка
За вечное «Скажите, почему?»

Потом война усилила утраты.
Казалось, не пройдёт огонь
и стон.
Но брали офицеры и солдаты
«Вельтмайстер» – дорогой
аккордеон.

По клавишам тугим скользили руки,
И звали к мирной жизни голоса,
Не веря, что с любимыми в разлуке,
Надеялись на чёрные глаза.

Кто не помнит знаменитые:
«Осень, прозрачное утро,
Небо как будто в тумане...»

И на войне без музыки
нельзя...

М.Н. Бернес
(1911-1969)

МАРК БЕРНЕС

Дорога жизни – с пашнями и долами,
Ухабистой бывает и крутой.

Не все с войны пришли тогда весёлыми,
А кое-кто пришёл с пустой душой.

Шипели: «На эстраде делать
нечего...»

Начальственные лица на посту.
Но пел певец душевно и доверчиво,
И мир ловил те песни на лету.

Н.В. Богословский (1913–2004),
автор песен «Спят курганы
тёмные», «Любимый город»,
«Тёмная ночь»

Истребитель
И-153 «Чайка»

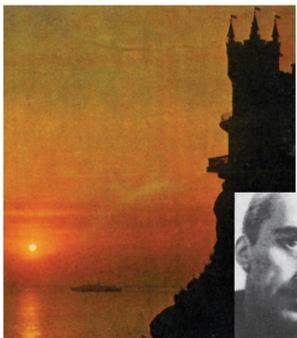
Аккордеон – наша любовь.
Поклон Валерию Ковтуну
и Петру Дранга!

«Ты одессит, Мишка!»
Л.О. Утёсов (1895–1982)

А.Н. Цфасман
(1906–1971)

ЛЕОНИД УТЁСОВ

Он пел свободно и открыто,
Вводил свой стиль в заморский джаз,
Но за талантом одессита
Следил всё время острый глаз.

Его душа была не смята,
Маэстро дорог был стране:
Прошли «Весёлые ребята»
И с болью – песни о войне.

И.О. Дунаевский
(1900–1955)

Леонид Утёсов с дочерью Эдит на премьере первой послевоенной программы, посвящённой 800-летию Москвы

АЛЕКСАНДР ЦФАСМАН

В Гурзуфе цвёл миндаль,
На море не штормило.
«Мне бесконечно жаль», –
Так танго было мило!

Поэт и пианист –
Нёс людям свет и счастье
Под оголтелый свист
Глухонемых от власти.

Владимир Сидоров, композитор, его песни
«Дружба», «Тайна» исполнялись В. Козиным,
Л. Утёсовым и полюбились миллионом
слушателей

ЭДДИ РОЗНЕР

На Колыме и вьюжной, и морозной,
Скулят овчарки, караул продрог.
В Кремле – тиран,

а здесь в фаворе Рознер,
Труба, как солнце, да и сам он – бог.
Играет с блеском Дюка Эллингтона,
При лютой стуже –
жаркий «Караван».

И, кажется, что отступает зона,
Теплеет Ледовитый океан.¹

Э. Рознер
(1910–1976)

АЛЛА БАЯНОВА

А.Н. Баянова
(1914–2011)

Когда поёт – мы все бываем немы,
В себя мы смотрим глубже и смелей.
Певица щедро дарит хризантемы
Под оклик запоздалых журавлей.

Я в зал глядел, где не было местечка,
Где люди забывали про года,
Как бирюзовым таборным колечком
Она их кольцевала навсегда.²

Её песни похожи
на радугу...

Г.А. Скороходов (1930–2012)

ГЛЕБ СКОРОХОВ

Он — мастер слова об актёрах,
О тех певцах, кто нёс тепло,
Чтоб общество в военных шорах
В звериный рык не перешло.

¹ Знаменитый музыкант выступал с оркестром в Орловском ДК железнодорожников. По просьбе Виктора Рассохина и студентов был исполнен мировой шедевр «Караван», который зал слушал с замиранием...

² Эти стихи были вручены певице на концерте в городском парке культуры Орла.

КУМИРЫ ЭСТРАДЫ

Многих в прессе затравили,
Кому в лагерь полоса,
Хоть и слушал Джугашвили
Золотые голоса.

В прах, в гранит ушли режимы,
Но сквозь все препоны зла
До сих пор певцы любимы –
Не сломали им крыла!

У рояля композитор Евгений Жарковский, композитор Леонид Бакалов, певцы Аркадий Погодин, Владимир Бунчиков, Леонид Утёсов, Иван Шмелёв. 29 января 1956 года.

КЛАВДИЯ ШУЛЬЖЕНКО

*«Эх, Андрюша,
Нам ли быть в печали?»*

На фронтовых концертах К.И. Шульженко (1906-1984)

О, море в Гаграх в час очарования!
Старинный парк, где льются смех и речь,
То вас закружит плавно вальс «Молчание»,
«Записка» намекнёт о тайне встреч.

И голос, откровенный до наивности,
Захватит вашу душу целиком...
Она смогла на крыльях песен вынести
Тех, кто был ранен пулей и штыком.

В новейший век, когда глаза – полтинники,
Когда в ходу стрельба из-за угла,
Нам кажется, её платочек синенький
Трепещет одиноко против зла.

ЛИДИЯ РУСЛАНОВА

Л.А. Русланова
(1900-1973)

Фронтовой концерт
Лидии Руслановой

В поверженном Берлине звучат
«Валенки»

Концерт в лагере

Под Новый год мело и выло,
И в эту заветь, в эту выть
Начальство лагеря решило
В свой круг певицу пригласить.

Коньяк. Шампанское. Лимоны.
На ёлке — алая звезда.
– У вас я чувствую стеснённо,
В бараки, может быть... туда?

И замполит замялся вроде,
Потом промолвил: — Всех собрать!
Кому придётся на свободе
Билет на «Валенки» достать?

Мечтами жизни довоенной
В режимный быт вошла она.
И между зрителем и сценой
Стояла счастья пелена.

Фото после
допроса

Сквозь тернии – песни в народе.
Л.А. Русланова выступала в Орле

НЕОИНКВИЗИЦИЯ

*Память, как ты ни горька -
Будь зарубкой на века!
А.Т. Твардовский
(1910 - 1971)*

Пусть что-то не прочтётся,
Но жаль, что красный флаг,
Народы звал под солнце,
А тенью был ГУЛАГ.

Кому-то непонятна
Осторожная тоска.
Черны на солнце пятна –
Не смоются в века.

И в кризисном ранжире
Крик боли не затих:
Во всём подлунном мире
СВОИ – НЕ БЬЮТ СВОИХ!

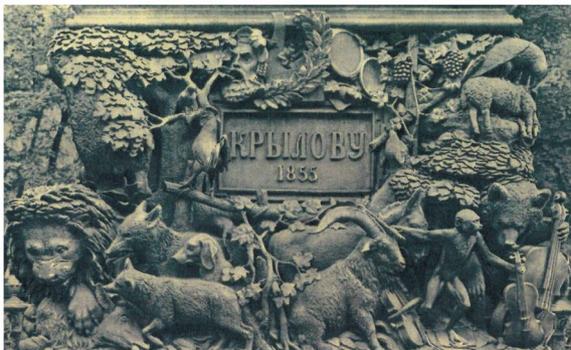
Автор «Василия Тёркина» на фронте

И.А. Крылов
(1769-1844)
Художник К.П. Брюллов
(1799-1852)

БАСЕННАЯ БОЯЗНЬ

Россия в гегемонах бестолкова,
Что ни кумир – грядёт упадок сил.
Ей в партбилеты вклеить бы Крылова,
Чтоб он владельцев мудрости учил.

В.И. Даль
(1801-1872)

ЗАБЛУДШИМ

На баксо-полусленге зубоскаля,
Его словарь до дна не изучив,
Всё дальше удаляемся от Даля,
Смотря на Вашингтон и Тель-Авив.

ТИГРИЦА ЦЕНзуРА

О, как она спешит на запах
Животрепещущей строки,
Что даже за когтями в лапах
Частенько отстают клыки!

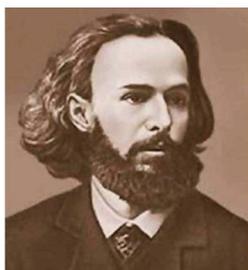

Ф.А. Васильев
(1850-1873)

Работа И.Н. Крамского
(1837-1887)

И.К. Айвазовский (1817-1900). Ночь в Крыму

С.Я. Надсон
(1862-1887)

МЕЧТАТЕЛИ

О Ялте много мне рассказано
Дыханьем моря и тепла.
Но ни Васильева, ни Надсона
Она от боли не спасла.

Не оттого ль, картиной занятый,
Превозмогая злой недуг,
Художник-юноша по памяти
Писал российский "Мокрый луг"?

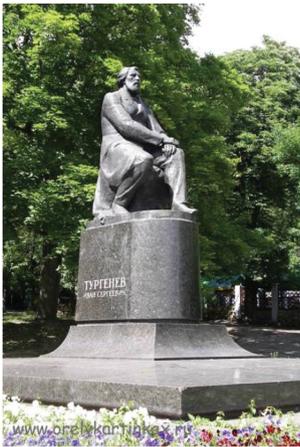
Поэт, чухоткою прикованный,
Зажав платком кровавый рот,
Не видя смерти в розе сломанной,
Писал: "Она ещё цветёт..."

И погибли два мечтателя,
В жару горячечно дыша,
При льдистом сердце обывателя
И при отсутствии гроша.

Они остались в Человечестве,
Их дух границы пересек...
Но равнодушия в Отечестве
Я не прощу и через век.

В.Г. Мессинг
(1899-1974)

МЕССИНГ В ОРЛЕ

Вольф вышел – сразу замер зал,
И тишь была необычайной.
Народ прекрасно понимал,
Что он владел глубокой тайной.

Шептали: – К Гитлеру был вхож.
– К нему был Сталин недоверчив...
И на ежа он был похож –
Аж голова входила в плечи.

Смотрел в глаза и щупал пульс,
На лицах видя перемены,
Что кто-то крикнул: – Я боюсь!
И убежал в партер со сцены.

Но смелым тоже не везло,
Они при нём так были жалки:
Всё время морщили чело,
И ноги делались как палки.

Как мастер численных систем,
Вникал в деленья-умноженья.
Когда он шёл, казалось всем –
Сходились тень и озаренье.

Он завлекал в свой круг людей,
Привыкших к голоду и грозам,
Хотя еврей был у властей
Под государственным наркомом.

ЧАРЛИ ЧАПЛИН

Люблю в нём актёра и автора,
Он дорог не только мне.
Но что-то его "Диктатора"
Не вижу в своей стране.

Напомнят о нём по телеку,
Мол, смело сыграл врага.
И вновь упрекнут Америку,
Что ленточка дорога.

Не по наивному ж случаю,
Входя в гегемонскую роль,
Раз двадцать себе прокручивал
Работу его Адольф.

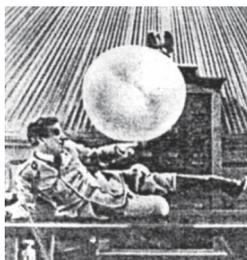
Один ли он это видовал?
И, правду нутром не любя,
Почти всепланетные идолы
В герое – узнали себя.

Кто хочет быть в мире посмешищем?
И власти смыкаются тут:
Для фильма стал вечным убежищем
Прославленный Голливуд.

А Чарли метёт себе клёшами
И песню несёт на устах:
– Режимы бывают хорошими,
Когда они спят в словарях.

Ч.С. Чаплин
(1889-1977)

*Диктаторы,
которых высмеял
Гений Синема,
ещё не перевелись.
Они – далеко
и рядом...*

СОДЕРЖАНИЕ

Противостояние.....	3
Мысль.....	4
Радищев.....	5
Рылеев.....	6
Чёрные силы.....	7
В Михайловском.....	8
Гений.....	9
Бородино глазами художников.....	12
С народом громили врага.....	14
Св. Елена.....	14
Баталлисты – реалисты.....	16
Джордж Доу.....	16
Когда огонь кипит в крови.....	18
Очи чёрные и голубые.....	18
И в чарах таится обман.....	20
Живописцы.....	21
Освещённый солнцем.....	22
Посланец генерала.....	23
Мимолетное счастье.....	24
Дар мыслителя.....	25
Под Пятигорском.....	26
В Тарханах.....	28
От любви до дуэли.....	29
Через время.....	29
Сопричастность.....	30
В Пушкинском доме.....	31
Его оружие.....	32
В гостях. Встреча с Н.Н. Пушкиной-Ланской 12 апреля 1841 года... ..	33
Из хлада в пламя.....	34
Реакция заклеямена.....	35
Реакция заклеямена.....	36

Две эпиграммы на Ф. Булгарина	36
Служакам III отделений	37
Тянутся их тени в современность	38
На привязи	38
В кругу общенья	39
Вечная боль	40
Слово сподвижника фельдмаршала Кутузова	41
Нечисть	44
Лермонтовед	46
Луч в кинематографе	47
Слишком «Умные»	48
Солнечное слово	49
Вторая Голгофа	50
Мольба	51
Так было...	52
Агрессия	52
Кавказская трагедия	53
Наставник Тютчева и Лермонтова	54
Забугрились	56
Сирота	57
Им благодарна Россия и мир (они на полотнах, в скульптурах, гравюрах, в значках)	58
О новом времени	58
Дорогие имена	58
Контраст	59
Кто, если не Вы?	61
Сергею Есенину	63
Найдена истина!	65
Что изменилось через годы?	65
Страдальцы	66
Владимир Высоцкий	66
Выход из тупика	67
Жгучая память	67
Жёсткое время	68

Земляне – землю не губите!	68
Учёным	69
Нелюбимая правда	70
Шамиль в Калуге (цикл стихотворений)	71
Посмертный обыск (драматическая поэма об А.С. Пушкине)	92
Обаяние Кавказа. В мире книг	119
Поэмы. Стихи. Статьи. Очерки. Критика	
Ночь	125
Озарённая душа	134
Начинающим поэтам, прозаикам, драматургам и краеведам ..	147
Отчисленный поэт (Неудобные вирши)	154
Эстафетчики предательства	178
Навстречу друг другу. Заметки по поводу	180
Кто же всё-таки стрелял в Маяковского???	185
Верность истине	193
Шапка Мономаха	195
От паруса до трагедии	217
Писатель и власть	218
Любите живопись, поэты!	224
На выставке Александра Шилова	224
Паралитература и её вклад в разложение общества	226
Опыт филолога	239
Улица с ошибками	240
В третьей литературной столице	240
Евгений Евтушенко	240
Кто следующий? (Монолог Обезьяны)	241
Система	242
Скажи мне, дом... ..	245

Озаренье.....	248
Через время.....	248
Где смелость?.....	249
Палачи Нобелевского лауреата.....	249
Читательский запрос.....	249

МУЗЫКА ДУШИ

(цикл стихотворений)

Фёдор Шаляпин.....	250
Александр Вертинский.....	250
Пётр Лещенко.....	251
Изабелла Юрьева.....	251
Вадим Козин.....	251
Оскар Строк.....	252
Марк Бернес.....	252
Леонид Утёсов.....	253
Александр Цфасман.....	253
Эдди Рознер.....	254
Алла Баянова.....	254
Глеб Скороходов.....	254
Кумиры эстрады.....	255
Клавдия Шульженко.....	255
Лидия Русланова. Концерт в лагере.....	256
Неоинквизиция.....	257
Басенная боязнь. Заблудшим. Тигрица цензура.....	258
Мечтатели.....	259
Мессинг в Орле.....	260
Чарли Чаплин.....	261

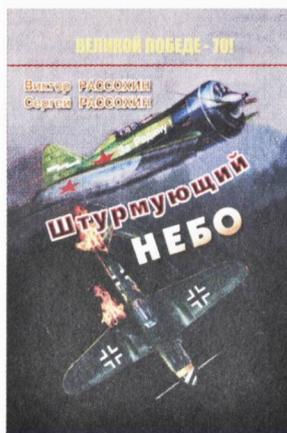
Триумфальный плакат

СОЮЗНЫЕ СИЛЫ - ФАШИСТАМ - МОГИЛЫ!

**Вооружённые силы СССР,
США и Великобритании
уничтожили этот ужас
вандализма и кровожадности
в его логове.
Слава победителям!!!**

БИБЛИОГРАФИЯ

- М.Ю.Лермонтов.** *Собрание сочинений в четырёх томах.* М., 1983
- П.В.Висковатов.** *Собрание сочинений М.Ю. Лермонтова.* М., 1889
- В.Г.Белинский.** *Полное собрание сочинений. Т. I-XIII,* М., 1953-1959
- В. А.Соллогуб.** *Сборник «Вчера и сегодня» Журнал «Отечественные записки».1839-1840*
- Н.Г.Чернышевский.** *О стихотворении М.Ю.Лермонтова «Три пальмы». «Звенья», Т. VIII,1950*
- И.И.Панаев.** *«Воспоминания»*
- А.Я.Панаева (Головачёва).** *«Воспоминания».* М.,1956
- И.С.Тургенев.** *Полное собрание сочинений в 28 томах.* М., -Л., 1965
- М.Е.Салтыков-Щедрин.** *Полное собрание сочинений. Т. I-XI. СПб. 1891-1892*
- М.Е.Салтыков-Щедрин.** *Собрание сочинений. Т. I-20.* М., 1965-1977
- А.С.Бушмин.** *Сатира Салтыкова-Щедрин.* М., -Л., 1959
- А.А.Орлова.** *«М.И.Глинка. Летопись жизни и творчества».* М., 1952
- Ф.В.Булгарин, Н.И.Греч.** *Газета «Северная пчела» (1825-1859), где печатались статьи, проникнутые ненавистью к Пушкину, Гоголю, Белинскому и другим прогрессивным литераторам.*
- А.И.Герцен.** *«Былое и думы». (1852-1868)*
- Н.В.Гоголь.** *Полное собрание сочинений. Т. I-XIV,* М., 1940-1952
- И.А.Гончаров.** *Собрание сочинений в восьми томах.* М., 1952-1955
- Н.А.Некрасов.** *Полное собрание сочинений и писем.* М., 1948-1953
- Д.В.Григорович.** *«Литературные воспоминания».* М., 1961
- С.Н.Дурылин.** *«Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова.* М., 1940
- П.В.Анненков.** *«Литературные воспоминания».* М., 1960
- М.К.Лемке.** *Николаевские жандармы и литература 1826-1855 г.г. СПб.1909*

Общий тираж названных произведений Рассохиных – 40 200 экземпляров (2006-2016 гг.)

ЗАЩИТНИКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

*Танкисту-
кантемировцу
Александру
Максимовичу
Шишову – мы
подарили книги,
а фронтовик
отблагодарил
авторов
незабвенным
фото-коллажем.
Поклон Вам в
честь 70-летия
Великой Победы!*

В.Д. Сидоров

В.Е. Волченков

А.В. Ефимовых

Ю.С. Белоусько

Н.В. Галкин

**Виктор Васильевич Рассохин
Сергей Викторович Рассохин**

ГЕРОЙ ВЕЧНОСТИ

(к 200-летию со дня рождения)

*Стихотворения, поэмы, рассказы,
очерки, статьи, рецензии, письма*

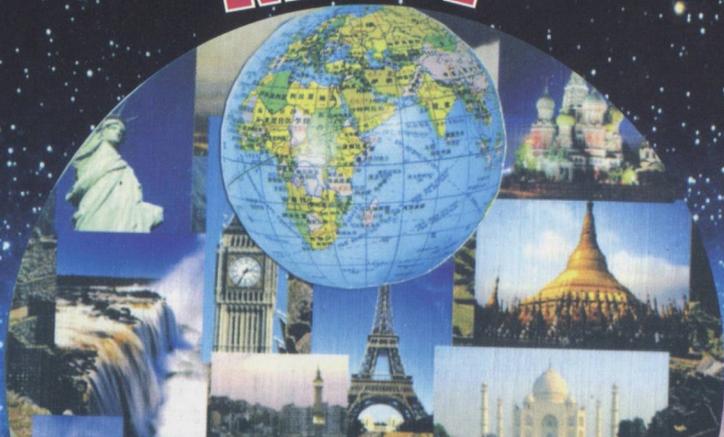
Издаётся в авторской редакции

Подписано в печать 05.04.2018 г. Формат 60x84¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. п. л. 15,86.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом
в типографии «Новое время»

302030, г. Орёл, ул. Итальянская, 23.
E-mail: newtime@orel.ru, novoe.vremia@mail.ru

МИР

РОДИНА. ТВОРЧЕСТВО. ВРЕМЯ

ЛЮБИМЫЙ ГОРОД

Орёл, так мал на карте Мира,
Но до сих пор во всех краях
Его магическая Лира
Зовёт к Добру и гонит страх.

МЫ ВЕРИМ !

Настанет солнечное завтра,
Пройдут вражда и госграбёж.
Величиною с динозавра
По всей Планете ходит ложь.

Её скелет – в музей – и баста!
Кто мудр?

Её оковы рви,
Чтоб монолитней было братство,
Чтоб флаги не были в крови!

Как слово наше отзовется...

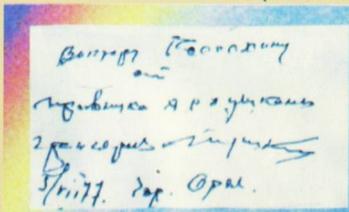
Ф.И. Тютчев (1803–1873)

Юрий Алексеевич Гагарин и Степан Петрович Щипачёв, давший мне рекомендацию в Союз писателей СССР в 1974 году. Фото 1961 г.

Г.Г. Пушкин, в Пушкинском Доме (ИРЛИ) удивленна прадеда. Воевал на Орловщине

Книга «Мы Вас любим, фронтовики!» - сыну маршала К.К. Рокоссовского - Рафаилу Константиновичу (Орёл)

И.А. Круглый

А.В. Уваров

А.Н. Ефимов

А.А. Новиков

В.А. Проничев и А.И. Курнаков

А.В. Барсуков

СТОЙКОСТЬ ДУХА И БЕЗДУШИЕ

Всё пережили: ветер, град и грозы.
Да, Русь такая – силой не сломить.
И кровь лилась, текли ручьями слёзы,
И сколько их ещё придётся лить?

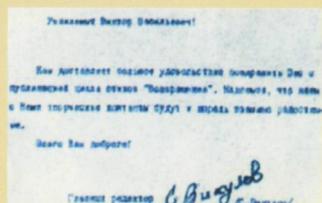
В.Д. Кузнецов

В.А. Курин

Сергей Васильевич Вукулов

О.Я. Одинцова

А.В. Гаврилин

Уважаемый Виктор Васильевич!
Нам доставляет большое удовольствие поздравить Вас с публикацией цикла стихов «Возвращение».

Надеемся, что наши с Вами творческие контакты будут и впредь взаимно радостными.

Всего Вам доброго!

Главный редактор С. Вукулов

Многократное спасибо за память об истории Отечества !

Президент РФ В.В. Путин и Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

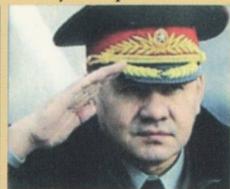
Высокочитимый о. Илий

С митрополитом Антонием. 600-летие крещения Миенска

Архимандрит Тихон (Шевкунов)

С.К. Шойгу

Н.Н. Бордюжа

В.И. Долгих

Н.А. Назарбаев

Е.С. Стров и А.Г. Лукашенко

Г.И. Прозукин

Е.С. Савченко

В.С. Бовин

С.А. Боженов

А.И. Гапонов

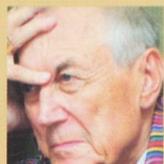
Г.А. Зюганов

В.А. Голентов и В.В. Рассохин

В.В. Жириновский

Е.А. Евтушенко

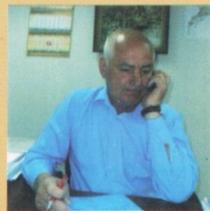
Поклон Н.Н. Грешилову и скульпторам Киреевым за создание Сквера писателей в Орле

В.М. Марахин

В.В. Ерохин

А.Н. Дрогайцев

Н.А. Жернов

В.М. Мишин

В.С. Михайлов

Благодарим вас за помощь в издании книг!

Нина Семёновна
и Георг Семёнович
Строевы
в Орловском Полесье

Владыка Сергей

В.В. Строев

А.Н. Петров

В.И. Васильев

Л.Т.
Канатникова

О.И. Гладкова

С руководством ДОСААФ в Орле

В.П. Бутусов

С.В. Новиков

Сын Ж.Л. Тюляна – Франсуа с семьёй
на Орловищине

А.В. Пилугин и
М.А.-М. Богатырёв

А.А. Мисуркин

К.С. Чегодаева

С.А. Висягин

Ю.Ю. Солдатенков

В.М. Пахомов

А.И. Писарева

Автограф Герою РФ В.А. Бочарову

Н.Г. Меркулов

Ю.Ю. Евстифеев

И.А. Александрова

А.И. Колоколов

С.П. Борзёнов

И.А. Леонов

Л.Н. Захаров

С. Д.А. Кожуховым

М.К. Никифоров

На элеваторе у С.Н. Дорофеева

СРЕДЬ БЕЛА ДНЯ

Старец
Амеросий Оптинский

Благословлял поэта Илий
За незабвенный «Русский крест».
За что же изверги убили
Его в тиши козельских мест?

Живут же бестии интриги,
Ни где-нибудь, в своей стране,
И жгут с ухмылкой его книги
В дыму шашлычном на огне.

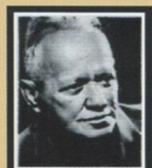
Их действия зашли далёко,
Разрушен не один алтарь.
Прожги, Всевидящее Око,
Вот эту тварь, они же – ТВАРЬ!

о. Илий

Н.А. Мельников
(1964–2006)

М. Шолохов

(1905–1984)
Автору «Тихого
Дона» – 110 лет

А. Твардовский

(1910–1971)
«Василий
Тёркин», «За
далью – даль»,
«По праву
памяти» –
известны всему
миру

Авторский дар
А.С. Кустарёву

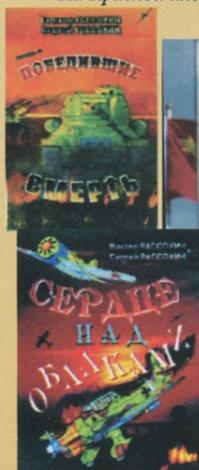
ОПТИНА ПУСТЫНЬ

Поставьте памятник деревне
На Красной площади в Москве!
Николай Мельников

Льгов. В Тургеневских местах

10 лет типографии «Новое время»

Из года в год крепнет российско-китайская дружба

СЕРДЕЧНАЯ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ ЗА ПОДДЕРЖКУ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ!

С. В.Н. Логвиновым

Ю.Н. Ревин

М.К. Пеньков

В гостях у В.П. Кузнецова

Л.А. Пашин

Н.Н. Королёв

Ю.Н. Парахин

Е.Н. Климова

В.М. Невров

Л.Е. Бородин

Ф.Н. Холченков

А.Е. Сорокин

Н.М. Валякко

Е.А. Кукушкин

В.И. Сенюшкин

Е.И. Глазкова

Ю.С. Косолапов

М.Л. Захаров

А.И. Алдошин

И.В. Полуэктов
помог с Лермонтовским
архивом

Друзья
Н.В. Романов и В.И. Стебаков

В семье Молодчининых

Дар А.А. Коровину

Ю.Н. Савенков:

«Присягу дают единожды!»

Гений хирургии
Ф.Г. Углов

Благословение Антония

Подарок А.М. Алдобаеву

В.Ф. Новиков

Живописец А.М. Шилов

В музее капитана «Варяга» В.Ф. Руднева

А.В. Кибовский

О.А. Дутов

С.В. Широков

Спортивная династия Ерохиных

А.И. Репин

Ливенские библиотекари

Е.В. Алтухов

У храма А. Невского,
возводимого семьёй
Строевых

Автограф
А.И. Ярмоленко
(«Сябры»)

Незабываемая встреча с Мариной Попович

Потерявшим память – прощения нет! (д. Хардиково)

ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ – 70 ЛЕТ!

ТРИУМФ

**«ПОБЕДА!!!» – В МИРЕ ПРОНЕСЛОСЬ!
И ЗАСВЕТИЛИСЬ ВСЮДУ ЛИЦА!
СЛОМАЛАСЬ ДЬЯВОЛЬСКАЯ «ОСЬ»,
А С НЕЮ – ВРАЖЬЯ КОЛЕСНИЦА.**

1
9
4
5

Союзники: У.Л.С. Черчилль (1874–1965),
Ф.Д. Рузвельт (1882–1945), И.В. Сталин
(1879–1953) на Крымской конференции.
Ливадия. Февраль 1945 г.

По-разному будут историки трактовать
их имена, но они вложили свой посильный
вклад в освобождение человечества.

2
0
1
5

Стратеги Отчизны: И.С. Конев, А.М. Василев-
ский, Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский, К.А. Мерецков,
Ф.И. Толбухин, Р.Я. Малиновский, Л.А. Говоров,
А.И. Ерёменко, И.Х. Баграмян.

Конец 1948 г.
Кукрыниксы:
(М.В. Купри-
янов,
П.Н. Крылов,
Н.А. Соколов)

Портрет Маршала Совет-
ского Союза Г.К. Жукова
(1896–1974)

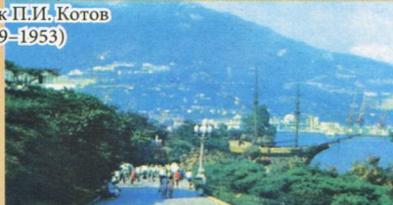
Художник: П.И. Котов
(1889–1953)

Герои Советского Союза М.А. Егоров
и М.В. Кантария, поднимшие Знамя
Победы над рейхстагом

ВОЗМЕЗДИЕ

Он покориť хотел весь свет
Дойчмаркой и напором силы,
Но мир сказал вампиру — НЕТ!
Лишив захватчика могилы.

Ялта. Жемчужина у моря, которую неод-
нократно воспел И.К. Айвазовский (1817–1900).

КРАХ

**В ИСТОРИИ ВОЕННОГО АЗАРТА
СОПУТСТВУЕТ ПОБЕДА НЕ ВСЕГДА:
ЯПОНЦАМ ДАЖЕ СОЛНЕЧНАЯ ЯЛТА
ПОКАЖЕТСЯ КАК ЮЖНЫЙ ПОЛЮС ЛЬДА.**

Асы
Франции –
за Победу!

Капитуляция
Квантунской
армии.
Художник
П. Судаков

Враг повержен!

Книга «Тайна покаяния» Его святейшество Патриарха Кирилла – дар авторам

Высокоочтимуому батюшке Илию подарен том о Н.Н. Поликарпове «Штурмующий небо»

Сергей Рассохин с народной артисткой СССР И.В. Макаровой, исполнительницей роли Л. Шевцовой в фильме «Молодая гвардия»

АВТОРЫ – ЧИТАТЕЛЯМ

Встреча с ветеранами в Военно-историческом музее города Орла

Только в Белгороде 700 томов

Сотни книг вручены ветеранам и героям тыла

Валентина Григорьевна Рассохина – библиограф. Благодарим за помощь!

... Поклон тем, кто любит книгу

Родные просторы

Наши любимые цветы

ПИСАТЕЛИ, ПЕВЦЫ, АРТИСТЫ (XIX–XXI вв.)

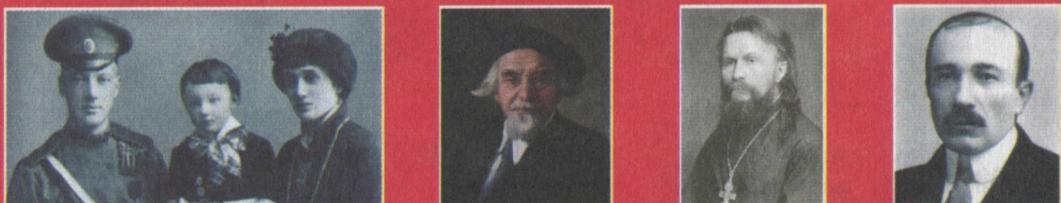
сосланы, повешены, убиты, на дуэли, расстреляны, преданы остракизму, покончили самоубийством

А.Н. Радищев А.С. Грибоедов А.С. Пушкин М.Ю. Лермонтов И.С. Тургенев

К.Ф. Рылев А.И. Герцен Н.Г. Чернышевский Д.И. Писарев Ф.М. Достоевский Л.Н. Толстой

Н.С. Гумилёв и А.А. Ахматова (сын Лев позже подвергался репрессиям) Н.А. Бердяев С.Н. Булгаков (о. Сергей) Б.В. Савинков

А.А. Ганин С.А. Есенин В.В. Маяковский Н.А. Клюев П.А. Флоренский

П.Н. Васильев Б.П. Корнилов А.М. Горький и И.В. Сталин (Буревестник и Вождь. От улыбок - к трагедии) Артём Весёлый Н.И. Конрад

С.А. Клычков Б.А. Ручёв Н.А. Заболоцкий Б.А. Пильняк В.И. Нарбут Я.В. Смеляков С.П. Щипачёв

О.Э. Мандельштам В.Ф. Наседкин М.А. Шолохов А.П. Платонов В.А. Козин М.А. Булгаков П.В. Оршин

В.И. Эрлих К.Э. Циолковский С.И. Чекмарёв М.И. Цветаева Д.Б. Кедрин С.М. Третьяков М.Е. Кольцов И.Э. Бабель
(в подвалах Лубянки 13 дней)

А.С. Курбас А.И. Солженицын П.Н. Краснов (повешен по сталинскому приказу) Ф.И. Шаляпин М.М. Зощенко А.А. Фадеев

П.Д. Маркиш С.М. Михозлс В.Э. Мейерхольд и З.Н. Райх Б.Л. Пастернак Н.М. Рубцов И.А. Бродский

И.М. Касаткин В.Т. Шаламов А.В. Жигулин с женой Игорь Тальков Ю.В. Друнина Д.С. Лихачев

200 лет со дня рождения поэта (1814—2014)

Акварель А. И. Ключнера и автопортрет поэта на фоне картины Лермонтова «Перестрелка в горах Дагестана», 1840-1841 гг.

У Машука

*Что ж молчали вы, горы Кавказа?
Отблеск молний на мокром лице...
Жизнь поэта – крылатая фраза,
А свинцовая точка в конце.*

Памятник гению в Пятигорске

